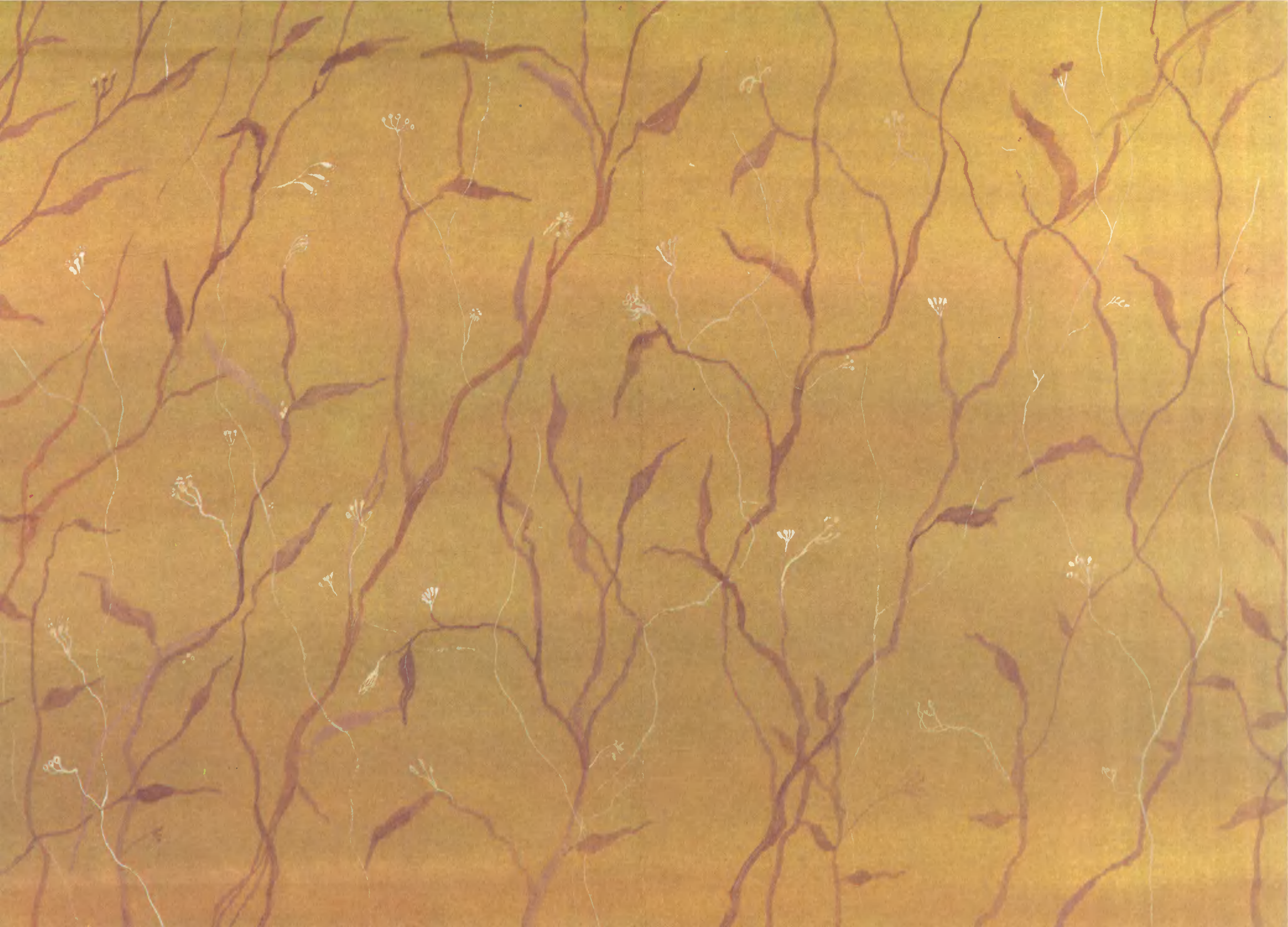
Хосе Мурильо
Ана Мария Рамб

Последние олени АНД



Хосе Мурильо
Ана Мария Рамб

Последние олени

АНД

ПОВЕСТЬ-ЛЕГЕНДА

перевод с испанского
Инны Тыняновой

Москва
„Детская литература"
1988

ББК84.7Ар
М 91

José Murillo y Ana Maria Ramb

RENANCÓ Y LOS ÚLTIMOS HUEMULES

Ediciones «Pespir Buenos-Aires», 1984

Художники В. КАФАНОВ, А. ШЕЛМАНОВ

М $\frac{4803020000-336}{М101(03)-88}$ 466 – 88

ISBN 5 – 08 – 000802 – 4

© Перевод, иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1988

Часть I

ПЛЕМЯ ПЕУЭНА

1. ДЕД ПЕУЭН

Он виделся ему еще величественным, но каким-то печальным и далеким. И образ его терялся где-то там, словно в голубой глубине озера, голубого-голубого, как небо, а может, это и было небо... В покое, как после долгого перехода. Такой недвижный, как темные скалы вдали, словно и сам — скала. Дед Пеуэ́н...

С тех пор прошло, наверно, очень много времени. А может быть, не так уж много. Ему трудно было представить явственно. Потому, пожалуй, что сам себе он виделся очень маленьким тогда, а возможно, это было и не так, а только казалось рядом с Пеуэном, таким большим и мощным. Потому что дед был мудр, осторожен и полон отваги. Он обеспечил на долгие годы спокойную жизнь оленям своего стада, был для них наставником, ласковым и чутким. Хотя иной раз... особенно в последнее время и, если точнее, с тех пор как они получили известие о приходе на эти земли рыжих оленей, он стал раздражителен. Теперь, только теперь Ренанко́ начал понимать деда. И восхищаться им, потому что даже в те трудные и такие опасные дни Пеуэн не бывал резок. Он встряхивал головой и удалялся, ворча. Но самым отчетливым и самым последним был иной образ: Пеуэн, всматривающийся в даль, словно отрешенный. На острие скалы, неотрывно глядящий куда-то далеко-далеко, не понять даже, как далеко. Словно ожидая... Ожидая?.. Но что ж тут необычного?

И отчего так часто возвращается это воспоминанье? Оттого, наверно, что теперь, когда он сам начал свою независимую

жизнь, когда он чувствует себя с каждым днем уверенней, возвращаться к временам веселого, счастливого детства и, в особенности, к деду было способом проверки своих успехов и ошибок или, что еще важнее, приобщения к примеру, ценность которого проверена и утверждена была жизнью в те времена, когда Пеуэн и сам был полон жизни и его оленье стадо было могущественным, многочисленным и почитаемым всеми. Какое чувство уверенности испытываешь, бывало, поспешая за длинной вереницей оленей, предводительствуемых Пеуэном! Разумеется, было много причин чувствовать себя уверенным. Он сам-то был совсем еще малыш, но помнил все так ясно... В течение того длинного дня какая-то напряженность ощущалась во всех, во всем племени. Потому, быть может, что все заметили, что Пеуэн чем-то взволнован. Никто не знал, в чем дело, но все предчувствовали какую-то опасность, бродящую где-то рядом. Пеуэна нелегко было испугать, и, кроме того, он казался более настороже, чем обычно. Воздерживался от еды. И сколько ни напрягай слух, с каким усилием ни вглядывайся в туманную даль, трудно было разгадать причину, источник этого всем очевидного беспокойства Пеуэна. Потому что если кто-либо их подстерегал, то кто это был и с какой стороны ожидать его?.. Если невозможно было различить самым чутким ухом, значит, речь шла о враге очень опасном, очень опытном в охоте. Потому что не один дед был на страже: когда спустились сумерки, молодые самцы стада собрались вначале вокруг Пеуэна, а потом распределились по флангам, так что матери со своим потомством оказались словно в ограде, чего на памяти Ренанко никогда раньше не случалось. Он, правда, был еще мал, и, естественно, опыт его был скуден. Хотя мать рассказывала ему многое о жизни стада, даже то, что случилось еще до его рождения... И, однако, необычность мер, принятых самцами для защиты, чувствовалась сейчас и в испуганной настороженности самок. Было очевидно, что к закату этого дня напряжение достигло уровня еще небывалого, потому что тревога и страх были сильнее, чем обычно перед лицом опасности. И это в большой степени проистекало еще из того, что ощущение опасности не

сопровождалось уверенностью в ней. Чувствовалась какая-то угроза, и неизвестно, откуда и от кого она исходит.

Пеуэн выбрал на сей раз равнину для ночевки стада. Это была местность, открытая взору со всех сторон. И то, что он избегал близости леса и впервые — судя по не очень еще старым воспоминаниям Ренанко — не прибег к покровительству деревьев, было вторым свидетельством того, что Пеуэн знал об опасности больше, чем хотел показать, может быть, чтоб не растревожить стадо. Он поместил в центре оленят, заставил самок плотным кольцом окружить свое потомство, а самцов, молодых в большинстве, сплошь почти неопытных перед грозящей опасностью, расположил спиной к ним и лицом к окружающей местности. А сам Пеуэн бродил снаружи, по кругу, проверяя боевой строй, в каком сгруппировал свое племя. Порою он останавливался, и видно было, как он, поворачивая голову во все стороны, внимательно прислушивается и принюхивается. Легкая дрожь в бедрах выказывала еле сдерживаемое беспокойство, и, однако, хотя и медленно, к стаду вернулось прежнее спокойствие. Оленята прилегли на траву, и вскоре их матери последовали их примеру и принялись мирно жевать свою жвачку.

Но внезапно глухой, отрывистый рев Пеуэна пронзил спокойную группу, словно молнией. Ренанко в один прыжок поднялся с земли. Оленихи тревожно заблеяли.

— Там, там...— простонала Лиуэ́ль.

И там, в том направлении, куда с дрожью повернула свою голову его мать, две пумы затаились, пригнувшись, словно готовясь к атаке. Выпрямившись им навстречу, Пеуэн намеревался принять бой. Постояла тишина, грозная и глубокая. И недвижная. Ничто не шевельнулось, и никто не шевельнулся на прогалине...

Пумы — мощный самец и стройная самка — медленно-медленно приближались к вожаку оленей. Они ползли, приклеившись брюхом к земле, отмеряя расстояние, пригодное для верного прыжка.

Пеуэн ударил копытами в землю и встряхнул высокие

травы, рванувшись к противнику неожиданным и смелым толчком.

Пумы увидали, что на них надвигается мускулистая гора, что пара длинных и острых мечей нацелена им в грудь, и расступились, прыгнув в обе стороны. Пеуэн пролетел мимо, но сразу резко сдержал бег и снова перешел в наступление. Теперь позиция переменилась: пумы оказались спиной к стаду, а Пеуэн — лицом.

— Атаковать нам! — воззвал Кале́ль, отец Ренанко.

Линку́н и Кетре́н поддержали его, и все самцы, во главе с тремя зачинщиками, стремительно, как в набегах индейцев, двинулись навстречу пумам. Пеуэн, в свою очередь, снова пошел в атаку, чтоб пумы не заметили маневра оленей, намеревающихся окружить их.

Серебристая Йеури́, верно, что-то угадала, потому что заторопила своего Са́хту:

— Бежим, их слишком много...

— Сразимся,— отвечал он.

— Нас окружат...

Тут только разгадал Сахта умный маневр оленей.

На детенышей!!!

Йеури поняла сразу намерение супруга, и оба разошлись в разные стороны, чтоб избежать окружения.

— За ними! За ними! — раздался скорбный зов Пеуэна, который догадался об умысле хищников.

Олени, образовав широкий полукруг, галопом мчались за пумами, нацелившими свою атаку на оленят под защитой матерей.

Лиуэль и Анками́ль сохраняли присутствие духа:

— Приготовьтесь отразить их натиск. Кончико́, Анкамиль, Алеко́й и я нападем на самца, остальные — на самку.

Пумы приближались, преследуемые по пятам плотным строем оленей-самцов, надвигавшимся все ближе и ближе. Дрожала, гудела земля на прогалине, будто сотни безумных барабанщиков бешено били в барабаны.

Ренанко уже весь дрожал. Никогда до этой минуты не под-

вергался он никакой опасности, он и не знал толком, что такое опасность. И сейчас дикий страх леденил ему кровь.

— Мы пропали! — взревела Йеури.

Мощный Сахта не хотел верить подруге. Он остановился, сбитый с толку, в каком-то замешательстве. Никогда еще олени не осмеливались преследовать львиную породу с таким бесстрашием. Никогда раньше чета опытных охотников не становилась охотничьей добычей. И чьей? Оленьего племени... Но в этих было столько стремительности, столько отваги...

— Что медлишь? — Йеури мучилась неизвестностью.— Бежим, бежим, вон там раули, видишь, какое крепкое дерево...

И, не дожидаясь более, она в несколько прыжков достигла мощного бука Южных Анд и вскарабкалась на его высокие ветки. Сахта остался по-глупому рисковать жизнью в одиночку.

Метров за тридцать от пумы Пеуэн остановил свой бег, тряхнул головой и приказал остальным самцам оставить его одного.

Пума Сахта хлестал длинным хвостом, напоминавшим серебристо-серую змею.

— Чего ты хочешь, вождь оленьего племени? — спросил он, обращаясь к Пеуэну.

— Чтоб ты ушел и оставил в покое мое стадо.

Сахта отозвался не сразу. Он не отваживался признать себя побежденным.

— Что ответишь? — настаивал Пеуэн, никак не намереваясь допустить промедления, когда все складывалось в его пользу.

Пума Сахта понял, что у него нет выбора и, чтоб спасти свою жизнь, надо договориться. Олени не дадут ему времени добраться до дерева раули.

— Обещаю,— сдался он.

— Что именно обещаешь? — выказал недоверие Пеуэн.

— Обещаю не нападать на твое племя. Слово пумы.

— А она тоже входит в наш договор? — Пеуэн хотел вырвать у хищников обещание твердое и навсегда.

— Тоже...— хрипло прошептала Йеури откуда-то с недосягаемой ветки высокого бука.

— Хорошо,— согласился Пеуэн.— Удачи тебе, брат,— привет-

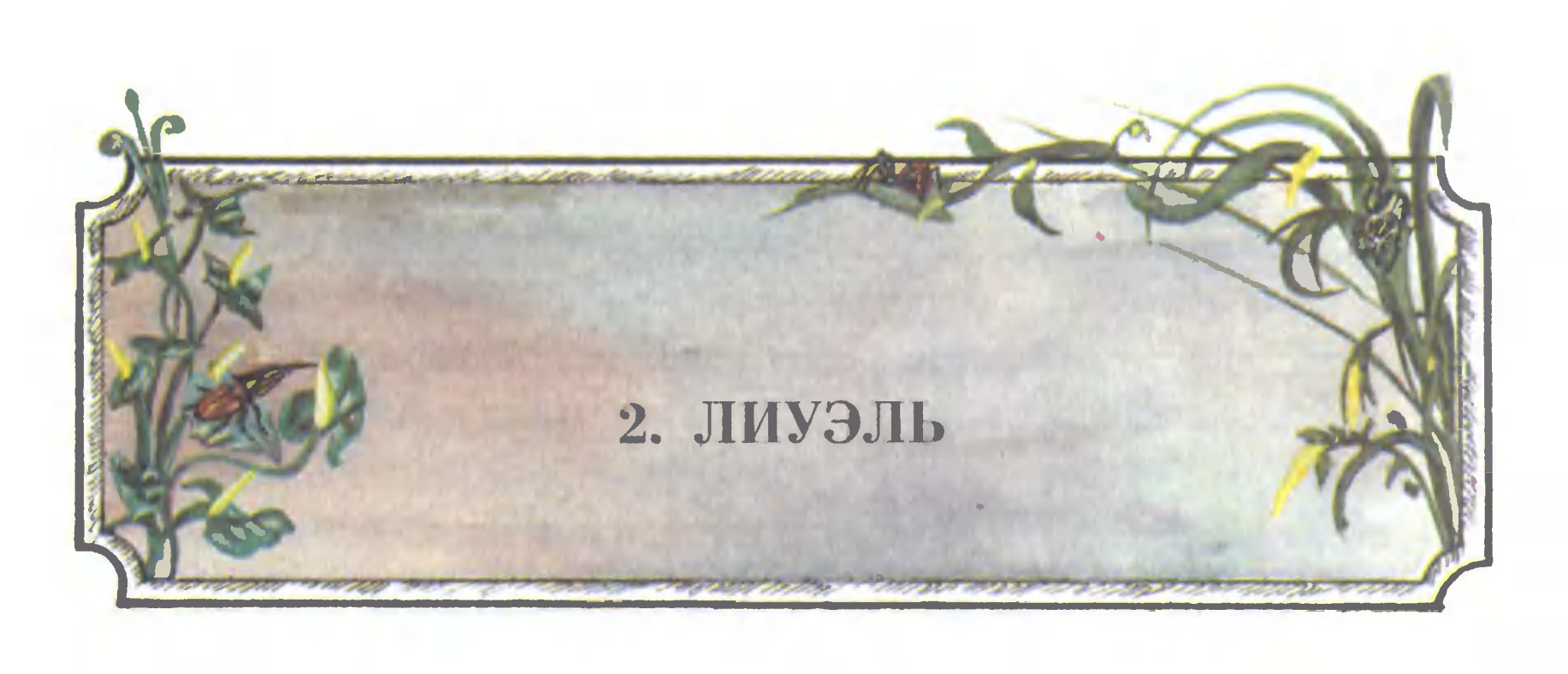
ствовал он нового брата и вернулся к своим оленям, чтоб пуститься с ними в обратный путь.

Йеури вздохнула с облегчением. Наконец-то ее супруг поступил разумно.

Ренанко снова вгляделся в голубую глубь голубого озера, и ему показалось, что образ Пеуэна, Пеуэна Храброго, остался там и останется там навсегда, чтоб охранять, как некогда, неприкосновенность своего стада.

Да, дед Пеуэн был способен один на один сразиться с пумой, и Ренанко ни на миг не сомневался, что он вышел бы победителем из подобной схватки.

Зов Райуэ́ вернул его к действительности. Теперь ведь он был вторым в стаде и на нем лежали серьезные обязанности. Рыжие олени уже покушались на озеро, принадлежащее по праву их общине — племени Пеуэна... Но Ренанко все медлил, не в силах оторваться от этого гигантского зеркала, скрывающего сокровище прекрасного прошлого, когда дед Пеуэн был могучим и почитаемым токи́ — вождем племени оленей Анд.



2. ЛИУЭЛЬ

Как ты красив, сыночек! Как мягка твоя шерстка цвета корицы!

Так чувствовала Лиуэль, чье имя означает «жизнь». Но не высказывала своего чувства. Потому что когда-нибудь ее сын мог стать вожаком стада и его не следовало слишком восхвалять, повинуясь порыву материнской любви,— такое может привести к непоправимой ошибке.

— А ну-ка, малыш, вставай, солнце уже посылает нам сквозь листву свои первые теплые лучи и зовет к жизни!

А ножки-то какие тоненькие, неуклюжие какие!.. Но не больно огорчайся. Еще несколько лун зайдет — и ты уже будешь пытаться меня перегнать. Не видишь разве, что Гура́, и Райуэ, и Клен в таком же положении, как ты? Они родились одновременно с тобой, вы как одна семья...

— Открой пошире глазки. Все вокруг ждет тебя. Обопрись бочком на мой загривок. Ну чего робеешь? Не бойся. Вот так...

Терпеливо Лиуэль обучала сына и показывала, как вставать с земли, укрепив сначала одно копытце, затем другое, и резким сжатием бедер — р-р-раз! — и вот он уже на ногах, как другие олени.

Ренанко с гордостью глядел вокруг. Да, вот и другие оленята из их стада тоже проходят обучение: вот Райуэ, маленькая олениха, такая нежная и пугливая; Анте́ль, с его блестящей шерсткой; Гура, такой же крепкий, как и Ренанко. До чего же замечательно, когда все можешь сам! А вон, подальше, взрослые: Калель — его отец, Линкун — отец Райуэ, Кетрен — отец Гуры —

мирно и с удовольствием пощипывают траву. Птицы распелись в лесу, приветствуя новый день. Если птицы поют, если взрослые олени спокойно пасутся — это верный знак, что никакая опасность не подстерегает их. А вблизи матери, рядом с ее теплом, Ренанко не боится ничего и никого.

А теперь... сосать. Утолить голод — первейшее дело. Маленькое брюшко раздувается, раздувается — и лень шевельнуться от приятной тяжести. Отдохнуть бы на травке. Но мать не велит:

— Вставай, вставай! Не то пища будет плохо перевариваться. А потом, тебе еще учиться и учиться.— И Лиуэль продолжает свои наставления: — Скоро ты начнешь есть, как взрослые. Видишь вон тот кусток? Это крапива. Принюхайся к ней хорошенько, чтоб уж не трогать: она ядовитая. А вон та травка — съедобная. Мы зовем ее «детская». Вон те цветки, что как солнце горят,— не ешь. Это мутисия, она меняется от света и от сырости, мы ее «изменницей» зовем.

Ренанко взглянул на цветы. Они и вправду сияли, как маленькие красные солнца.

По мере того как день вступал в свои права и солнце грело все жарче, Ренанко открывал, что он живет в мире, населенном еще многими существами, кроме оленей. Во-первых, птицы: тихерета-вилохвостка, быстрая в полете, верный друг их стада, ратона-мышка, маленькая, серенькая и храбрая, и стремительный колибри, и сладкогласный жаворонок, и чаровник дрозд... И все они наполняют воздух своими пируэтами, своими трелями, своими красками и своим очарованием, и все они ласково слетают вниз, чтоб познакомиться с Ренанко, олененком, сыном Лиуэль и Калеля, внуком Пеуэна.

Лиуэль показывает сына с гордостью. Она помнит, как несколько полнолуний тому назад Калель пришел к ней, ища теплоты, и как вскоре ощутила она маленькое новое сердечко, забившееся в ее теле и в ее крови. И она мечтает о том, что когда-нибудь Ренанко, ее сын, прославит их имена, продолжит их род, станет, быть может, вожаком стада, как нынче Пеуэн.

— Вот здесь собирается совет клана. Он состоит из самых

мудрых и благоразумных оленей. Здесь выбирают главу племени каждый раз, как старый токи умирает.

— Что такое токи, мама?

— Токи у индейцев-арауканов означает «вождь племени». И когда смерть...

— Что такое смерть, мама?

— Это когда пришла пора умереть.

— Что такое умереть, мама?

Ох! Ренанко уже начал приставать с вопросами, и этому конца не будет...

— Умереть — значит перестать быть оленем. Значит уже не бегать по траве, не пить свежую, вкусную воду из прозрачных родников. Не наслаждаться солнечным теплом, не слушать больше пенье дрозда или жаворонка, не вдыхать аромата цветов... Но ты не слушаешь меня...

Зачем слушать такое длинное мамино объяснение, когда с ближней ветки вечнозеленого радаля его приветствует своим

пеньем черноголовка, чьи черные перышки так сверкают над желтым тельцем, а вилохвостка, взмахнув крылышками, села на его тоненький хребет, полностью доверясь новому другу.

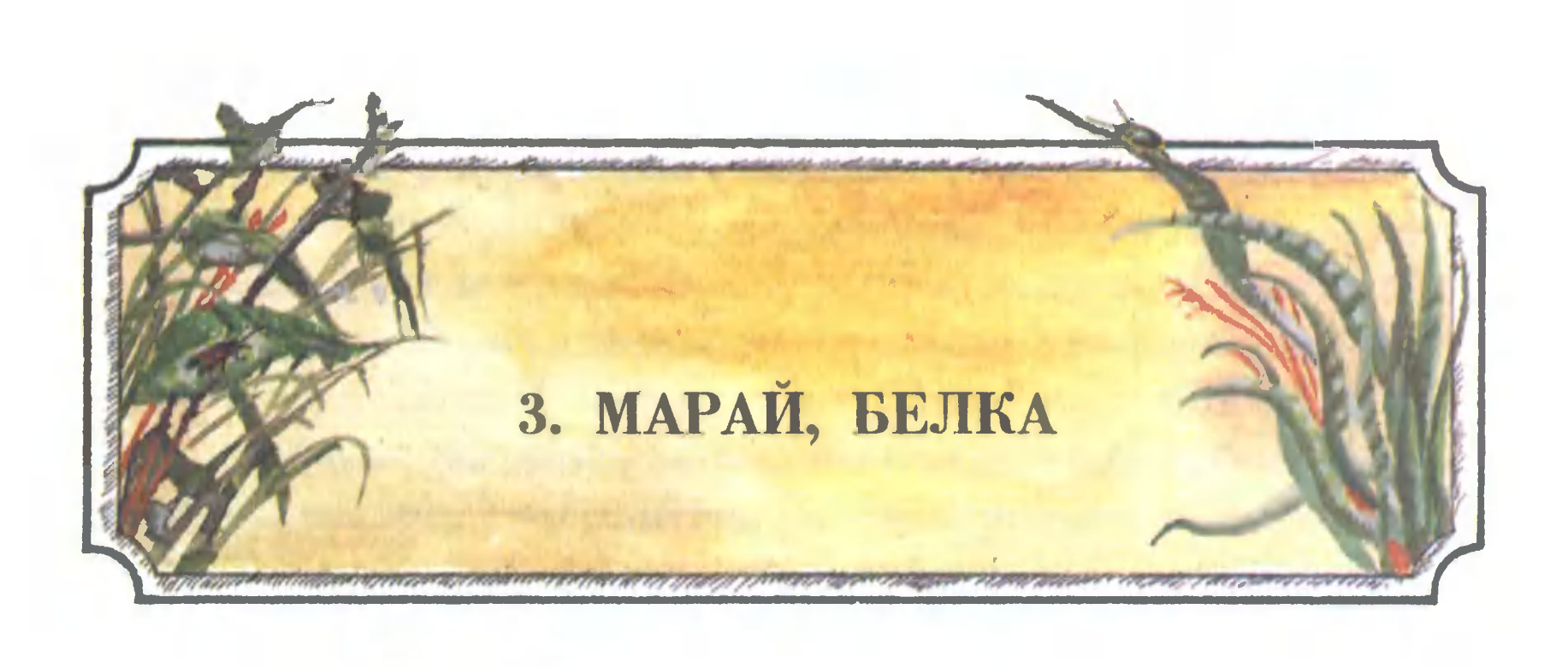
— Иди сюда! — Лиуэль требует сына к себе.

И показывает ему логово пумы Сахты и его серебристой Йеури.

В дупле, какое пробила молния в самой старой араукарии здешних мест, чета пум устроила свое семейное гнездо. Лиуэль заставляет сына принюхаться и запомнить запах. Жилище еще резко пахнет грозными кошками, хоть уже давно покинуто ими.

— Никто не отважится занять их логово. Мы все боимся их.

Маленькая ящерка собирается поиграть с Ренанко, и Лиуэль оставляет его в компании друзей, каких уже успел завести олененок. Она сможет поесть спокойно, покуда ее сын в безопасности на опушке леса, в окружении птиц и цветов, а ящерки манят его насладиться ярким солнцем сияющего полдня.



3. МАРАЙ, БЕЛКА

Он был счастлив. И это несмотря на чувство неуверенности. Как тяжело ходить и не шататься на ходу!.. Так и тянет упасть. Тогда как мать ходит так ровно, так красиво!.. А он... Так и норовит носом в землю, хорошо еще, что успевает упасть на колени, а то бы все бока отбил... Что ж делать?.. Надо терпеть и учиться. Иногда Лиуэль теряла с ним терпение, но ведь ни одного упрека он от нее не слыхал. Ни разу она не сказала: «Ну какой ты неуклюжий!» Существовал, однако, некто, именно это ему говоривший. Он не мог определить, откуда исходил этот тоненький голосок. Потому что ему не показалось: какой-то голосок, верезжащий и пискливый, порою окликал его, будто насмехаясь: «А вот упадешь, а вот упадешь... Эх ты!..»

И Ренанко — бум! — прямо мордой вниз. Затем он становился на колени и принимался чихать — три, четыре, пять раз,— чтоб избавиться от земли, набившейся в нос и в рот.

«Хи-хи!.. Хи-хи-хи!..» — смеялся тогда кто-то.

Но кто?.. И откуда?.. Олененок не понимал. И что более всего разжигало его любопытство, так это одна странная вещь: голосок этот слышался всегда в лесу и никогда на полянах. И сколько ни верти головой во все стороны, ни настораживай уши, ни вглядывайся — ничего... Тайна оставалась тайной.

Он не осмеливался рассказать об этом матери, потому что ему досадно было просить помощи в таком простом деле. Он должен сам обнаружить насмешника... Или насмешницу?..

«Я знаю, что сделаю,— сказал он себе как-то утром.— Я пойду в лес один и не вернусь, пока не узнаю, кто это».

Но не легко было ускользнуть от надзора, всегда такого бдительного, его матери Лиуэль. Она разрешала ему сосать до насыщения, а потом говорила: «Далеко не уходи. А если устанешь, то тихонько приляжешь и укроешься в высокой траве. Чтоб я только одна могла тебя видеть. Понял?»

Ренанко, шевеля большими ушами, отвечал, что да, понял.

«А если захочешь пройтись или поиграть с твоей подружкой Райуэ, так чтоб я вас видела. Договорились?»

В это утро он не ответил ей: «Да, мама». Он предпочитал лучше смолчать, чем соврать матери. Это было бы недостойно оленя, даже совсем маленького.

Лиуэль паслась рядом. Редко она отходила от него подальше. Так что у Ренанко не было другого выхода, как притвориться глубоко спящим, и он только время от времени тихонько приоткрывал один глаз, чтоб подсмотреть, в каком месте его мама.

Когда ему подумалось, что оттуда, где она сейчас, Лиуэль его не увидит, он с трудом поднялся с земли. Сначала правое копытце, потом левое и, когда уже стоял на коленях, напружинил задние ноги, как она учила, и — вперед! — носом в землю. Начнем снова. Удалось. Стараясь пригнуться в высоких травах, ступая осторожно, чтоб не делать никакого шума, ища направления ветра, чтоб тонкое обоняние матери не обнаружило его, он направился так быстро, как только мог, в сторону леса. Одно мгновенье ему показалось, что он слышит голос Лиуэль, вопрошавший: «Куда ты пошел?» Он остановился, дрожа, и внимательно прислушался, пригнув уши назад и оставаясь в полной неподвижности; но нет, это ему только почудилось из-за того, что он был в беспокойстве, решившись на такое приключение без согласия матери. Он повернул голову и увидел Лиуэль с загривком, утонувшим в траве. Можно спокойно продолжать путь. Пряный запах каких-то неизвестных цветов ударил ему в ноздри. Тишина царила в лесу, и свет падал яркими дрожащими потоками с высоких крон майтенов и радалей. Хотя, откровенно сказать, для Ренанко, такого маленького, все деревья были настоящими гигантами. Добрыми гигантами,

друзьями и покровителями. Так чувствовал олененок. Какой огромный этот раули! Возвышается надо всеми. Старое, верно, дерево. Может, в каком-нибудь его дупле...

— Ренанко неуклюжий! Ха-ха-харахаха! Ренанко дурачок, ходить не умеет!

Олененок остановился. «Нет, на этот раз я не упаду, не доставлю тебе удовольствия, и уж во всяком случае тебе не удастся сохранить секрет...» Он подождал какое-то время — ничего! Снова глубокая тишина, полная лишь шума крыльев, свиста ветра в листве, усердного жужжанья.

— С-с-шт!

Свист был мгновенней, чем его ответный взгляд. Он поднял голову, и свет ослепил его. Он тряхнул ушами и зажмурился.

— Ренанко дурачок! Ха-ха-харахаха!

Ему захотелось фыркнуть: «Так не годится, так я больше не играю!» Но если он это сделает, он только выдаст свою досаду, и неизвестный наверняка еще хуже станет насмехаться. «Я знаю,— подумал Ренанко,— я лягу и просмотрю ветку за веткой». Он растянулся на земле и начал изучать... Сколько, однако, веток!.. Настоящее кружево из побегов и листьев, словно паутина, застилало щелинки, сквозь которые пробивался с усилием свет. Так не обнаружишь ничего. Одну секунду! Что это было? Ему показалось, что в запутанной листве мелькнул пушистый хвост, ну да, совсем близко, меж ветвями радаля. Да полно, так ли? И что это за зверь, какого он раньше никогда не видел?!

Он устремил свой кроткий взгляд на ветки радаля и застыл в неподвижности, ожидая, не покажется ли вновь этот хвост, а вдруг и нос. Потому что нельзя ведь предположить, что хвост есть, а носа нету, или наоборот. Ну, в общем, одно без другого... Ренанко запутался... Нет, ничего не видно. И, однако, он чувствовал, что откуда-то за ним наблюдают. Невидимое оно, что ли?

Тар-р!..— что-то упало у самых его ног.

Он глянул и сразу же... тр-р! тр-р! — еще два крупных ореха сорвались с ближних веток радаля, прокатились немного и

остановились. Когда он поднял глаза, то ничего не увидел — дерево как дерево.

— С-с-шт! С-с-шт! — Остренькая мордочка весело глянула на него из-за толстой ветки.

Ренанко обрадовался. Хотел подбежать поскорей и — бум-м! — шлепнулся в траву.

— Ну чего спешишь? Не убегу! — проскрипел насмешливый голосок.

Ренанко с трудом поднялся и встал на все четыре лапы.

— Кто ты, как тебя зовут? Как...— Он запнулся от волнения.

— А вот угадай! Не угадаешь?

— Да нет, как я могу? Я тебя в первый раз вижу.

— И никто тебе про меня не рассказывал?

— Нет, не помню что-то...

Наступившее молчание показало, что гордость этого... этой... в общем, этого милого существа на дереве задета.

— Я Мара́й, белка.— И она с важностью выплыла из веток.

— Какая ты красивая!

— Неправда ли?!

— Хочешь быть моим другом?

— Если только...

— Если только что? — В голосе Ренанко слышалось беспокойство.

— Если только ты научишься, наконец, ходить. Пора уж. Взгляни на меня, какая я быстрая. Какая я...

И прежде чем Ренанко успел, как говорится, глазом моргнуть, она спустилась вниз и вскарабкалась вверх по стволу, очутившись на том же месте, где была раньше.

— Правда, быстрая!

— И еще нашей дружбе мешает, что...

— Что?

— Что я живу на деревьях, а ты на земле...

— А это важно?

— Тебе кажется, что неважно?.. Скажи мне, во что мы можем играть, если ты внизу, а я вверху?..

Ренанко помолчал. И верно, тут, кажется, ничего не придумаешь.

— Вот видишь...— И белка подмигнула ему понимающе, но одновременно лукаво.

Ренанко почесал одно ухо, потом другое. Во что бы с ней поиграть?.. Он хотел выдумать что-нибудь, такое что-нибудь найти... Но ничего ему не приходило на ум.

— А я знаю подходящую для нас игру. Очень интересная игра.

— Скажи... скажи скорее...

— Мы могли бы играть в... Нет, не подходит.

— Почему?.. Почему не подходит?.. А?..

— Так... в общем, бросаться орехами. Но ты не сумеешь.

— Пожалуй...— покорился Ренанко, печально свесив ушищи и уже готовясь заплакать.

— Ладно, не расстраивайся. Я придумала: мы будем играть в прятки.

— Ты вверху, а я внизу?

— Да, в прятки получится.

— А как в них играют?

— Я прячусь, а ты меня ищешь, тебе для этого не надо лезть на деревья. Когда увидишь, где я, крикнешь: «Марай, я тебя вижу, ты вон там!» А потом ты спрячешься, а я буду тебя искать, не спускаясь с веток. Согласен?

— Конечно! Начинай...

— Ренанко, где ты?

Это был голос Лиуэль, его матери.

4. ЯГУАР В ЗАСАДЕ

Его любимым местом была лужайка, где росли три дерева, какие редко встретишь рядом: раули, с его огромной зеленой кроной, такой высокой-высокой, что словно теряется в небе; майтен, весь в пурпуровых цветах, и радаль, чьи листья блестят, как лакированные. Ренанко держит свои сокровища в дупле старого раули. Ствол гиганта был поражен некогда какой-то болезнью, и, как последствие ее, осталось это углубление, куда олененок складывает все... Или почти все. Последнее, что он туда спрятал, была целая коллекция плодов радаля, круглых и морщинистых орешков, что катятся, словно деревянные шарики, полые внутри. Ренанко подымает копыто и ощупывает дыру. Пусто. Приближает морду и фыркает. Пусто. Ничего нету. Да невозможно это! Ренанко не может поверить. Никто ведь, абсолютно никто не знает об этом тайнике, так усердно скрываемом. Никто, даже Марай, белка.

— Мур-р, мур-р! — слышатся ему странные звуки.

Это не крик, не визг, а словно сдерживаемый смех. Смех кого-то, кто радуется его тревоге.

Испуганными, широко раскрытыми глазами Ренанко смотрит сюда, смотрит туда... Ничего... Только покачиваются на ветру цветы майтена, алые колокольчики. И олененок, не понимая, что случилось с его кладом, опускает голову с печальным вздохом.

Вдруг послышался треск, словно кто-то острыми зубами перекусил какой-то твердый плод, и притом с удовольствием. Такой звук бывает, когда Пеньи́, заяц, перегрызает корни, кото-

рые больше всего ему нравятся. Хлюп!..— и проглотил. Может, это заяц и есть?.. Ренанко принюхивается, приглядывается, прислушивается, навострив свои большие уши... Т-р-ршш!.. Плод раули, весь в колючках, падает на спину олененку, заставив его вздрогнуть. Пара хитрющих глаз наблюдает за ним с самой низкой ветки майтена. Нежная шерстка — серого цвета, с темными крапинками. Ни у одного обитателя леса нет подобных глаз — таких черных, таких круглых и таких блестящих, как глаза Му́ри, шиншиллы. Она подмигивает даже дерзко. И смеется:

— Мур-р! Мурр! Мурр!

И немедленно разгрызает еще один орех радаля и ест его, не сводя взгляда с Ренанко, который стоит в каком-то отупении. Это что, сестра белки Марай? Так похожа... Странно, что Марай, такая болтунья, ни разу о ней не обмолвилась!.. Меж тем Мури доедает последний орех, облизывается, обтирает спокойно усики, взмахивает шелковистым хвостом и улыбается, обнажая две пластинки острых зубов. И подмигивает вторым глазом — нахально просто. Ренанко продолжает стоять, ошеломленный.

— Привет, Ренанко, я — Мури, шиншилла, хочешь дружить со мной?

Олененок так и встрепенулся:

— Ясно, хочу, разумеется, хочу!

Наконец-то он оправился от столбняка, вызванного очаровательной наглостью Мури.

Мури мгновенно спускается по стволу и замирает перед самой мордой Ренанко, вздев свой длинный пушистый хвост наподобие копья.

Ренанко принюхивается к ней, и вот они уже потерлись носами в знак дружбы.

— Пойдем со мной, я тебе много интересного покажу...— говорит Мури.

Никто лучше ее не знает, где растут вкусные плоды. И там, возле самых спелых, что вот-вот треснут, она и копошится сейчас, весело обнюхивая каждый красный шарик, повернув голову к Ренанко и приглашая его к пиршеству.

— Вот этот мне,— говорит Ренанко.— Я его первый увидел.

Но напрасно: Мури с радостным визгом опережает его, выбирает самые сладкие и румяные сердечки да при этом еще и подмигивает ему с нескрываемым удовольствием.

Не дожидаясь приглашения, Мури путешествует по лесу на спине у Ренанко, который сразу привык ощущать на себе этот теплый комочек и слушать забавную болтовню проказницы. Между друзьями установлено так: левое ухо Ренанко — для просьб и шуток, правое — для серьезной беседы. Редко когда Мури прибегает к правому.

Ренанко и сам расшалился в обществе подружки, у которой на уме всё проделки, одна хитрей другой. Поскольку поели они хорошо, то и настроение у них хорошее, и они уж и не знают, что еще придумать и куда силу девать. Так они прорезвились до самого вечера. Подняли целый вихрь из черных лапок и пурпурных перьев, пробудив ото сна колонию диких гусей. Сбили со следа ламу-гуанако, и она совсем заблудилась в поисках брода, не в состоянии уже попробовать новый путь, покуда двое

баловников катались со смехом по мягкому ковру из папоротника. А для бобра Койпу́, который так любит скользить вниз по своей подземной галерее до самого берега озера, будто на индейских санях, доставляющих его прямо к воде, они придумали худшую проделку: заткнули ему выход, так что бедняга прямехонько угодил носом в земляную пробку.

Усталые, истощив уже свое воображение для новых выходок, они успокоились наконец. Мури нарвала для Ренанко листьев майтена, которые он обожал, а сама принялась разгрызать орешек, так, от нечего делать. И вдруг ее сердечко бешено забилось... Но ведь она даже не бегала, она пропутешествовала по всему лесу на спине у Ренанко, почему же?.. Смеялась, что ли, слишком много?.. Или...

Они медленно двинулись к водопою, утомленные бурными играми. Все вокруг было отдохновение, и покой, и тишина. Цапельки усердно пили воду. «Что-то здесь слишком большой порядок»,— подумала Мури и торопливо зашептала в левое ухо Ренанко.

Но Ренанко уже не слушал ее. Взгляд его так и вонзился в противоположный берег. Он почуял незнакомый запах, смутно напомнивший ему тот, который мать велела запомнить, когда показывала заброшенное логово пум в дупле старой араукарии...

Противоположный берег озера покоился в сумраке заката. Прижав крылья к телу, цапли застыли неподвижно, словно снежные хлопья, над зеркалом воды, которое блестит в тускнеющем свете. Внезапно зарница осветила противоположный берег, и Ренанко увидел рыжевато-желтое пятно, сверкнувшее возле самых птиц.

— Ш-шш! Спокойно...— шепчет Мури, которая тоже уже заметила Науэ́ля, ягуара, терпеливо подстерегающего свою добычу.

Двое друзей, полускрытые за густыми вьюнками, не сводят глаз с рыжевато-желтого пятна. Мягкий, плотный, пятнистый мех Науэля почти незаметен на фоне пестрой от трав и цветов земли. Недвижный, подобрав когтистые лапы, он будто застыл

у края воды, слившись с окружающим пейзажем. Несколько цапель, жаждая свежести, медленно продвигаются вглубь сквозь кристальные струи. Мури взволнована. Она не знает, как предупредить их об опасности и не привлечь при этом внимания Науэля. На мгновенье она исчезает... Но вот один, два, три, десяток орехов радаля разбивают зеркало воды совсем близко к противоположному берегу, забрызгав ягуара. И в одно мгновение стая цапель взмывает в небо, словно белая, трепещущая, шумящая туча.

Удивление Науэля не продлится долго, это ясно. И вполне возможно, что он, рассерженный, выместит на двоих друзьях, вмешавшихся не в свое дело, эту охотничью неудачу.

И друзья спасаются бегством в поисках оленьего стада. Но на бегу договариваются не рассказывать никому об этом случае, потому что дед Пеуэн наверняка не простит им то, что они подвергались риску, ничему еще толком не научившись.

Мури все время оглядывается назад. Хорошо, что Науэль был на том берегу, это, безусловно, большое для них преимущество, но все же...

— Беги, Ренанко! Во всю прыть, Ренанко!

Друзья успокоились, только когда Лиуэль радостно устремилась навстречу своему олененку, на спине которого, вся съежившись, ехала Мури, проказница шиншилла.

5. ТАЙНЫ ОЗЕРА

Лиуэль знала, что это должно произойти. У нее уже был подобный опыт в детстве, в ее счастливом детстве. Да, более счастливом, пожалуй, чем детство ее сына, потому что в те времена просторы для стада еще не имели пределов. Люди еще не вторглись во владения оленей, загоняя их все дальше в горы, где пастбища не всегда обильны и где снег в отдельные, особенно суровые зимы преграждает путь и покрывает траву на долгие, нескончаемо долгие дни. Лиуэль иногда с дрожью думает о приближающихся снегопадах. Ей кажется, что Ренанко еще слишком мал, чтоб переносить такие тяжкие испытания. Но нет иного выхода, чем ожидать того, что должно произойти.

Одним ясным утром она взглянула на него с той особой нежностью, с какою матери обычно глядят на детей, с тем трепетным удивлением, какое возбуждает живое присутствие существа, возникающего из собственной плоти и крови, и подозвала к себе:

— Иди сюда, Ренанко, отправимся к озеру.

Ренанко ничего не сказал матери о своем приключении с Мури и с Науэлем, подстерегавшим цапель... Пойти туда?.. Однако пойти туда с матерью — это совсем другое дело. От радости он даже сделал несколько прыжков вокруг нее. К тому же Мури так часто говорила об этом таинственном куске неба, существовавшем в огромной впадине между горами, — настоящее небо и в нем деревья, только опрокинутые... Ренанко не понимал, как это может быть.

Мури повторяла таинственным голосом предсказательницы: «Ты должен пойти и посмотреться в озеро, тогда поймешь...»

Ренанко не особенно понимал, что значит «посмотреться», так что предложение матери не только его обрадовало, но даже взволновало.

Лиуэль пустилась бегом, и Ренанко припустился за нею. Его восхищала быстрота, на какую была способна его мать, упругая пластика ее движений, неповторимая грация ее длинных и легких прыжков. Он пытался подражать ей, но у него выходил только спотыкливый галоп с нелепыми короткими прыжками, быстро отдалявший его от матери. Лиуэль остановилась, поджидая его. И Ренанко увидел ее всю против света, просачивающегося сквозь высокие кружевные кроны лесных гигантов. Она казалась... Чем казалась его мать так вот, против света?.. Ее нежная шерсть цвета корицы так и сверкала на фоне густо-зеленой листвы, и веселой пестроты цветов, и яркой зелени молодых побегов. Ренанко никогда раньше не видел ничего подобного... Возможно, и у других оленей из племени Пеуэна такие же изящные очертания тела... Возможно...

— Иди сюда, Ренанко, я жду...

Он стал пробираться между скал. Копыта его скользили по камням, он несколько раз покачнулся, но, когда, наконец, ему удалось задержаться у края воды, он встретился там с олененком странного цвета, который смотрел на него из глубины, навострив большие уши, очень похожие на его собственные.

— Это вода, Ренанко!

Но Ренанко не слышал слов матери, восхищенно глядя на незнакомого олененка, одного с ним, кажется, возраста, который оттуда, снизу, передразнивал все его движения. Ренанко вытянул шею и понюхал воду. Другой олененок тоже вытянул шею в сторону Ренанко, и Ренанко испугался, когда они должны были вот-вот соприкоснуться.

Лиуэль знала, что так будет. Она тоже, когда в первый раз увидела свое отражение в озере, решила, что перед нею другая олениха. Потом только поняла. Сама додумалась. Пускай сын тоже сам додумается.

Ренанко повернулся к матери, вопросительно заглядывая ей в глаза:

— Это вот и значит... посмотреться в озеро, мама?

Лиуэль согласно кивнула.

— Значит, этот олень, вон там, не взаправдашний?..

Лиуэль помедлила с ответом:

— Да как тебе сказать... Отчасти взаправдашний. Знаешь, что ты там видишь в воде? Свое отражение.

Ренанко опять взглянул вниз:

— Так и здесь — я, и там — я?

— Вот именно.

Ренанко шагнул вперед, его копытце скользнуло по камням, и он бухнулся в холодную воду. И принялся яростно молотить передними ногами, пытаясь выбраться, но от этого оказался только дальше от берега. Лиуэль не знала, что и делать. Все это было так непредвиденно... она ничего не могла сообразить. А Ренанко тем временем все отдалялся и отдалялся.

— Мама!..

— Ренанко!!!

Он наглотался воды и кашлял. Лиуэль бегала вдоль берега, с трудом сохраняя равновесие на больших белесых камнях. Как успокоить сына, как дать ему понять, что не надо так отчаянно двигать ногами, это только хуже... И вода такая холодная... А вдруг он простудится? Потому что Лиуэль знала, что олени не тонут и, если Ренанко хоть на мгновение перестанет так дергаться, ему легко будет выплыть.

Но Ренанко все более приходил в отчаяние и начал уставать.

— Не пугайся, маленький брат.

Она очутилась рядом с ним так внезапно и безмолвно, что Ренанко не знал хорошенько, настоящая ли она или, подобно тому, что он только что видел, лишь образ, отраженный в воде озера.

— Не суетись так, спокойно, спокойно, не видишь разве, что ты не тонешь? Это главное...

Он хотел бы сказать спасибо, но боялся открыть рот, чтоб еще не наглотаться воды.

— Я Ньирэ́, выдра, и я хочу помочь тебе.

Ренанко почувствовал себя уверенней — присутствие выдры, плывущей рядом с ним, было утешительно.

— Подними голову выше, вот так. Лапами двигай медленно. Молодец. Ты уже плаваешь не хуже меня.

С берега Лиуэль увидела возле своего сына выдру и успокоилась. К тому же Ренанко плыл теперь мерно, как надо.

— Теперь ты должен сильнее загребать передней правой и тогда легко сделать поворот. Попробуй. А ну!..

Ренанко послушался и оказался в виду берега, где стояла его мать, жадно следя за каждым его движением.

— Так и продолжай не торопясь — и скоро сможешь коснуться дна. Здесь не особенно глубоко. Ступай осторожнее, дно все в камнях, не поскользнись.

Ренанко очень хотелось издать радостный рев, но он сдержался. К тому же его начал пробирать холод.

— Ты уже близко от берега, плывем хорошо. Помедленней, помедленней.

Вскоре его передние копыта скрипнули о подводные камни, но, помня наставления Ньирэ, он не стал спешить. Наконец он вышел на берег и принялся усердно тереться о теплый мех Лиуэль, которая заботливо облизывала его языком.

— Спасибо, Ньирэ,— смог наконец произнести Ренанко, окончательно придя в себя.

Воды огромного озера, снова спокойные, четко отражали очертания всех троих, а еще образы деревьев, и высоких туч, и окрестных холмов — все с той же ровной бесстрастностью.

Никто раньше не рассказывал ему о выдре. Как хорошо, что она есть на свете! Он уже не чувствовал никакой обиды на озеро, ведь оно подарило ему такого прекрасного друга.

— Ньирэ, какая ты добрая!..

— Ничего особенного, ничего особенного. Ты не первый, с кем случается подобное приключение. Многим обитателям леса пришлось так вот искупаться не по собственной воле.

— Да что ты?

— Спроси у белки...

Ренанко задумался: опять какие-нибудь проделки Марай?

— Она тоже упала в озеро?

— Тоже, и по той же причине, что и ты.

Ренанко взглянул на свою собеседницу с удивлением. Откуда Ньирэ могла знать?

— Не догадываешься почему?

Ренанко печально помотал ушами.

— Из-за своего любопытства.

— Хотела узнать, взаправдашняя ли белка в воде?

— Нет, хотела отыскать душу озера.

— А у озера есть душа?

— Разумеется, есть,— заявила Ньирэ с каким-то самодовольством.

Даже Лиуэль слушала ее как зачарованная. Ренанко не хотел скрывать восхищения, какое вызывала у него мудрость выдры. Какова же душа у озера? И он невольно устремил взгляд в глубину спокойной воды, отражавшей последние взблески золотого предвечерья.

— Нет. Так ее тоже не найти,— уточнила Ньирэ, вздела свой короткий хвост и бросилась в воду.

— Я увижу тебя завтра? — крикнул ей вдогонку Ренанко.

Какой-то треск был ему единственным ответом, но олененок понял так, что выдра сказала «да».

— Какая она, душа озера, мама?

— Я не знаю этого, сынок,— задумчиво отозвалась Лиуэль.

— А у нас... есть душа?

— Нет, насколько мне известно, нет. Это все выдумки Ньирэ.

Глухой, долгий рев донесся к ним из-за леса.

— Пойдем, пора возвращаться. Пеуэн созывает стадо.

И рядышком, мирной рысью, они пустились в обратный путь. Ренанко думал о тайне озера, впервые приоткрывшейся перед ним.

Пеуэн разбранил Лиуэль за то, что она ушла одна с сыном так далеко, и не принял объяснений, какие она пыталась дать.

— Ты прекрасно знаешь, что в общине безопасность всех зависит от поведения каждого. Мы никогда не должны уходить далеко от других, это бесполезный риск.

Ренанко не мог припомнить, чтоб Пеуэн когда-либо так сильно сердился, как сейчас, и почел за лучшее проглотить целую гроздь вопросов, какие застряли у него в горле.

— Мы знаем, что неподалеку бродят охотники.

Ренанко не знал, кто такие охотники, но почему-то весь задрожал. Однако и все стадо вокруг него казалось испуганным.

— Откуда ты это знаешь? — озабоченно спросила Лиуэль.

— По запаху. Ветер донес его как раз со стороны озера.

Лиуэль почувствовала, что у нее подгибаются ноги. Не по этой ли причине так внезапно исчезла Ньирэ?..

Странный гром, отрывистый и резкий, не похожий на те громы, какие слышал Ренанко за свою короткую жизнь, грянул где-то возле озера.

— Они охотятся, бежим! — предложил в возбуждении Калель.

Пеуэн сделал мгновенный крутой поворот и приказал:

— За мной! Все! Быстро!

Стадо обратилось в бегство. Пришел страх. А для Ренанко страх перед неизвестностью был худшим из всех страхов. Что это такое, кто это такие — охотники? Почему все взрослые бегут так быстро?.. Отец с матерью по временам оглядывались и отставали, чтоб он мог нагнать их. Сколько же продлится это бегство? Куда ведет их всех Пеуэн? Но поскольку нельзя было так поспешать и одновременно еще разговаривать, Ренанко пришлось проглотить все свои сомнения, которые теперь превращались в беспокойство. Кроме того, он очень тревожился за судьбу Ньирэ. Если эти охотники, кто б они ни были, окружат озеро, выдра окажется в опасности, и ему очень бы хотелось прийти ей на помощь. Но может быть, ей поможет душа озера?.. А в конце концов, что она такое, душа озера?..

Пеуэн замедлил темп своего галопа, заменив его неторопливой, ровной рысью, к которой Ренанко легче было приспособиться, так что теперь он бежал рядом с остальными оленятами и оленихами, между Лиуэль и Калелем, охранявшими его с обеих сторон. Райуэ, его красавица подружка Райуэ, подскочила к нему и шаловливо толкнула. Словно все это бегство было для нее лишь забавным приключением. Разумеется, ведь она не знакома была с Ньирэ, и этим объяснялась ее беззаботность... Местность тянулась вверх, в гору и, по мере того как они продвигались, становилась все круче и круче. Во всяком случае, у Ренанко было такое ощущение, что озеро осталось где-то далеко позади и глубоко внизу. Он начинал уже чувствовать огромную усталость от долгого бега. Это в первый раз его так испытывали на выносливость. Два его маленьких товарища, Гура и Райлéф, сильно отстали. А где Райуэ? И, словно угадав тревожные мысли олененка, Пеуэн внезапно остановил бег. Стадо затопталось вокруг него. Тревожно наставив уши, вытянув шею, Пеуэн долго глядел в сторону озера. Тишина, необъятная тишина, гораздо более глубокая, чем та, что создавалась порой вокруг стойбища, позволяла слышать прерывистое дыхание младших. Старшие, казалось, не так утомились от всех этих усилий. Они, однако, тоже были неспокойны.

— Что случилось, мама?

Лиуэль сделала ему знак замолчать. Только тут Ренанко заметил, что все взрослые олени, включая его отца, с крайним вниманием прислушиваются к чему-то, происходящему у далекого озера, видимого отсюда, как крохотное ярко-синее море.

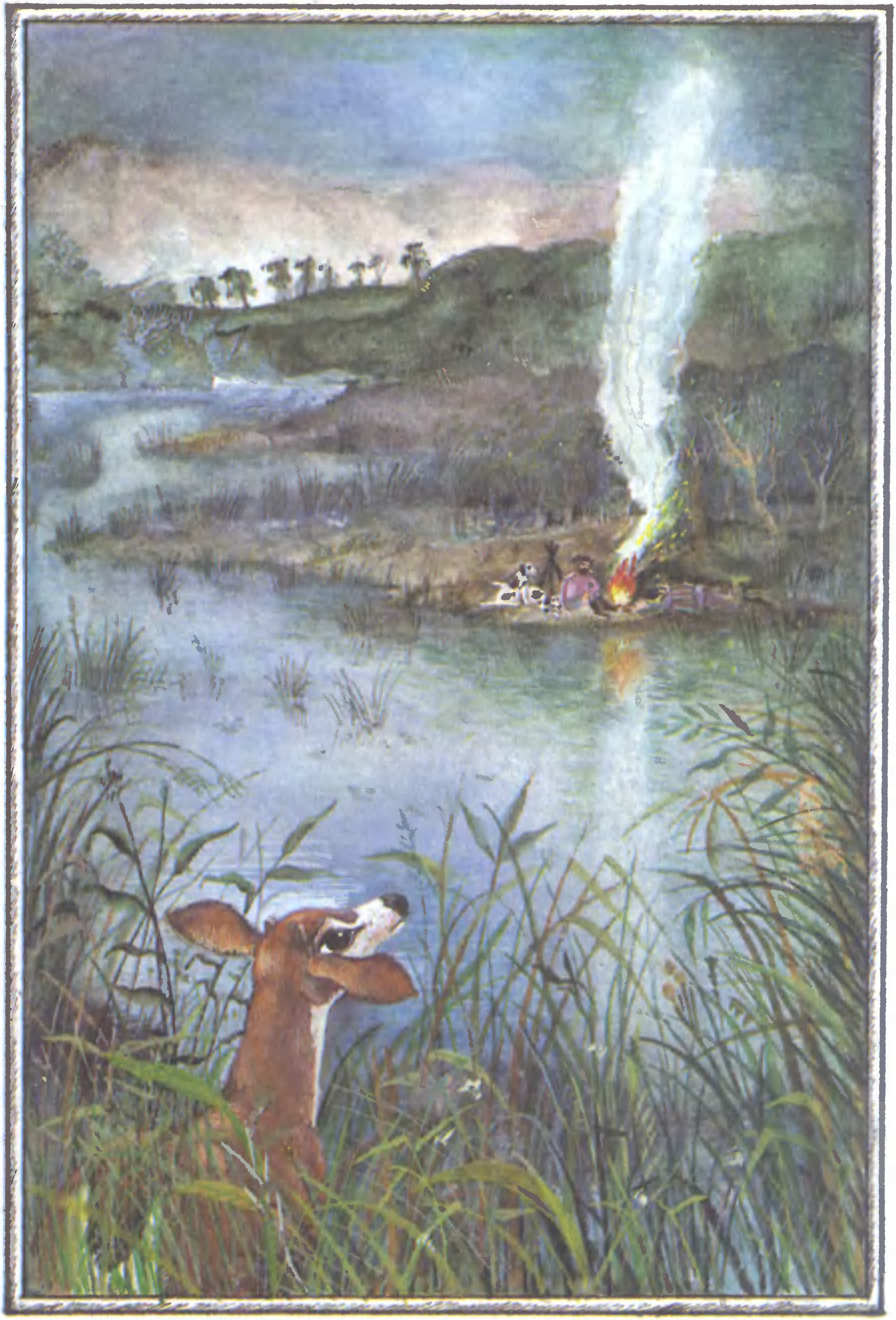
Пеуэн возобновил переход, но теперь он брел медленно, и было очевидно, что он ищет окольный путь, чтоб приблизиться к озеру со стороны, противоположной той, где побывал сегодня Ренанко. Лиуэль подошла к сыну:

— Скоро ты узнаешь, что такое люди. Пеуэн подведет нас достаточно близко, чтоб мы могли наблюдать за ними издали, не будучи видимы.

— А-а...

И снова тишина. Настолько ли они приблизятся к озеру, чтоб он мог убедиться, что с Ньирэ не случилось ничего плохого? И может быть, оттуда, с другой точки, он сможет разглядеть душу озера?..

Травы здесь были так высоки, что из-за них Ренанко ничего не видел. Старшие, те, конечно, могут наблюдать многое. Лиуэль и Калель брели рядом с сыном, она с одного боку, он — с другого, чтоб не оторвался ненароком от стада. Так же вот и Райуэ идет под охраною Линкуна, своего отца, и Алекой, своей матери. И Гура идет между Кетреном и Анкамиль. Стадо передвигается молча. Пеуэн — все время впереди, с поднятой головой — гордо выставил острия своих рогов, по которым многочисленная оленья толпа безошибочно находит дорогу. Уши чутко напряжены, ноздри ловят ветер, но пока что он не приносит никакого чуждого запаха. Ренанко тоже принюхивается, но куда там... трава так высока, что он тонет в ней весь и только и может почувствовать что пряный и такой знакомый запах горных пастбищ. Внезапно Пеуэн останавливается. Почуял что-нибудь?.. Взрослые самцы беспорядочно толпятся вокруг его деда, Лиуэль прижимается теплым боком к Ренанко, толкая его вперед, травы раздвигаются перед ним, и неожиданно Ренанко видит перед собою, во всей его красе, необъятное синее озеро, такое синее, как небо без туч. Против них, с другой стороны



полуострова, столб дыма, сереющий на ярко-зеленом фоне листвы, непреложно выдает присутствие людей.

— Вон они, сынок. Теперь ты можешь спокойно рассмотреть их. И запечатлей их образ в глубине твоих глаз, потому что эти существа самые умные и... самые опасные из всех!

Хотя сейчас у Ренанко одна забота: что могло случиться с Ньирэ — но он внимательно прислушивается к словам матери и напрягает зрение. Так это люди? Они кажутся издали такими маленькими, что ему трудно поверить в молву об этой их непобедимости. И что за странные существа! Он с удивлением заметил, что у них всего две лапы, что ходят они туловищем вверх и что у них нет ни хребта, ни рогов. Как это может быть?

— Всмотрись в них хорошенько,— настаивает Лиуэль, видя изумление сына и угадывая все его вопросы.— Люди кажутся такими безобидными издалека... И не забывай о них никогда. Чувствуешь, как они пахнут? Немножко дымом и немножко жиром. Никогда не допускай, чтоб они приблизились к тебе. Они повелители огня, который может уничтожить лес, и владеют молнией, убивающей на расстоянии. Помнишь гром, что мы сегодня слыхали?.. Так вот, это их смертоносная молния. Кто-нибудь погиб сегодня.

Ренанко невольно подумал о Ньирэ, подруге-выдре, которая спасла его на озере.

Пеуэн решил расположиться на ночлег здесь. Это место безопасное, достаточно удаленное от лагеря охотников. И можно наблюдать за ними, оставаясь незамеченными, без малейшего риска быть застигнутыми врасплох.

— А Ньирэ, мама?.. С ней случилось что-нибудь?

— Завтра мы попробуем о ней узнать. Сейчас отдыхай. День был долгий и напряженный.

И Ренанко ложится отдыхать, растянувшись на мягкой и душистой траве. И в то мгновение, когда его глаза уже смыкаются, он словно вновь видит перед собою Ньирэ, плывущую бок о бок с ним в глубоких и холодных водах озера.

Утро взрывается в горлах птиц. Жаворонки, щеглы, черноголовки поют ликующий гимн, приветствуя жизнь и свет.

Ренанко радостно просыпается. Он уже знает, как узнать о Ньирэ,— через птиц. Меж небом и землей живет крылатый народец, всегда сердечный и веселый. Это они — те, чей горизонт шире, чье утро ясней и погожей и медлительней закатное солнце. Ренанко видел, как резвятся они в свежем ветре, слышал, как окликают они друг друга на своем языке, который он понимает с трудом, но который звучит так приятно. И мать говорила ему, что, кроме орла и кондора, у оленей нет врагов среди них, а напротив, есть добрые друзья, такие, как тихерета-вилохвостка, которая так бесстрашно опускается взрослым оленям на крестец, чтоб надергать щетинок для своего гнезда. И Ренанко вглядывается в прозрачное небо наступившего утра, жадно ища на нем какую-нибудь резвую вилохвостку, чтоб отправить ее на поиски Ньирэ, выдры.

Все обитатели озера, лесов и даже гор уже знали: на озеро пришли охотники, владеющие громом, который убивает, и грозной молнией, не щадящей никого. Обычное соперничество, порожденное борьбой за существование, было временно забыто. Теперь, когда Великий Враг чинил по окрестности разбой, именуемый охотой, главное, жизненно важное было отвратить опасность, и не было к этому другого пути, чем объединиться, невзирая ни на какое противоборство. Если выслеживать человека всем сообща, приноравливаясь к его перемещениям, то можно будет предугадать его намерения и найти путь к спасению. И птицам, в особенности самым маленьким, было предназначено самой судьбою быть вестниками, непрерывно сообщающими остальным обитателям этих мест обо всех похождениях охотников. По ночам на страже была Пайнэ́, сова, днем — сороки, колибри, вилохвостки... Потому что даже цапля, стройная красавица цапля, белая или голубая, не чувствовала себя уверенно, когда человек бродил по округе; да и фламинго, окрашивающий в розовое наступающие сумерки, тоже должен был жить с оглядкой. Люди хотят мяса, хотят шкур, хотят перьев. Никто не может считать себя в безопасности, потому что иногда, просто чтоб развлечься, от скуки, человек возьмет да и убьет. Неку́ль, колибри, рассказал своей приятельнице

Калльву́, сороке, о том, что творят люди, а Калльву передала Йурери, вилохвостке, а та уж прямо полетела к стойбищу оленей Пеуэна, старого друга.

— Приветствую тебя, Пеуэн, и желаю долгой жизни твоему прекрасному племени...

— Привет и тебе, друг, и да сопутствует тебе удача. Что знаешь ты о людях?

— Они разбили лагерь на озере Нау́эль Уапи́. Они пришли, чтоб охотиться, чтоб рыбачить, чтоб убивать.

— Их много?

— Четверо.

— А где они сейчас?

— По ту сторону, сторожат огонь, покуда готовят уды и ловушки. Они принесли с собой молнию.

— Мы уже слышали об этом. В кого они пустили ее?

— В Ньирэ, выдру.

Ренанко в два прыжка оказался рядом с ними.

— Что случилось с Ньирэ?

— Ничего, маленький брат, пока ничего. Ньирэ хитрее, чем они. Как только она их почуяла, так сразу нырнула в воду, и они не попали в нее. Но они все еще ее выслеживают. Им нужен ее мех, блестящий, мягкий и теплый. Но ты не беспокойся, они ее не найдут. Вся тамошняя звериная колония перебралась вчера вечером на полуостров. А сегодня поутру, много раньше, чем люди просыпаются, и цапли, и фламинго, и озерные турпаны — все полетели туда. Так что нет опасности.

Ренанко почувствовал, что к нему возвращается покой. Если Ньирэ жива и вне опасности, то, значит, жизнь по-прежнему прекрасна несмотря ни на что. Он принялся расспрашивать о Мури, шиншилле, и о Марай, белке. Все его друзья остались невредимы. От радости он стал бегать вокруг стада, которое ласково глядело на внука Пеуэна, стройного, благородной осанки, гибкого и легконогого и, подобно самым достойным из взрослых оленей, горой стоящего за их многочисленную и всеми почитаемую общину.

6. ДУША ОЗЕРА

Потянулись странные дни. Жизнь была не похожа на прежнюю. Нависла над нею постоянная угроза появления охотников. Озеро и его берег в фестонах мха стали огромной запретной зоной для всех животных. И в первую очередь для оленей, потому что у охотников повелось развешивать в своих домах оленьи рога, как лучшие охотничьи трофеи. Указанья Пеуэна строги и точны: не приближаться к озеру, не оказываться на виду. Хотя сами люди далеко, но он знал, что молния смерти разит и на расстоянии.

Стадо держится так тихо, что только птицы знают, где оно находится. Ренанко скучает без своих друзей. Нельзя ни порезвиться с Мури, шиншиллой, ни поиграть в прятки с Марай, белкой, ни пойти снова на прибрежье, к озеру, чтоб расспросить Ньирэ про эту самую его душу. Остается только смотреть издалека на сине-голубые взблески воды и сверкание крон его любимых майтенов, раули и радалей. Йурери, вилохвостка, нежно привязалась к нему и каждый день опускается ему на спину, чтоб рассказать самые последние новости. Время от времени их заставляют вздрогнуть короткие раскаты странного грома, чье эхо доносится до них, усиленное гулкими горами, сторожащими озеро Науэль Уапи, чье имя означает «тигриный остров».

— Опять... В кого теперь, Йурери? — страдальчески допытывается Ренанко.

— Не расстраивайся, у них неверный глаз,— отвечает неизменно вилохвостка, не желая огорчать своего друга.

— Слетай взглянуть, слетай взглянуть...— настаивает Ренанко, не вполне убежденный.

И Йурери летит, разрезая воздух развилком хвоста. Какое долгое ожидание!.. Райуэ, дочь Линкуна и Алекой, приближается к нему.

— Чего ты боишься, Ренанко?

Он смотрит на свою милую, ласковую подружку с благодарностью.

— Боюсь, что Йурери говорит мне не всю правду. Я б хотел сам пойти туда и узнать, что там происходит.

— Нет, пожалуйста, и не пробуй,— умоляет Райуэ.— Это опасно.

— Я знаю, я знаю,— вздыхает Ренанко.

Гура, сын Кетрена и Анкамиль, ревнует. Он хочет, чтоб Райуэ дружила только с ним. Он не знает, что сделать, чтоб привлечь внимание маленькой оленихи, самой милой и нежной из всех своих сверстниц. «А я вот пойду,— решает он про себя.— Я докажу им, что не боюсь ни людей, ни молнии смерти». Потому что Гура не имеет ни малейшего понятия о том, что такое смерть. И, крадучись, под прикрытием высоких трав, ускользнув от строгого надзора взрослых, он направляется в сторону озера. В подражание Пеуэну он движется, вытянув шею, втягивая ноздрями воздух, чутко прислушиваясь к малейшему шуму. Но его встречают только трели и щелканье птиц, которые не устают перекликаться, хоть и совсем тихонько, испуганные выстрелами. Гура не робеет и быстро продвигается вперед, уверенный, что стойбище уже далеко и никто не заметит его отсутствия.

По мере приближения к озеру он замечает, что хлопотливый шум крылатого народца приглушается, что тишина становится более глубокой и напряженной. Но он не намерен отступать. Гордыня заставляет его ежеминутно твердить себе: «Я храбрый олень из племени Пеуэна», и он продолжает свой путь. Сам не заметив как, он выходит на открытое место. Склон горы, спускающийся к озеру, покрыт мягким травяным ковром, едва доходящим ему до колен.

— Осторожно, Гура...— словно слышит он чей-то голос.

Он не знает, откуда и от кого исходит это предупреждение.

Стая диких гусей, летящая прочь от озера, увидела олененка, приближающегося к берегу без малейшей предосторожности. Но Гура, весь во власти своего замысла, не заметил диких гусей, потому еще, быть может, что летели они слишком высоко, а ему некогда было глядеть в ясное небо утра.

Что-то легко треснуло на его шкуре, заставив его вздрогнуть, прежде чем он услышал сухой, резкий звук. Он не почувствовал боли, только страх... Оцепенение страха, делающее его беспомощным и беззащитным.

— Беги, Гура, беги! Вон туда, скорее!

Это Ана́й, рыжий лис.

Гура смотрит на него, и Анай видит испуг в глазах олененка.

— Беги вон туда, высокие стебли колигуэ укроют тебя!

Гура делает прыжок. Новому раскату грома предшествует незнакомый зловещий свист. Гура никогда не узнает, что этот прыжок спас ему жизнь.

— Следуй за мною! — зовет Анай, петляя на бегу к тростникам.

Гура следует за ним. Снова свист, и снова гром. Но они уже вне опасности.

— Что ты делаешь здесь, маленький брат? — Пеньи, заяц, глядит на него с удивлением.— Почему ты не в своем стойбище?

Гура не отвечает, пристыженный.

Пеньи изящно опускает одно из своих длинных ушей и добавляет наставительно:

— Теперь ты навел охотников на след стада.

— И на наш след тоже,— замечает Анай, больше с тревогой, чем с обидой.

Гура молчит. Что-то словно зажглось у него в боку, в том месте, где он недавно почувствовал этот легкий треск.

— Ты ранен,— замечает Пеньи, тревожно подняв свои длинные уши.

— Верно...— И Анай рассматривает красную струйку, очертившую след пули.— Но не тяжело, кажется.

— Гура! Гура! — разносится в воздухе чей-то зов.

Все трое поднимают головы и обнаруживают, что Чорóй, попугай, летит к ним, быстро и на небольшой высоте.

— Гура, Гура!.. Тебя ищет все стадо.

— Пойдем, мы проводим тебя. Нам тоже придется поискать более спокойное место.

И Пеньи скачками пускается в дорогу, за ним следуют Анай, рыжий лис, и Гура, олень, отмеченный охотниками.

Анкамиль в тревоге бросается навстречу сыну, а Кетрен приходит в ярость, увидев, что он ранен. Ренанко, Райуэ, Клен и Райлеф окружают его, чтоб защитить от гнева Пеуэна.

— Мы должны еще дальше уйти от озера. Люди станут преследовать тебя и обнаружат нас,— говорит Пеуэн, вождь племени.

И все молчат, опечаленные, потому что знают, что их токи прав.

— Ты считаешь себя храбрым оленем, правда, Гура?..— спрашивает Пеуэн.

Гура не отвечает.

— Так ты не храбр. И для тебя будет лучше, если я не скажу того, что в действительности думаю о тебе.— Он оборачивается к Анкамиль, матери, и приказывает: — Вылечи его рану побыстрее, и двинемся в путь. Мы не можем медлить.

Калель, Линкун, сам Кетрен и прочие самцы стада одобряют решение вожака. Анкамиль старательно вылизывает рану своего сына, в то время как Пеньи со всей своей заячьей колонией готовится сопровождать оленей в их новом исходе. Анай тоже хочет с ними. Эти места перестали быть безопасными.

Время, безусловно, еще есть. Если люди решатся пересечь озеро до полуострова, они задержатся надолго, а если решатся идти в обход, то еще на дольше. Так что можно рассчитывать на подобное преимущество. Но Пеуэн знает, что было бы очень рискованно слишком уж полагаться на этот выигрыш во времени. Потому что если люди привели собак, эти-то уж опередят своих хозяев и будут держать стадо под угрозой. Хотя про собак никто не рассказывал, Пеуэн предпочитает не рисковать.

Он оглашает воздух глухим ревом и пускается в путь медленной рысью.

Когда солнце сделало тени оленей совсем короткими, Йурери, вилохвостка, догнала их:

— Люди снялись с места и идут сюда.

Пеуэн остановился. Надо сбить охотников со следа, но... каким образом? Ведь хорошо известно, что стадо оленей оставляет следы очень четкие, по которым легко определить его путь.

— Каждая пара — со своим детенышем. Мы должны разделиться и назначить место, где соберемся снова.

— Мысль неплохая, но тогда любая дорожка следов, какую б люди ни выбрали, приведет их к стаду,— замечает Ланту́, самый старый из старых оленей.

— Мудрое замечание,— поддерживает Каньюми́ль, бывший токи, пять лет назад водивший стадо.

Толпа оленей, недвижная, погружается в долгое раздумье.

Это решающая минута, главным образом потому, что время здесь означает жизнь.

— Мне пришло в голову...— говорит Кочико́, мать Антеля.

Пеуэн поворачивается к ней.

— Я самая маленькая в стаде, но и самая быстрая. Я наведу охотников на мой след и собью с пути.

Антель дрожит, глядя на красный рубец на боку у Гуры.

— Никто не сравняется в быстроте с молнией смерти,— строго произносит Пеуэн.

— Это правда,— поддерживает Ланту.

Каньюмиль опускает голову.

Пеньи пробирается меж ногами оленей и грациозно опускается напротив Пеуэна.

— У тебя что-нибудь на уме, маленький брат?

Пеньи трясет ушами в знак согласия.

— Мы слушаем тебя.

Олени, образовав круг, ждут слов зайца.

— Уходите отсюда. Идите к озеру окольным путем, самым

длинным. Мы, с помощью Аная и его лисиц, смешаем следы так, что люди не будут знать, какую дорогу выбрать.

— А если они случайно выберут нашу дорогу, что тогда?— раздумывает Пеуэн.

— Я прибегу предупредить вас,— вызывается Анай.— Пробираясь по ночам, я смогу опередить охотников.

Йурери описывает круги над головой Пеуэна и в конце концов садится на отросток его рога.

— Я немедленно полечу взглянуть, что делают люди и на каком они расстоянии. Буду рассказывать вам обо всем, что увижу.

— Удачи тебе, маленькая сестра!..

И она полетела, Йурери.

Идея Пеньи кажется всем благоразумной. Хоть окольный путь для возвращения к озеру с противоположного края и означает долгий и утомительный переход, это, безусловно, собьет с толку людей, которые никак не предполагают, что олени могут вернуться точно в то место, откуда только что ушли они. А план Пеуэна таков: направиться туда, где люди разбили лагерь.

Во главе с Пеуэном, Ланту и Каньюмилем оленье племя пускается в путь.

Ренанко догоняет своего друга:

— Тебе лучше, Гура?

— Мне хорошо.

Райуэ, идущая рядом с Ренанко, тоже любопытствует:

— Тебе больно, Гура?

— Нет, мне не больно.

И только Анкамиль, мать, знает, что ее сын ни за что не скажет правды.

Стадо движется тихо и быстро. Взрослые самцы знают, что преимущество во времени перед охотниками нужно использовать в течение дня, потому что ночью олени становятся неловкими. Кроме того, в темноте их может подстерегать Сахта, пума, и Науэль, ягуар.

Чорой летает над стадом в компании более тридцати попугаев.

— Уходите, уходите? — пронзительно выкрикивает он свой вопрос.

— Уходим,— отвечает Пеуэн.

— В добрый путь, в добрый путь! — провожает их приветом крикливая стая.

Взрослые самцы трясут холками в знак благодарности. Голова клана поворачивает в сторону перевала. Покуда не достигнут намеченной точки, олени не будут знать отдыха. Поход без спешки, но и без передышки — такое истощает больше всего.

Как теперь далеко его друзья! Ренанко вздыхает. Увидит ли он их когда-нибудь? И вдруг ему пришло в голову, что появление людей отбросило куда-то далеко назад его беззаботное детство. Теперь все должны вести себя так, будто они взрослые. Опасность не знает различий. Случай с Гурой, чуть не окончившийся трагически, доказал это.

Пьюке́н на острие большой стаи белых гусей, летящих развилкой, скользит облачком тени над стадом.

— Люди ушли с озера. Мы возвращаемся туда,— доносится сверху его голос.

— Счастливого лёта! — приветствует птиц Пеуэн.

— А вы почему уходите?

— Нас преследуют.

— Пусть дух Шайуэке́на поможет вам!..— кричат гуси.

— Спасибо, братья...— отвечают на бегу олени.

Ренанко ясно расслышал незнакомые слова, и ему очень хочется расспросить мать про дух Шайуэкена, но им не велено разговаривать, и потому придется ждать вечера. Жаль, что заяц Пеньи не отправился с ними. Он наверняка знает, о чем речь. О стольких вещах надо ему поговорить с Марай, белкой, и Мури, шиншиллой. И разумеется, с Ньирэ. К тому же выдра рассказала ему еще не все про душу озера.

В полночь их нагнала Йурери, вилохвостка.

— Какие новости принесла ты нам? — спрашивает ее Пеуэн.

— Остановись, брат олень! Остановись на мгновенье!

Стадо прекращает свой бег.

Йурери опускается на край рога Пеуэна.

— Я принесла хорошие новости.

Ренанко в нетерпении. Ну зачем птица так медлит?.. Сказала бы сразу!..

— Люди ушли.

Стадо беспокойно смешалось. Радость и вместе недоверие овладели всеми. Правда ли то, в чем уверяет их Йурери? Но зачем вилохвостке обманывать? И разве не о том же поведали только что Пьюкен и его гуси?

— Ты уверена в своем предположении, маленькая сестра? — допытывается Пеуэн осторожно, чтоб не обидеть птичку.

— Полностью. Я не одна видела. Это могут подтвердить и Некуль, колибри, и Калльву, сорока, и даже Пайнэ, сова.

Олени, оленихи и оленята ходят хороводом вокруг Пеуэна, на краю рога у которого весело топорщится маленькая птичка.

— Повтори, что ты сказала, пожалуйста, повтори! — умоляет Лиуэль.

— Люди ушли.

Наступила долгая тишина. Нелегко и непросто бывает перейти от томительного и давящего страха к светлой радости, какую порождали простые слова Йурери. Как если б вдруг ты вышел из тьмы на яркий свет. Эта взволнованная тишина, охватившая племя Пеуэна,— словно горный перевал, за которым открывается новая жизнь. Вернее, возвращение к старой. Не полностью, потому что молодые олени получили суровый урок в течение этих долгих дней тревоги, напоминанием о которых навсегда останется для них шрам на боку у храброго Гуры.

— Вернемся на озеро! — это тоненькое мычание вырвалось у Ренанко, который сразу же опомнился и конфузливо поглядел на мать.

Но все обрадовались этому неуместному вмешательству олененка, потому что оно разбило лед молчания.

— Да, мы возвращаемся к озеру,— согласился Пеуэн.— Галопом!

И стадо, радостное и свободное, пускается в обратный путь...

Ренанко чуть не плюхнулся в воду, как в тот раз, однако не

от нетерпения, а потому, что бежал так быстро, что и не остановишься...

— Ньирэ! Ньирэ! — стал он звать выдру.

Ответа не последовало. Но было очевидно, что жизнь возвращается на озеро. Большими толпами прибывали цапли, турпаны, фламинго. В соседней роще попугаи крикливо приветствовали приход животных и уход людей. Стадо Пеуэна в полном составе выставляло свои рога из воды, в то время как самки с удовольствием наблюдали за своими детенышами...

Плаш-ш-ш, плаш-ш-ш...

— Вон плывут выдры.

— И бобры.

Ренанко отскочил в сторону, чтоб лучше наблюдать издалека. Да, Ньирэ плыла во главе своей колонии.

— Мур-р, мур-р,— окликала его Мури, шиншилла, бегущая к нему с опушки леса.

Ньирэ высунула свое беспокойное рыльце из воды почти у самых ног Ренанко.

— Здравствуй, дружок! Как замечательно, что ты вернулся!

— Мы все вернулись,— наставительно сказала Марай, белка, взбираясь на огромный камень, чтоб быть поближе к Ренанко.

— Да, Ньирэ, мы вернулись. Теперь ты обязательно должна объяснить мне, что такое душа озера.

Ньирэ окинула долгим взглядом сборище своих друзей, пригладила лапами усы, моргнула сначала одним глазом, потом другим и разразилась такой речью:

— Душа озера — это образы всех тех, кто приходил когда-либо смотреться в его воды. Озеро помнит их и запечатлевает в себе навечно. Так что душа озера — это мы с вами. Ибо озеро любит тех, кто его полюбил.

— А как же люди? — бросила с вызовом Мури.

— О нет! — возмущенно отозвалась Ньирэ.— Они — нет, разумеется, потому что они приходят погубить всех, кого оберегает озеро.

Лиуэль чуть не плакала от счастья. Мури принялась бросать

орехи радаля в воду. Пеньи, заяц, помогал ей. Послышался протяжный, торжественный рев Пеуэна.

— Здоровья и долгой жизни всем обитателям озера Науэль Уапи, его берегов и вод, лесов близ него и небес над ним! Долгой жизни!

Хор оленьих голосов вторил приветствию Пеуэна...

— Скажи мне, Ньирэ, ты что-нибудь знаешь про дух Шайуэкена?

— Я знаю, я...— взволнованно затрещала Мури.— Если завтра ты возьмешь меня на прогулку, я расскажу тебе все, что знаю. Все-все. Договорились, Ренанко?

7. ПРИЗРАК ШАЙУЭКЕНА

Полуденное солнце медленно нанизывает ленивые часы дня. Мури и Ренанко встретились в свежей тени зарослей колигуэ. К ним присоединилась Марай, тоже любопытствующая узнать про дух Шайуэкена. Но Мури не намерена так сразу все выложить. Она хочет сначала прогуляться.

— Ладно,— соглашается Ренанко,— пойдем в миртовый лес.

— А я? — с капризной гримаской спрашивает белка.

— Я снесу на спине вас обеих. Одну — у головы, другую — у хвоста.

— Нет! — протестует Мури.

Марай трясется от обиды. Ренанко взглядывает на шиншиллу с удивлением:

— Ты не хочешь, чтоб она гуляла с нами?

— Нет, я не хочу, чтоб мы шли в миртовый лес.

— Но почему? — спрашивают разом Ренанко и Марай.

Словно две черные бусины, глаза Мури перебегают с одного на другую, и она разъясняет со вздохом:

— Так ведь это там живет дух Шайуэкена...— и пушистым хвостом закрывает черные бусины.

— Это все выдумки,— упорствует Марай.— Мы с тобой живем в лесу и никогда этого самого духа не видывали.

— Во-первых, он невидим,— объясняет Мури поучительным тоном.— И во-вторых, мы живем хоть и в лесу, да не в миртовом.

Доводы шиншиллы неоспоримы. Белка замолкает, а Ренанко глядит на них и забавляется:

— Так что, идем или не идем?..

— Но ведь говорят...

— Да это бабушкины сказки. Знаете, в чем тут дело?

Мури зажмуривает глаза, открывает глаза в нетерпении.

— Старики не хотят, чтоб мы блуждали по миртовому лесу, боятся — заблудимся. И сочиняют эти истории, чтоб нас напугать. Только и всего. Но вы обе храбрые, так ведь?

— Какое сомнение! — Белка больше не колеблется.

Шиншилла молчит. Ей совсем не улыбается эта мысль — вступить в чащу гигантов миртов. Там царят свет и тишина. Но все там так таинственно...

— Ты остаешься тут?..

Мури нехотя занимает свое место на спине Ренанко, подбирается к правому его уху и шепчет:

— Говорят, что там каждое дерево — это душа воина из воинства Шайуэкена...

— Правда? — Шерсть у белки становится дыбом.

— Не верь ни одному ее слову,— сердится Ренанко.— Если б каждое дерево было душой воина, их бы не валили.

Соображение убедительное, и Мури нюхает воздух, словно ища в нем еще какие-то весомые опровержения.

— Говорят, что в том лесу все еще живет дух Шайуэкена и его воинов.

— А почему они до сих пор там? — с интересом допытывается Ренанко.

Мури замечает искорку любопытства в вопросе друга.

— Шайуэкен был каси́к — старейшина индейской общины, который бросил вызов самому Уэкубу́ — духу зла, хранителю вулкана Ланин. Шайуэкену рассказал колдун их племени, что через глаз вулкана можно видеть центр земли... Сопровождаемый своими воинами, он взобрался по каменистому склону и, достигнув вершины...

Шиншилла внезапно смолкла. Она вложила столько страсти в свой рассказ, что уже и сама начинала в него верить.

— Ну... Достигнув вершины?..— в нетерпении подгоняет Марай.

— Достигнув вершины, он исчез в клубах желтого газа и языках пламени...

— Но ведь это потухший вулкан,— замечает Ренанко.

Мури набирает воздуха, щелкает языком по острым пластинкам своих зубов и продолжает как ни в чем не бывало:

— И никогда его больше не видели...

Ренанко внезапно остановился. Все трое хранят молчание, слушая молчание леса.

— А дальше... дальше...— словно прошелестела Марай.

— И с тех пор дух касика Шайуэкена подымается по вечерам из центра земли и без устали бродит по миртовому лесу...— заключает Мури, довольная своим красноречием.

Марай пытливо оглядывается по сторонам, ожидая, что из-за какого-нибудь ствола вдруг покажется дух Шайуэкена.

— Мури, ты похожа на старую колдунью, которая только и делает, что всех пугает. Ни одному слову из твоей истории я не верю.

Мури молчит, обескураженная. Марай тоже молчит, вся под впечатлением рассказа. Ренанко продолжает свою прогулку. Потому что они уже на опушке леса. Свет проливается потоками, радужно играя в тумане. Все трое останавливаются, зачарованные, потому что внезапно извивы тысячелетних стволов кажутся завитками дыма, хлынувшими, виясь, к небу от какого-то неведомого пожара. Завитки цвета корицы играют в воздухе, останавливаются и полнятся призрачными образами. Ветви словно обретают иную какую-то жизнь, и... не есть ли одна из них тот самый дух Шайуэкена? Весь лес словно плывет в золотой мгле, и белые цветы миртов сияют, как маленькие светильники. И кажется шиншилле, будто видит она, как там, вон там, все ближе и ближе, корчится дух Шайуэкена в мученических извивах старых стволов. И она, словно шарфом, прикрывает глаза и чуть ли не всю голову своим шелковистым хвостом.

Белка в испуге съежилась на спине у Ренанко. А вдруг эти глубокие морщины на стволах деревьев — не что иное, как шрамы от ожогов на теле бедного Шайуэкена? И откуда это слышатся такие приглушенные и такие далекие голоса?..

— Пойдем отсюда, пойдем! — умоляет Мури почти без голоса.

— Увези нас отсюда! — шепчет Марай, вся дрожа.

— Довольно! — говорит Ренанко.

Ему и самому пришлось сделать над собой усилие, чтоб не поддаться чарам, какие ткет тишина, какие сотворяет свет... Мури высвободила из-под своего шарфа один черный-пречерный глаз и смотрит на множащиеся до беспредельности золотые стволы миртов. А Марай чудится, что цветы звенят, как легкие стеклянные колокольчики.

— Вы боитесь?..— спрашивает Ренанко, и ни одна из его подруг не отвечает.

«Боятся, боятся!» — думает Ренанко, тихонько кружа между деревьями.

— И вовсе нет! — отрицает Марай.

— Кто тут боится?! — возмущается Мури.

И, неожиданно расхрабрившись, шиншилла бросается на землю и замирает перед Ренанко. Белка следует ее примеру.

— Теперь ты видишь, нас ничто не испугает!

— Тогда давайте играть в прятки!

Ну нет, это уже слишком... Прятаться за деревьями? А если и впрямь в каком-нибудь из них скрывается дух неистового касика?..

Ренанко бежит веселой рысью и исчезает за одним из зеленых гигантов. Мури и Марай, как две искорки, мчатся за ним. Благодаря игре они вновь обретают душевный покой и к тому же открывают целую колонию грибов. Мури сдергивает шляпку с одного гриба, издавшего при этом какой-то свист, словно в обиде, что нарушили его отдых. Марай с восторгом подражает подруге.

— Соплячки бессовестные, — ворчат грибы, пытаясь вновь надеть сброшенные шляпки.

А Мури и Марай весело смеются при виде этой группы крохотных индейцев в широкополых шляпах, надетых почему-то набок.

Ренанко отыскал подушку из моха, мягкую-мягкую. Нити света протягиваются сквозь ажурные листочки.

— Время возвращаться... — подсказывает Мури.

Марай вскакивает на спину Ренанко. Шиншилла следует примеру подружки.

Мерной рысью бежит Ренанко, покидая лес, где плотнее смыкаются тени. Он кружит у озера, ища отмель, которая приведет к их стойбищу. Мури замечает какое-то странное отражение на зеркале вод и одним только взглядом указывает на него подруге. Да, верно, что-то темное кружится над гладью озера. Что-то похожее на огромную птицу, описывающую в воздухе медленные круги. Мури не сомневается: это дух Шайуэкена! Но она не в состоянии поделиться с друзьями своей догадкой — страх сковал ее, словно лед. Марай нервно стучит лапкой в спину Ренанко.

— Что случилось?

— Ты разве ничего не видишь?

Ренанко замечает странную тень, похожую на исполинскую птицу, парящую совсем низко. Внезапно тень эта задевает кроны деревьев и, словно разбившись об острые скалы, исчезает без следа.

— Дух Шайуэкена! — в ужасе визжит Мури.

— Бежим! — задыхается Марай.

И трое друзей спасаются бегством, словно преследуемые тысячью лесных демонов.

8. НЬЯНКУЛЬ, КОНДОР

С самого рассвета думал Ренанко, где б найти любимое оленье лакомство — лишайники. Наконец он увидел, как зеленеют они у подножья скал близ озера, и стал с наслаждением лизать. Неожиданно утренний ветерок донес до него незнакомый резкий запах. Ренанко насторожился и стал старательно нюхать воздух вкруг крутого утеса. Да, странный запах. Это не Сахта, пума, и не Науэль, ягуар, но это что-то из крови, жил, мышц и... Ренанко остановился, наставив уши и напряженно слушая окрестность. Разве не вон там исчезла вчера таинственная тень, которую они приняли за дух Шайуэкена?..

Как маленький оленёк-пуду, резво прыгает Ренанко по скалам, но внезапно останавливается, цепенея от удивления, леденея от испуга, трепеща от странного чувства страха перед неведомым. Потому что там, за выступом скалы, лежит огромный кондор. Мать предостерегала его против орла, жестокого похитителя сосунков оленьего клана, и говорила ему также об устрашающей силе кондора, способного отбить добычу у самого ягуара Науэля. И вот он здесь, поверженный. Но даже и так, раненный, недвижно раскинув гигантские крылья, дыша прерывисто, как побежденный воин, кондор величествен и грозен. Загнутые когти подобны коротким и острым кинжалам, из крючковатого страшного клюва высунулся желтый пересохший язык. Струйка крови перечеркнула красным белый воротник из перьев на голой шее.

— Отойди, олень, я враг твой...— Лысая голова вновь падает на землю, и взгляд теряется где-то в пустоте.

Ренанко не шелохнулся. Тяжко раненный, кондор не может причинить ему вреда. Он совсем обессилел, сразу видно. Вода почти рядом, а у него язык пересох от жажды... Ренанко срезал зубами цветущую ветку ириса и поднес к голове кондора, который взглянул на него с безразличием, ничему не сопротивляясь. Ренанко наклонил ветку, и драгоценные капли росы, скопленные венчиками, пролились на грозную голову. Гигант приоткрыл глаза с нескрываемым удовлетворением. Ренанко сорвал еще несколько цветов и повторял лечение до тех пор, пока кондор, уже широко открыв глаза, не спросил его:

— Кто ты?

— Ренанко, сын Калеля и внук Пеуэна.

— А, да, Пеуэн! Я несколько раз видел вас всех с неба. Большое племя и отважно ведомое.

Во взгляде Ренанко зажглась искорка гордости.

— А ты кто?

Гигант медлит с ответом. Разговор утомил его. Ренанко снова идет за водой.

— Я Ньянку́ль,— с трудом произносит гигант, проглотив еще несколько янтарных капель, и снова замолкает, обессилев.

Ренанко понимает, что, если оставить его здесь, меж раскаленных скал, он погибнет. Если б дотащить его до прохладных тростников, под защиту тенистого радаля... Но каким образом?.. Блестящая мысль!.. Радостными скачками он бежит на поиски Райуэ. Она поможет, он не сомневается. И вот уже она, трепеща, следует за ним.

Ньянкуль в недоумении: что собирается делать эта пара юных оленей?

Райуэ дрожит и не осмеливается подойти к кондору.

— Не бойся, это мой друг, он не причинит тебе вреда,— уверенно произносит Ренанко.

— Не страшись, это правда, мы друзья...— подтверждает Ньянкуль.

— Подойди, Райуэ, помоги мне. Мы должны оттащить его отсюда.

Райуэ приближается, все еще с оглядкой. Но неподвижность

кондора убеждает ее в том, что он не опасен для них. Зацепив за край огромного крыла, напрягая все свои силы, они влекут его прочь и укладывают в густоту лавровых кустов. Там у него будет не только прохлада и тень, но еще и убежище, где его не найдут ни Сахта, пума, ни Науэль, ягуар. Никто его не увидит, потому что никто не будет знать об убежище, какое придумали для него Ренанко и Райуэ.

Кондор смотрит на них. В его свирепом взгляде светится странная ласка. Эта пара юных оленей... Быть может, они спасли ему жизнь. «Не знаю, теперь уснуть, уснуть...»

Райуэ и Ренанко, тесно прижавшись друг к другу, стоят и смотрят.

— Он, кажется, умер...— шепчет Райуэ.

— Нет, он спит,— отвечает Ренанко очень тихо.— Пойдем, пускай отдыхает.

И, довольный успехом, он ведет Райуэ к жилищу Марай, белки.

— Знаешь что, Марай...

— Я много чего знаю...— отвечает гордячка.

— Значит, тебя не интересует, что мы только что открыли.

— Меня интересует, меня!— визжит Мури, забыв даже об орехе, который только что грызла.

— Тогда мы тебе одной и расскажем.

Марай подымает хвостик и, подмигнув Райуэ, стрелой бросается вниз по стволу, с вызовом становится перед Ренанко и показывает острые зубки, смеясь вопреки собственному желанию.

— Расскажи, расскажи...— настаивает шиншилла.

— Мы нашли дух Шайуэкена,— таинственно сообщает Ренанко.

Мури и Марай разом оборачиваются к Райуэ, пытаясь догадаться, где правда, но Райуэ не знает, о чем речь идет. Для нее Ньянкуль — это кондор. При чем тут дух Шайуэкена? А подружки Ренанко просто шалые какие-то...

— А где он?— решается спросить Мури.

— Спит в лавровых кустах.

Мури взлетает по веткам радаля, как ветер. Марай карабкается на сук раули и глядит во все стороны. Райуэ все меньше понимает, в чем дело.

— Ты хочешь нас напугать, ты плохой друг! — визжит Марай.

— Скажи нам правду, Райуэ...— требует Мури.

— Я не знаю, о чем вы говорите, я совершенно не понимаю, что здесь происходит,— обиженно сознается Райуэ.

Запинаясь, перебивая друг друга, перебивая самих себя ахами и охами, Мури и Марай повествуют о том, что случилось накануне. Райуэ начинает смеяться.

— Ты издеваешься?..— Марай оскорблена.

Райуэ не в состоянии ответить сразу. Наконец ей удается выдавить:

— Если вы пойдете со мною, я покажу вам, где спит дух Шайуэкена.

— Завтра, зав-тра пой-дем...— заикается Марай, не вполне уверенная, что над ними не собираются подшутить.

— Так значит... это правда — про дух Шайуэкена? — робко спрашивает Мури.

— Если хотите знать это, пойдемте с нами,— настаивает Ренанко.

Но никакие силы в мире не способны убедить Мури и Марай покинуть свои надежные убежища.

На следующее утро Ренанко и Райуэ застали кондора сидящим. Рана, кажется, почти затянулась. Силы начали возвращаться к нему. Теперь его мучит голод. В других обстоятельствах олени... Но нет, это было бы чудовищно.

— Кто ранил тебя? — с робостью допытывается Ренанко.

— Лавина. Я отправился на охоту искать корм для моих птенцов. На обратном пути я увидел, как целый поток камней, снега, земли, оторвавшихся веток стремился по склону горы. Я стал торопиться, чтоб спасти детенышей, предупредить подругу... Что-то ударило меня в крыло, и я камнем полетел вниз. Потом... Не знаю толком, что было потом.

— Ты летел над лесом, близ озера. Я видел твою тень,— рассказал Ренанко.

В этот миг из-за кустов высунулись две испуганные и любопытные мордочки.

— Шайуэкен! — восклицает Мури и застывает с открытым ртом.

— Шайуэкен! — вторит ей Марай, хрипя и теряя голос.

Ньянкуль смотрит на белку и чувствует, что голод его усилился...

— Это Ньянкуль, кондор, он наш друг,— уточняет Райуэ.

— Вы с ними дружите? — спрашивает Ньянкуль у оленей, недовольно и с усилием.

— Очень дружим!..— торопится сообщить Ренанко.

Ньянкуль чувствует биение своей крови и распрямляет мощные крылья. Мури и Марай пропадают из глаз как по волшебству. Даже Райуэ отступила на шаг, испуганная.

— Нет, не бойся, я друг ваш. Я никогда не причиню вам вреда. Но мне время улетать.

Он покидает свое убежище, идет по крутому берегу озера, бежит несколько метров, распластав крылья, взмахивает ими и стрелой взмывает в воздух.

— Прощайте, прощайте, друзья! Вовек не забуду вас!

Он летит, медленно набирая высоту. Ренанко, Райуэ, Мури и Марай с изумлением и восторгом следят за его плавным полетом. Он кажется все меньше, меньше, пока не становится крохотной точкой на сверкающей синеве небесных просторов.

9. ПОРА ЛЮБВИ

Не только красивые рога, отраженные водами озера и вызывающие восхищение всех его друзей, в особенности шиншиллы, стали новым его отличием. Что-то изменилось в самой крови его, словно слепой и еще неведомый зов жизни забился в его венах. Зелень листьев, даже маленьких ростков, засияла особым, неистовым светом. И он чувствует какое-то тайное беспокойство, выражаемое во внезапных приступах дрожи и какой-то дикой безудержности, никогда прежде не ощущаемой, которая побуждает его мериться силой со всеми и всем вокруг, доказывать свою ловкость и на бегу и на скаку. И, подступая к Райуэ, выделывать такие замысловатые прыжки, что в конце концов Гура не выдержал и в порыве ревности бросился на него:

— Оставь ее в покое, слышишь, Ренанко?

Но Ренанко совсем не замечал, чтоб его шуточки докучали Райуэ, и взглянул на друга с удивлением:

— Ты что, недоволен?

— Да! Недоволен!

— Но почему?

— Потому что!

Это уж не в первый раз Гура так вот сердится. Еще до того, как был ранен людьми, он весь дергался, когда Ренанко подходил к Райуэ. А после печального приключения нрав этого юного оленя вообще изменился, он стал такой раздражительный... Ренанко вопросительно взглянул на Пеуэна. Но вожак как будто не особенно обеспокоен соперничеством молодых

оленей... Ренанко взглянул на отца, на мать... Родители тоже, видимо, считают, что соперничество — обычное дело среди оленей. Так что никто не будет против, если он поставит соперника на место. И он снова подступает к Райуэ, словно не заметил угрозы, прозвучавшей в спесивом ответе Гуры... Райуэ, Райуэ — это имя означает «нежный цветок»... Но Гура загораживает ему дорогу, нагнув шею и направив ему в грудь острые рога. Молодые оленихи и другой молодняк окружают спорщиков тесным кругом. Впервые Ренанко меряется с кем-то силами, и всем не терпится узнать наконец, чего можно ожидать от внука Пеуэна. Дед подымает голову, утонувшую было в густотравье, и смотрит — весь внимание. Ему тоже интересно узнать, какой накал храбрости, силы и ловкости выкажет Ренанко.

Калльву, сорока, тут и застрекотала:

— Ренанко и Гура будут биться!.. Ренанко и Гура будут биться!..

Некуль, колибри, услыхав эти слова, быстрее ветра мчится к жилищу Мури, шиншиллы. Мури торопится сообщить новость Марай, белке, а по дороге еще оповещает Пеньи, зайца. Даже выдра Ньирэ уже знает. Но эта-то не собирается покидать свое озеро ни из-за каких, даже мировых, событий...

Ренанко надвигается медленно и атакует внезапно, стараясь застичь противника врасплох. Однако последнему удается остановить удар нацеленных рогов, сцепив с ними свои собственные. Выгнув хребты, они силятся заставить отступить друг друга.

В эту минуту прибывают Мури, Пеньи и Марай. Мури вскакивает на спину Райуэ, Марай карабкается на шею Лиуэль. Пеньи, тревожно наставив ушищи, укрывается между копыт Калеля.

Ни один из сражающихся не уступает. Ренанко круто гнет свои рога сначала вправо, потом влево. Гура в точности повторяет его движения.

Мури радостно бьет лапками.

— Что развеселилась? — спрашивает недовольная Райуэ.

— Потому что Ренанко выигрывает.

— Откуда ты взяла? — удивляется Райуэ.

— Потому что почин — за ним. Ведет бой как хочет. Это хорошо.

— Ты уверена?

Обиженная Мури не отвечает.

Слышно, как звенит тишина. Огромная, глубокая тишина сгустилась вокруг молодых оленей, сцепившихся в схватке жестокой, где нет пощады. Копыта вонзились в землю, шеи круто выгнуты, рога недвижно сомкнуты с рогами, и кажется, что могут пройти долгие часы, прежде чем соперники дадут себе передышку. Оба сильны и свирепы. Битва — на равных... Или, быть может, не совсем. Потому что пот струится по спине Гуры, в то время как Ренанко словно и не утомлен. И, однако, каждый из них — на том же месте, что вначале. Ни один не отступил ни на шаг, словно оба вросли копытами в землю.

«Вот теперь, Ренанко...» — мысленно произносит Пеуэн.

И, словно и впрямь услыша ободряющий призыв деда, Ренанко будто клонится сначала в одну сторону, а потом сразу в другую, а сам тем временем притягивает к себе противника и внезапно, не расцепляя рогов, напрягает последние силы и делает резкий выпад — и Гура начинает отступать, отступать, пока не садится на задние ноги. Ренанко отцепляет свои рога и смотрит на него долгим взглядом. Две молнии сверкают в его зрачках. Мури бьет лапками, прыгая на спине у Райуэ:

— Мур-р-р, мур-р-р!

Марай лезет чуть ли не на голову Лиуэль и, перекувыркнувшись, летит, как молния, до самого хвоста, чтоб затем кинуться на землю и устремиться к Ренанко. Пеньи показывает свои заячьи зубы в нервной какой-то улыбке.

Ренанко, гордо выпрямившись, обводит взглядом всех молодых самцов племени, словно говоря: «Есть ли еще кто-нибудь, кто намерен встать между мною и Райуэ?» Но все притворяются, что не поняли намека.

— Подойди ко мне, Ренанко,— зовет Пеуэн.

Ренанко радостно трусит навстречу деду, в то время как побежденный Гура мрачно идет прочь от стойбища.

— Сразимся! — говорит Пеуэн.

У Ренанко вся шерсть становится дыбом. Пеуэн замечает испуг и удивление в глазах внука.

— Играючи. Я хочу тебя кое-чему обучить.

Пеуэн замирает на месте, выгнув спину. Ренанко подражает ему, ожидая нападения.

— Попробуй зацепить меня за рога,— приказывает Пеуэн.

Ренанко пытается сделать это, но рога Пеуэна в мгновенье ока проскальзывают за его загривок — и вот он уже вздернут на их острия. Ренанко чувствует, что его передние ноги отрываются от земли. Но на этом схватка кончается: Пеуэн отступает, и Ренанко снова может стоять твердо.

— Попробуй еще раз...

Ренанко теперь знает ловкий прием деда, так что хочет его предупредить. Притворяется, что сейчас зацепит... Пеуэн принимает правила игры. Головы подымаются и опускаются в странном ритме воинственного танца. Кажется, что Пеуэн атакует... Миг колебания со стороны Ренанко позволяет его деду уклониться от прямого противостояния: теперь он мог бы вонзить весь розан своих рогов прямо в бок Ренанко...

— Пока довольно. Ты все понял?

Ренанко решается только утвердительно качнуть головой.

— Борьба, знание правил борьбы требуют долгого обучения. И это не одно и то же: играть в сражение и биться не на жизнь, а на смерть. А теперь иди. Твои друзья ждут тебя.

Ренанко повел Райуэ к берегу озера. Мури, разумеется, вскарабкалась на спину юному оленю, а Марай — юной оленихе. Ньирэ уже ждала их. Она теперь довольна, так довольна, что приглашает всех войти в светлые воды озера, чтоб веселой игрой отметить триумф Ренанко.

Озеро стало немым свидетелем тех счастливых дней. Жизнь вспыхивала на желтых цветках акаций-арома, звенела в сверкающей алости бутонов мутисии, в ветвистом золоте кустов сампы. Зелень майтена казалась зеленее, и его пурпуровые колокольчики словно резче отражали свет, что и сам был ясней, чем обычно. Душнее запахло цветочными смолами...

И все это возрождение сопровождается особой музыкой: гуденьем, непрерывным, неустанным, целого полчища шмелей. По ним обитатели озера и его окрестностей, весь крылатый народ узнают, что лето настало. Стадо Пеуэна словно охвачено безумием. Даже самые молодые олени, чьи рога проступают лишь еле заметным розаном, сшибаются в схватках. Более взрослые состязаются в коротких выпадах, приводящих порой к легким увечьям.

Крыло тумана простерлось над озером в то утро. Птицы просыпаются, олени мирно пасутся, полускрыв головы в высокой траве; все тихо... Но вот внезапно, словно повинуясь какому-то таинственному знаку, все стадо повернуло к поляне, где обычно собирается олений сход. Образовав круг, самцы ложатся, в то время как молодняк топчется, лягая копытами воздух. Самки стоят внутри круга в ожидании. Калель, Линкун, Кетрен и другие взрослые самцы встают и начинают свой танец вокруг неподвижных олених. Через какое-то время хоровод рассыпается, и они снова ложатся в траву. Молодые заступают место отцов. Барабанный бой копыт служит сопровождением любовному танцу. Ренанко не отрывает взгляда от золотистого меха Райуэ и танцует только вокруг нее. И мало-помалу отгоняет ее от стада... Ему хочется прыгать и мчаться галопом. И выйти на самую большую поляну, где б не было тесно той жажде жизни, что охватила его... И, сопровождаемый подругой, он начинает стремительный бег. Рубеж его, сдается, это склон горы, откуда открывается самая величественная панорама озера Науэль Уапи.

Красные искры полдня вспыхивают на шкурах молодых оленей. На склоне горы, где обитает тишина, сама душа леса зовет их под свой зеленый кров.

10. ТАИНСТВЕННАЯ ВЕСТЬ

Сколько ни старалась не отстать, Райуэ отставала все больше и больше. Какая-то большая тень промелькнула перед Ренанко — раз и второй раз, пока он не понял, в чем дело. Его друг Ньянкуль приветствовал его с высоты. Он остановился и поискал взглядом в блестящем и немыслимо глубоком небе. И увидел кондора, что парил на большой высоте, описывая широкие круги. Казалось, он искал места, где удобнее спуститься. Так и есть. Внезапно он камнем кинулся вниз и, когда казалось, что он вот-вот разобьется о скалу, торчащую из горы, словно маленькая мачта, взмахнул крыльями и плавно сел.

— Ньянкуль приветствует тебя, младший брат,— сказал он Ренанко, когда тот подошел к подножью скалы.

— Долгой и прекрасной жизни тебе, токи небесных просторов...— отозвался Ренанко.

— Здравствуй, красавица сестрица,— приветствовал кондор олениху.— Я принес новости для племени Пеуэна.

Чета юных оленей взглянула на него с изумлением. Никогда и ни для кого, насколько им было известно, кондор не брал на себя роли вестника.

— Мы слушаем тебя, великий Ньянкуль.

Кондор вытянул правое крыло.

— Ты замечаешь, что здесь не хватает двух перьев?

Да, как будто, хотя, по правде сказать, Ренанко ничего не понимал в крыльях и перьях...

— Что случилось с тобой? — спросил он на всякий случай, чтоб не показаться невежливым.

— Люди...

— Люди?.. Как?!

Казалось просто невозможным, чтоб Ньянкуль мог стать жертвой охотников.

Он, кто может мгновенно взмыть в высоту, кто едва различим для глаза, как крохотная черная точка на бескрайности небосклона.

— Они хотели убить меня только за то, что я приблизился... Что хотел увидеть, каких животных они привезли с собою...

Ренанко и Райуэ недоумевали: о чем это говорит кондор? И он, верно, заметил это в их взглядах, потому что сразу разъяснил:

— Да, хоть вам и покажется невероятным: люди привезли не знаю откуда каких-то очень странных оленей. Они бурого цвета с красно-рыжим оттенком. Очень большие. И рога у них мощные и ветвистые.

Ренанко и Райуэ переглянулись. Ньянкуль прочел недоверие в глазах своих юных друзей. Но не оскорбился. Он понимал их. Ибо никто из обитателей озера, гор и окрестных лесов, вод и воздуха никогда не слыхал, чтоб люди покровительствовали каким-либо иным животным, кроме собаки, лошади, овцы, коровы... то есть тем, кто рабски им повиновался. Потому что... они никогда не оказывали покровительства свободным. Напротив — и это знали твердо и Ренанко и Райуэ — всегда старались убить их... Как в случае с Ньирэ и Гурой.

— Да, я знаю, что это кажется невероятным. Но это так. Люди привезли с собою этих животных и охраняют их. И никому из нас не дают к ним приблизиться. Они там, в стороне пампы.

Олени не знали, что такое пампа. Для огромной территории, где они обитали, средоточием жизни было озеро. От чаек или от какого-нибудь отважного турпана они слыхали про море и про чуждые берега где-то там, к западу. А больше, пожалуй, ни про что.

— Но... Знаете, что меня тревожит?

— Скажи нам, Ньянкуль, умоляем, скажи...

— Они движутся сюда. Большая группа этих животных вырвалась из-под присмотра людей и направляется сюда в поисках озера.

— Ну и что? Земля велика, Ньянкуль, озеро также...

Кондор устремил свой острый взор вдаль, затем снова обратил его на Ренанко и добавил:

— Не по душе мне это, Ренанко... Не по душе. Они не такие, как вы...

— Что ты хочешь этим сказать?

— Они какие-то заносчивые, враждебные. Сам не пойму... Я не жду ничего хорошего для племени Пеуэна... Это и хотел я сообщить тебе.

Райуэ ласково потерлась о лопатку Ренанко.

— Надо немедленно рассказать все Пеуэну.

Наступила долгая тишина. Наконец Ньянкуль заговорил:

— Вы всегда можете рассчитывать на мою помощь. Прощайте, друзья...

Он раскинул крылья и с края скалы устремился в пустоту, чтоб начать полет. Они увидели, как он подымается ввысь, вначале медленно, потом все быстрее и быстрее.

Радость сегодняшнего дня погасла для четы юных оленей. Почему Ньянкуль тревожится о судьбе племени Пеуэна?..

— Пойдем посоветуемся с Пайнэ, совой. Ньирэ говорит, что она мудрая.

И они вновь двинулись к озеру, опустив головы, забыв, что днем сова спит. Но быть может, Мури или Марай сумеют разбудить ее. Дело идет о какой-то большой угрозе для оленей. Ну, возможно, не такой уж большой; однако Ньянкуль посеял серьезное беспокойство в душах Ренанко и Райуэ... Что это за странные олени, о каких говорил кондор?

Пайнэ они не нашли, но зато им повстречались Мури и Марай. А эти, разумеется, знали, где живет сова. Только два существа, такие любопытные, как белка и шиншилла, могли обнаружить дупло в старом дереве, где Пайнэ устроила себе гнездо. Так что теперь задача состояла в том, чтоб разбудить сову, не очень при этом ее рассердив. Мури принялась разгры-

зать орех. Марай немедленно поняла уловку подруги и стала разгрызать другой. Шум, который производили обе, скрипя своими острыми резцами по твердой скорлупе у самого дупла, внутри него был, наверно, невыносим. Сова приподняла одно веко, приоткрыла клюв, недовольная, и насторожилась. Кто-то бродил возле гнезда, кто-то обнаружил ее убежище. Тут, возможно, таилась опасность. Змея это не могла быть по двум причинам: во-первых, змеи боятся сов, а во-вторых, не способны производить такой шум, даже если это гремучая... И под конец, столь же раздраженная, сколь и заинтересованная, сова высунулась из гнезда.

— И как я не догадалась, что это вы...— проворчала она и повернулась, чтоб возвратиться в свое дупло.

— Обожди, мудрая Пайнэ...

Пайнэ покрутила головой, открыла свои огромные глаза и взглянула с удивлением, так как голос принадлежал вовсе не Мури, шиншилле, и не белке Марай. Кому же тогда?.. Сова снова принялась крутить головой во все стороны; наконец ей с трудом удалось взглянуть вниз, и тут она обнаружила чету оленей. Они, вероятно, принадлежали к племени Пеуэна, а сова очень благоволила к вожаку оленей, что кормились у озера или немного подальше, смотря по тому, есть там люди или нет.

— А ты... кто таков?

— Я Ренанко, внук Пеуэна.

Пайнэ заморгала глазами, что у нее означало: привет, будьте как дома... Разумеется, это было понятно для Мури, но не для Ренанко.

— Можешь говорить,— прошептала шиншилла.— Пайнэ тебя слушает.

И Ренанко поведал сове все, что слыхал от кондора. Пайнэ слушала очень внимательно, потом тряхнула головой, открыла глаза и вновь закрыла:

— Жалею, что не могу вам помочь. Знаю, кто такие олени, кто такие оленьки-пуду, но про тех, особенных, и не ведаю.

Ренанко разочарованно вздохнул.

— Однако...

Мури вздела роскошный хвост в знак внимания. Марай сложила передние лапки, словно оберегая какой-то редкий плод.

— Можно послать кого-нибудь, чтоб все разузнал и передал нам.

Глаза Ренанко блеснули... Конечно, это замечательная мысль!.. Но... кто пустится в такую даль по землям, совсем незнакомым для обитателей здешних мест?.. Может быть, Пайнэ сама подскажет, кому поручить подобную миссию...

— А ты как думаешь, кто может выполнить это поручение?

Пайнэ, видимо, призадумалась, потому что приоткрыла свои глазищи, потом моргнула в знак того, что нашла выход:

— Надо собрать всех твоих друзей и, кто добровольно согласится взять на себя эту задачу, того и послать.

— Благодарю, мудрая Пайнэ.

Пайнэ закрыла один глаз и нырнула в дупло.

Ренанко быстро перебрал в памяти всех своих друзей. Нет, никто из них не мог с успехом выполнить такую миссию.

— Что с тобой, Ренанко? — Райуэ, кажется, догадалась о его сомнениях.

— Идея Пайнэ хороша, но нет никого, кто б мог осуществить ее.

— Ты так думаешь, да? — Мури уже протестовала.

— Так я думаю, и так оно и есть.

— Надо попробовать,— решила Марай поддержать подругу.

— Почему бы и нет? — заключила спор Райуэ.

— Потому что никто не сможет этого выполнить. По той простой причине...— не соглашался Ренанко.

Никто не заметил таинственного исчезновения Мури. То есть не совсем никто. Марай видела, как она карабкалась вверх по стволу ближайшего дерева, с обратной стороны, и, чтоб дать ей время скрыться, постаралась отвлечь внимание Ренанко.

— Послушай, почему б тебе не посоветоваться с Ньирэ?

— Что может знать Ньирэ о том, что так далеко от озера?

— Но ты же знаешь, что Ньирэ может вопрошать душу озера.

— А при чем тут это?..

— Как так при чем? Она узнает, кто самый резвый в беге и кто — самый быстрый в полете.

Внезапно резкое стрекотание Калльву, сороки, заставило вздрогнуть всех троих.

— Ренанко созывает своих друзей... Ренанко созывает своих друзей... Все сюда... Все сюда...

Тем временем Ренанко все оглядывался вокруг, не видя нигде Мури и не понимая, куда она подевалась.

— Внук Пеуэна созывает своих друзей! Сюда! Сюда!..

Друзьям Ренанко не оставалось ничего другого, как податься к озеру, повинуясь оглушительному стрекоту Калльву.

Собрались уже почти все: Пеньи, заяц, Ньирэ, выдра, Некуль, колибри, Пьюкен, белый гусь, и, само собой разумеется, Мури.

Шиншилла возбужденно расхаживала по гладкой вершине скалы, той самой, за которой лежал раненый Ньянкуль, кондор, когда Ренанко наткнулся на него. Вскоре из тростниковых зарослей показалась чья-то острая морда. Это был Анай, рыжий лис.

Скрипучие крики предвосхитили появление Чороя, попугая, в сопровождении Йурери, вилохвостки.

— В чем дело, в чем дело, в чем дело? — затараторил Чорой.

— Обожди, еще не явился Ньянкуль, кондор...— разъяснила Мури, делая вид, что именно она — председатель собрания.

— Ньянкуль не явится,— высказалась Ньирэ.— Он летает высоко, и призыв Калльву, наверно, не достиг его слуха.

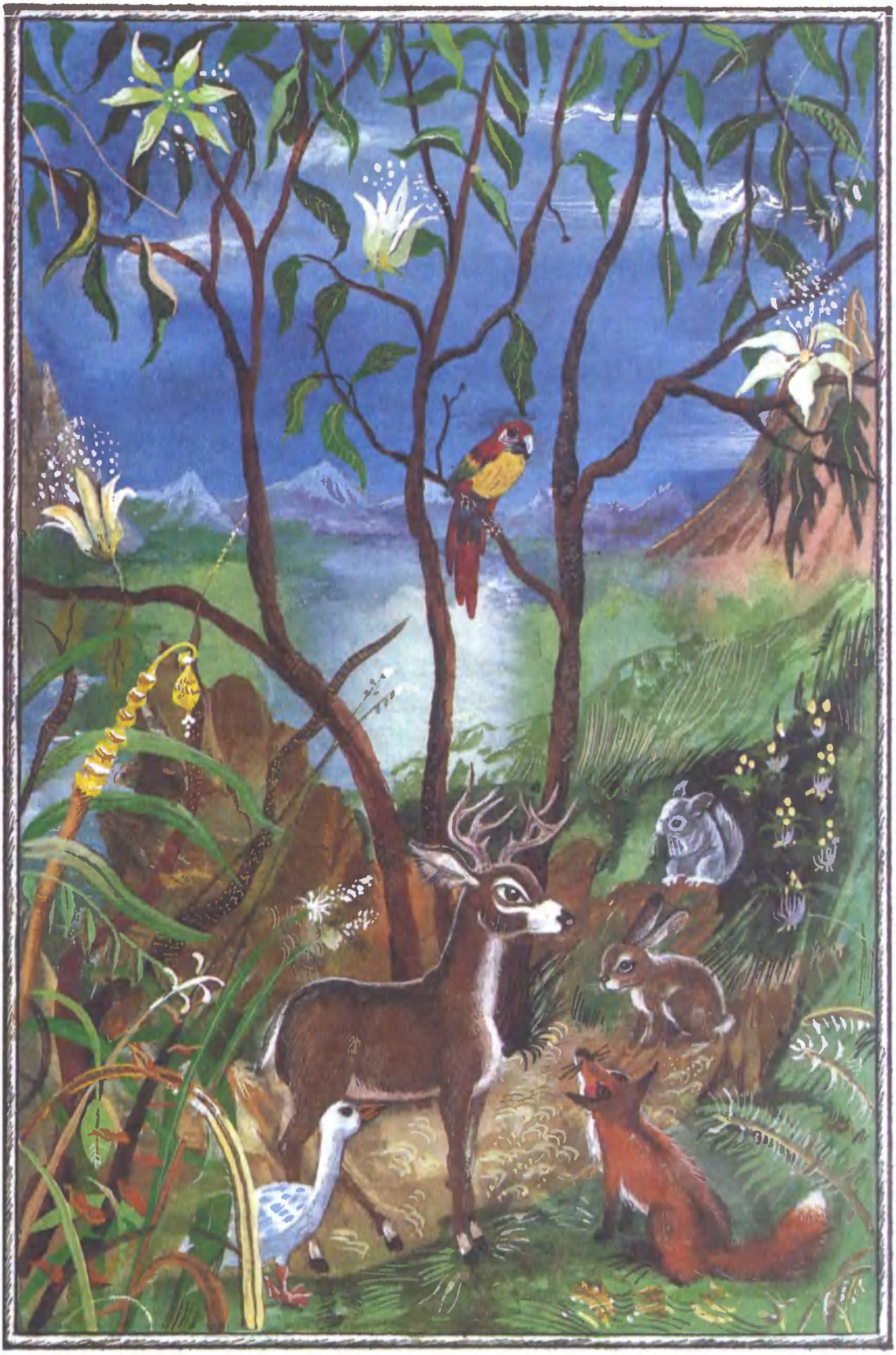
— Так чего ж мы ждем? — взвизгнула Мури.

Глаза всех обратились на Ренанко.

— Спасибо, друзья,— растроганно произнес внук Пеуэна.— Случилось так, что именно Ньянкуль принес нам весть о каких-то странных оленях, которые направляются сюда. И поскольку это нас взволновало, мы хотели бы узнать о них подробнее.

— Кто из вас решится отправиться? — вклинилась нетерпеливая Мури, которая не могла дольше существовать, не высказав своего решающего слова.

— Я готов,— вызвался Пьюкен, белый гусь.



— Я тоже,— присоединился Чорой, попугай.

— И я...— отрывисто хохотнул Анай, рыжий лис.

— Хорошо, хорошо, погодите...— прервал удивленный Ренанко.

— Но почему? Чего тебе еще? Имеешь троих вместо одного,— загорячилась Мури, стараясь казаться выше своего росточка и для этого встав на задние лапки и протянув передние вверх к небесам.

— Ни одному из вас не долететь...— И Ньирэ показала рыльцем сначала на Пьюкена, а потом на Чороя.— Боевые птицы — Укаль, орел, Пеукó, ястреб, или Окоá, каракара, помешают этому.

— Но я ведь дойду! — требовательно вставил Анай, рыжий лис.

— Да и я... Почему бы нет?..— расхрабрился Пеньи, заяц.

— Ни одному из вас не дойти,— пророчески возвестила выдра.— Сахта, пума, или Науэль, ягуар, или, что хуже всего, собаки, слуги людей, помешают этому.

Наступила тишина. И заключил ее печальный голос Ренанко:

— Она права. Никто из нас не может достигнуть такой дали...

— Есть только одно средство, и тут Ньянкуль может помочь нам...— указала Ньирэ.

— Как? — спросил Ренанко.

— Вот именно, как? — встрепенулась Мури.

— Да, да... как... именно? — поспешила, заикаясь, Марай поддержать подругу.

— Манкéн, сокол с дальних плоскогорий,— вот единственный, кому удалось бы выполнить такую задачу, и только Ньянкуль, кондор, может убедить его взяться за нее.

И снова тишина сгустилась вокруг друзей Ренанко.

— Ньирэ говорит правду. Надо искать кондора...

— Гм-мм!..— пробормотала Мури.— Интересно... Скажите-ка мне, как и где его искать?..

Ибо Мури, как всегда, не доверяла чужому мнению...

— Давайте я полечу искать его,— предложил Пьюкен.

— Он тебя убьет и съест,— уверила Марай, у которой шерсть на хвосте встала дыбом. Потому что каждый раз, когда белка вспоминала встречу с кондором, она словно видела перед собой крылатый призрак Шайуэкена.

— Безусловно!..— Мури ни на миг не усомнилась.— Останется только кучка прелестных и ненужных белых перьев...

— Не к чему так рисковать,— вмешался Чорой, попугай.— Я соберу всех моих родичей, и мы полетаем вокруг горы, крича: «Ньянкуль, Ньянкуль, Ренанко ищет тебя!»

— Мы, дикие гуси, можем поступить так же,— поддержал Пьюкен, обрадованный, потому что уже видел мысленно, как падает в бездну, с головой, расколотой надвое страшным клювом кондора.

— Мы все, птицы, можем так объединиться,— предложила Йурери, вилохвостка.

— Хорошая мысль,— одобрил Некуль, колибри.

Мури заранее заткнула уши, вообразив, какой невыносимый крик подымут все эти крылатые, хором призывая кондора.

И она не ошиблась. Часа через два после схода и озеро, и леса вокруг него, и ясный воздух, струящийся над ним, и леса, более от него отдаленные,— все наполнилось оглушительным шумом и гамом. И ветер присоединил свой голос, и горное эхо тоже.

— Ньянкуль, Ньянкуль, Ренанко ищет тебя!

Удивление заставило его разжать когти, выронив оленька-пуду, недавнюю добычу. Но Ньянкуль был кондор благородный и навсегда сохранил в душе благодарность к Ренанко, кому был обязан жизнью. И быстрее урагана он полетел к озеру.

Первой, кто мгновенно исчез при появлении кондора, была Мури; однако Марай тоже не долго раздумывала. Анай, лис, тихо нырнул в тростники, в то время как Чорой, выбрав ветку особенно густолистую, застыл на ней подобно каменному изваянию. Ньянкуль опустился на вершину скалы. Ньирэ осторожно высунула рыльце из воды и, убедившись, что опасности нет, вынырнула на поверхность. Но предпочла держаться на

благородном расстоянии от берега. Отсюда хорошо видно и слышно, и этого вполне достаточно. Тишина стояла такая глубокая, что Ньянкуль не мог взять в толк, кто же это поднял такой адский шум, заставивший его уронить добычу.

Он внимательно выслушал рассказ Ренанко и, помолчав, сказал:

— Ты можешь рассчитывать на помощь Манкена, сокола дальних нагорий. Он разузнает все возможное о странных оленях, которых я видел.

Через некоторое время Манкен, сокол дальних нагорий, пролетев над озером, задержался слегка над тем местом, где Ренанко и Райуэ глядели вверх, поджидая его.

— Ты можешь довериться мне, друг олень. Когда встанет новая луна, я вернусь сюда и поведаю тебе обо всем, что узнаю.

Плавные взмахи крыльев держали Манкена в воздухе на одной точке.

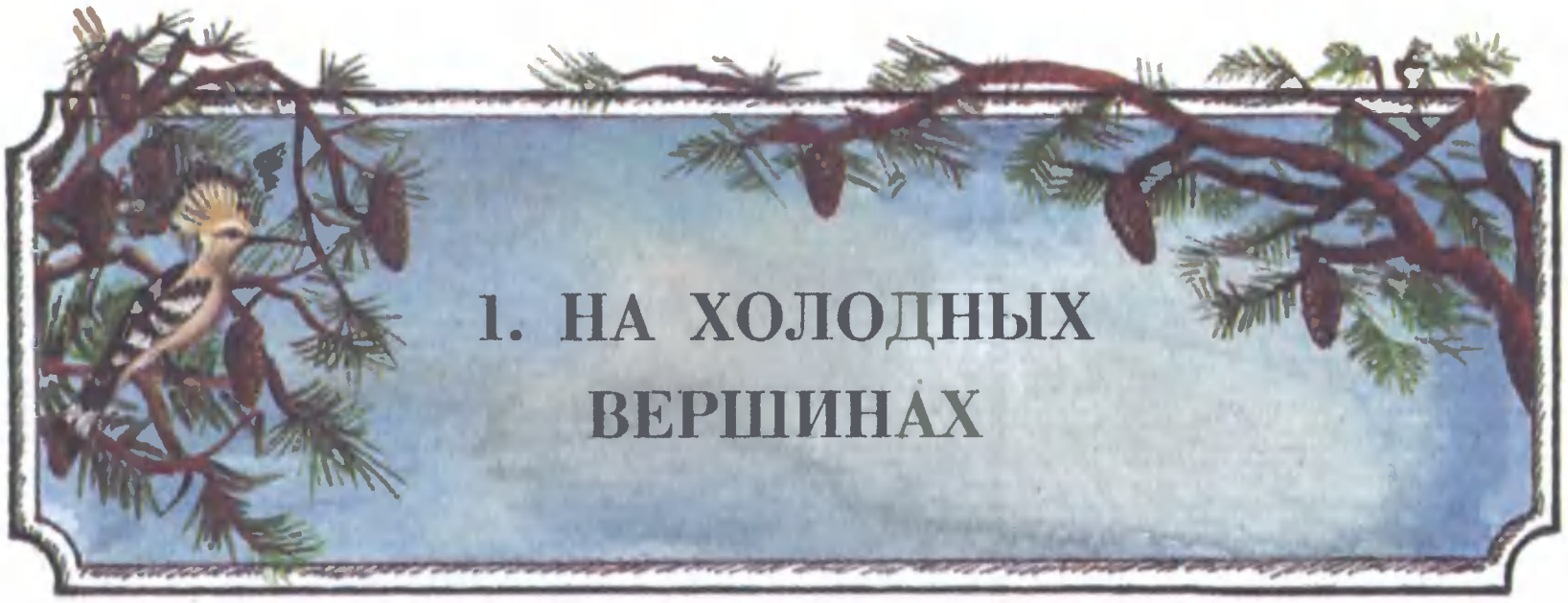
— Спасибо, и удачи тебе, брат!..

— Прощайте...

И Манкен прянул вниз, но лишь затем, чтоб стремительно взмыть в высоту. И когда Мури спросила: «Где он?», Манкен уже исчез за самыми высокими кронами деревьев, окруживших озеро.

Часть II

РЫЖИЕ ОЛЕНИ



1. НА ХОЛОДНЫХ ВЕРШИНАХ

В красном полудне мая ветер носится в зеленых травах, как необъезженный конь. Переполненные силой, пьяные от света, рыжие олени скачут по горным склонам. Ва́мба, самый мощный и дикий,— их вожак и ведет за собою всех — самцов, самок, детенышей — подальше от обиталища людей. Вересняк зажегся белыми цветами... Надо миновать вересковы!.. Вамба знает, что в частых листьях могут запутаться ветвистые рога самцов; более того, он сам около двух лет назад чуть не умер, застряв в вересковых лианах. Он зацепился обоими венчиками, и ему удалось оторваться, когда люди были уже почти-почти рядом, на расстоянии, с какого их ружья могли нести ему смерть. По этому опыту, одно воспоминание о котором до сих пор вызывает в нем дрожь, он знает, какой опасной ловушкой может оказаться вересняк, освещенный белыми лепестками в ту пору, когда рога меняются и еще не все отростки отпали. Поэтому он ведет стадо стороной, по пути более длинному, но зато более верному, чтоб отыскать то, к чему все с нетерпением стремятся,— лок. Лок — так называют озеро в их далеком краю, и они ищут лок, с его голубизной, тишью и покоем, лок с его легкой рябью, лок, над свободными водами которого не властна даже ледяная рука января, покрывающая инеем уступы.

Пыль вьется вихрем из-под копыт стада. Только один оленёнок — Тор — поспевает за бешеным бегом взрослых. Он родился, когда весна начинала растапливать снежный узор пейзажа, в певучий миг, когда апрель принес с собой серебряный колокольчик кукушки. Неукротимое стадо не дает себе пере-

рыва. Впереди — оленихи, следом — оленята и, охраняя тыл,— самцы: Вамба, Актóн, Вóден, Анакúм и последним — Чард, прежний вожак, сохранивший еще на лбу и на боках неизгладимые следы битвы, в которой Вамба отнял у него владычество. Вон там бежит Адáр. Тор ни на мгновенье не теряет ее из виду. Адар, его мать, такая высокая, такая статная, такая ловкая. Когда она мчится так, галопом, то кажется, что она отделена от остальных самок каким-то магическим кругом.

И вот наконец... лок. Взрослые издают счастливый рев, малыши весело кувыркаются на плотной, компактной, убористой массе, дерзко застлавшей все берега, окружившей лок гигантскими четками из яшмы и изумруда (моха и лишайника), мягкой, как самый тонкий бархат. Солнце зажигает желтые лилии у самой воды, и ветер мягко раскачивает их из стороны в сторону. Все стадо пьет радостно и шумно. Нет вкуснее воды, нет любезней голубизны, чем та, какую дарит им лок.

Таинственный и странный запах смол, росистая сырость диких злаков, могучая душа дубов, магические фризы падубов с их призрачными кронами — все заставляет Тора поверить, что лето уже бьется напряженным, мощным пульсом. С такой силой, что он чувствует в своей крови какой-то новый, еще незнаемый зов. И хотя на лбу его нет еще и намека на проступившие рога, что-то толкает его найти противника, чтобы было с кем сразиться. Однако остальные оленята не разделяют воинственных желаний Тора. Наверно, его родители, Актон и Адар, пробудили в нем сильнее, чем другие в своих детях, гордость принадлежать к рыжим оленям и, значит, в будущем отличаться воинственностью. Так вместе с Тором растет и его честолюбивое стремление, разжигаемое отцом, стать когда-нибудь первым в стаде. Быть может, потому, что сам Актон никогда не мог достичь почетного положения вождя, он стремится, чтоб сын стал тем, чем он сам уже не надеется стать. Очевидно одно: Тор резко отличается от своих сверстников манерой держаться — всегда высокомерной, почти враждебной и неизменно вызывающей даже по отношению к Вúнику, который не только пользуется особым почитанием, как сын вождя, но еще

и крупнее, выше и сильнее Тора и к тому же родился на год раньше. Весь остальной молодняк, за исключением Тора, испытывает к нему чувство уважения, смешанного со страхом. Считается, что сын лучшего борца племени неуязвим, и никому не дано задевать его безнаказанно.

Вамба властолюбив и требует, чтоб его супругу и сына почитали так же, как его самого. И ни одному оленю, ни одной оленихе, ни одному олененку не приходит в голову нарушить это право силы и превосходства в битвах, которое, после поражения Чарда, сделало его предводителем стада. Однако Тор не боится Виника, он не задумывается даже о возможности получить порицание от самого Вамбы. Тут есть одно особое обстоятельство. Виник — старше и, следовательно, сильнее и опытнее в поединках между оленятами, представляющих порой опасное смешение игры и битвы. В то время как у Тора рога еще не прорезались, у Виника они уже достаточно остры и могут поцарапать, если не поранить. А это убедительный повод к тому, чтоб все другие оленята его сторонились. Так что Тор окажется в выгодном положении, если вызовет его.

Тор давно искал и нашел, наконец, повод к схватке. В этот день он следил за Виником с самого рассвета. И в ту минуту, когда сын вожака вытянул шею, чтоб сорвать желудь, Тор подскочил и первым сбил плод.

— Это мой желудь! — гневно запротестовал Виник.

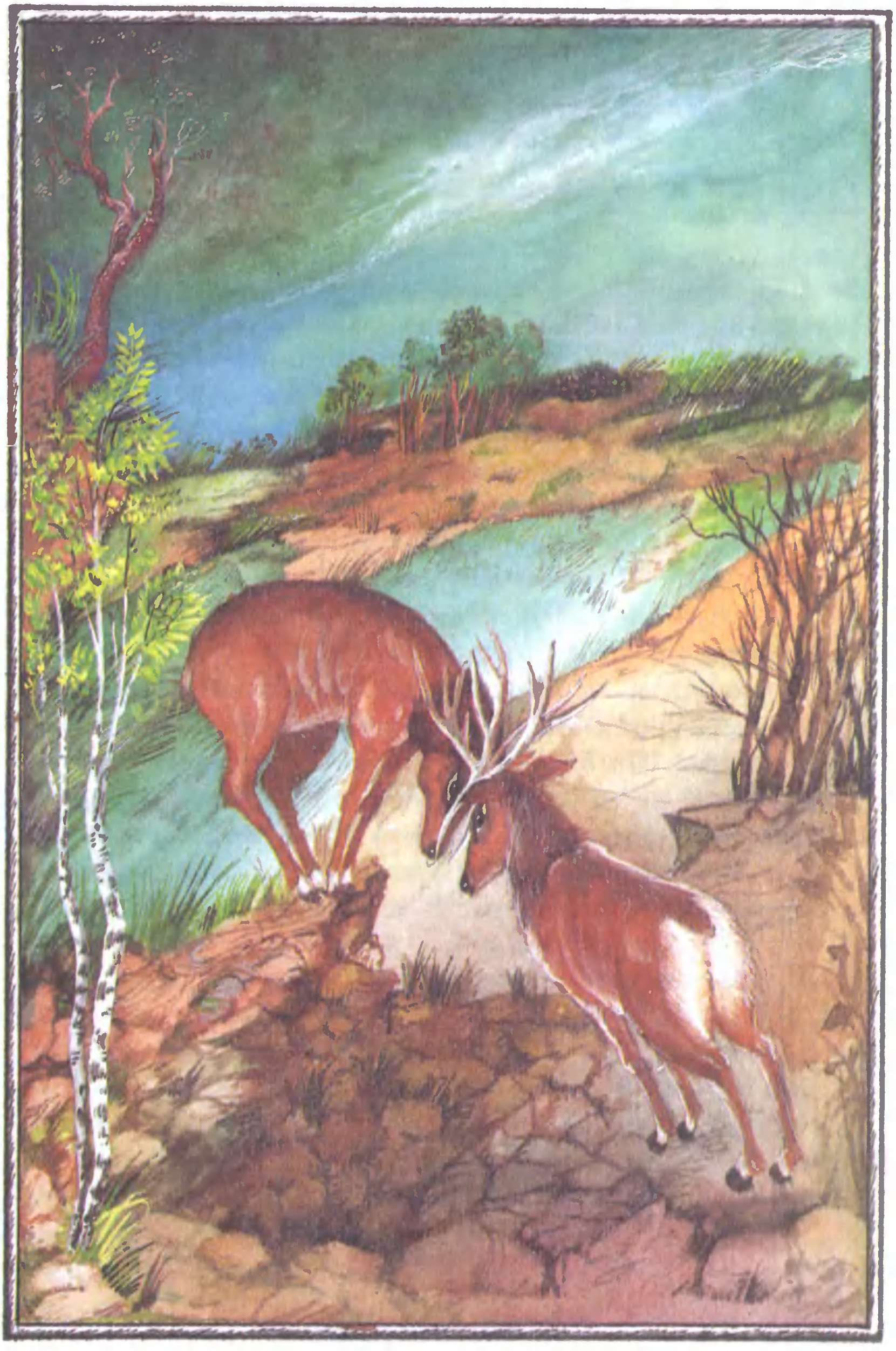
— Уже не твой! — отвечал Тор насмешливо.

Головы всех оленят обернулись в их сторону. Пораженные, они не сразу поняли, что происходит или, вернее, что сейчас произойдет. Как это возможно, чтобы Тор, один из последних детенышей, рожденных в стаде, вызывал на бой главу оленят, огромного и мощного Виника! Потому что только сейчас все окончательно поняли, какой у Тора независимый характер, сколько в нем храбрости, упорства, а главное — высокомерия!.. Выпрямившись, напрягши шею, нагнув голову, словно чтоб упереться в грудь соперника, Тор застыл в ожидании, уверенный в себе, с вызовом. Виник не спешит принять этот вызов. Он смотрит на Тора сперва с недоверием, потом с презрением;

но когда Тор делает выпад, явно подстрекая его к схватке, Виник понимает, что поединок должен состояться, что на сей раз Тор хочет биться, а не играть. И он принимает вызов. Он даже решает напасть первым и наносит Тору внезапный удар в бок своими взрослыми рогами. Но он явно показывает, что не считает Тора настоящим соперником, и эта недооценка отзовется потом для него первым унижением. Тор отвечает броском непостижимо резким, с мощью, какой Виник никак не мог ожидать от противника, кого превосходит почти вдвое по возрасту и весу, но кто сейчас чуть не сбил его с ног. Гнев вызывает у сына вожака дрожь в бедрах, и он храпит, возбужденный, яростный, готовый — о, теперь обязательно! — дать хороший урок щенку Адар и Актона. Молодняк расступился широким полукругом. Настоящая арена цирка открылась по одну сторону сражающихся, а по другую лежал тихий берег и блестела спокойная вода — их лок.

Взрослые словно бы ничего не заметили. Но глаза малышей и молодых оленей неотрывно следят за Виником, который разыгрывает в этом споре нечто большее, чем свое собственное достоинство: под сомненье поставлен давно сложившийся образ, образ сильного и непобедимого сына Вамбы, истинного его наследника, на которого все смотрят как на будущего вождя. К тому же никогда еще не было между оленятами такого важного поединка. Виник подымает морду и издает рев, привлекший наконец внимание взрослых. Не часто случается, чтоб кто-нибудь из оленят, затевающих ссоры, когда лето согреет им кровь, издавал рев большого оленя. Актон верит в своего сына. Вамба так уверен в своем, что совсем не тревожится. Адар дрожит, а Вýда, мать Виника, подымает голову и прислушивается: беспокойство не позволяет ей тихо пощипывать траву. Старый Чард философски покачивает своей головищей: он знает, что соперничество между Виником и Тором плохо кончится. Если и не в этот раз, то в недалеком будущем. Он давно уже понял, что Тор терпеть не может Виника и даже по отношению к Вамбе держится вызывающе. В его времена ни один олененок не стал бы себя так вести.

Со свирепостью самца, достигшего зрелости, Виник бросается вперед с явным намерением повергнуть дерзкого первым же натиском. С глухим треском ударяются его рога о рога Тора, который продолжает стоять твердо и выдерживает атаку, не отступив ни на шаг. Виник, тяжко дыша, с упорством толкает его, чтоб заставить податься назад, но Тор словно врос копытами в каменистую землю и выносит бесстрашно, победоносно уже, неистовый напор противника. Сын Вамбы фырчит, его надувшаяся шея покрыта пóтом, его задние ноги скользят по траве, не находя опоры для нового выпада. Изогнувшийся хребет напоминает натянутую тетиву лука. Тор не уступает. Он готов скорее умереть, чем быть побежденным, и так он и стоит, будто воткнутый в пустынную землю холодных этих вершин, с изумлением взирающих на испытание, какому подвергается детеныш Актона и Адар. У него одно намерение — выстоять. И Винику кажется, что он вонзает рога в ствол крепкого дуба. Тор мысленно мерит усталость своего противника, ожидая удобного момента для ответной атаки. На мгновенье силуэты двух юных оленей, застывшие в своем усилье, вырисовываются на голубом фоне озера. Шкуры сверкают на солнце, рога будто светятся... и тишина густеет за дрожащим кругом детенышей, следящих за битвой расширенными от страха и восхищения глазами. Вамба, задетый за живое этой странной тишиной, подымает голову и прислушивается: ему не верится, что сын еще не поверг этого дерзкого щенка. Нет, он не только не поверг, но, напротив, начинает задыхаться, измученный напряжением и ослабевший от чувства собственного бессилия. Что такое перед ним? Холодная скала, что ли? Растерянность овладевает всем его существом, и тут-то, выбрав точный момент, Тор летит, как каменное ядро, и толкает Виника назад, и валит, и опрокидывает навзничь — натруженным хребтом об землю... Ноги сына Вамбы ищут в воздухе опоры, какой не нашли на земле. Содрогание проходит по кругу оленят, наблюдающих неслыханную победу Тора... Светлая волна прорезает гладь озера, оборотившись сияньем в просветах лесной гущи, и словно рокот прокатывается по растревоженным далям. Тор



подымается на холм и оглядывает гордо, по очереди, всех, составляющих стадо, предводимое Вамбой.

Гордость вспыхивает в его взгляде, и дерзкая вера в свою храбрость заставляет вздрогнуть всем телом. Долгую минуту все еще недвижно. Виник еще простерт на твердых камнях, никогда не бывших для него тверже и холодней, чем сейчас; оленята не нарушают своего полукруга, созерцая победителя. Адар старается поглубже скрыть свою радость. Актон встряхивает рогами, глядя на Вамбу с гордостью, смешанной с презреньем. «Вот мой сын, не забывай этого, потому что когда-нибудь он поведет орду».

И, словно уловив мысль отца, Тор обещает себе то, что раньше не посмел бы додумать: он возглавит стадо, как только его силы станут равными его жажде власти.

Теперь он знает, что сможет. Он знает и нечто большее — к чему надо идти. И ничто не придает больше уверенности и силы жить, чем это — знать, куда идешь и зачем. Хоть он еще и не нашел ответа на вопрос: почему?

Адар прерывает очарование: она приближается к сыну, который все еще дрожит, но не от страха или усталости, и ласково трется об него. Тор благодарно фыркает. Он всегда знал, что его мать — лучшая из всех матерей племени Вамбы. И поверх всех ветвистых рогов, что их окружают, он встречается взглядом с отцом, глядящим на него с радостью. «Да, сын, ты достигнешь того, чего я не достиг. Я горжусь тобой. Спасибо...»

2. ЗАПАДНЯ

Вот уж немало дней, как тонкое сплетение молчаний по вечерам над пустынными высотами не разрывается потрескиванием цикад. Замолкли также и жаворонки. Пора покидать горы, возвращаться в низины, где всегда достанет травы зимою. Тору жалко уходить отсюда: этот дикий, свободный еще пейзаж словно бы проник ему под кожу, словно бы в каком-то глубоком закоулке его глаз отпечатались очертания величественной горы, и причудливые извивы, и голубизна, прекрасней и ярче небесной,— лок... Гора... Как хорошо было задремать там, прижавшись к боку матери, Адар!.. Гора была ему второй матерью. Он — рядом со своей, а над ними обоими — гигантским вздыбленным хребтом — гора. Да, казалось, две матери вместо одной охраняли его. Но надо уходить. Жизнь не ждет, она требует и принуждает. И Тор рассеянно обводит взглядом окрестность, как если б сейчас мог навсегда запечатлеть в своих зрачках и зелень мхов и лишайников, и лок с его голубизной, и отроги матери-горы, и самый воздух... Спуск не похож на восхождение. Теперь самцы идут впереди. Они сообщают походу мощный ритм. И торопит их не только необходимость вернуться в родные места, где каждый нашел себе пару, но и то, что они приближаются к территории Человека. Впереди идут Вамба, Актон и Анаким, за ними следуют самки во главе с Адар, затем — оленята под присмотром Чарда и Водена, замыкающих шествие. Все построено четко на случай появления человека с его собаками; однако стоит осень, время соединения пар, и люди всегда в эту пору щадят жизнь и продолжение жизни. Но кого надо

беречься во все времена года, так это Красных Мундиров... Хотя эти обычно появляются с первым дыханием весны и мчатся на резвых конях, сопровождаемые целой толпой собак, и более того — владеют грозной молнией, которая разрывает тело и изгоняет жизнь... Адар уже предупредила сына о такой опасности.

Вечер словно проливается меж липами. Вот уже виден вечнозеленый травяной ковер на низменных землях. Солнце теперь скрывается раньше.

— Поторопитесь, поторопитесь...— слышится рев Вамбы.

У вересковой заросли нет конца теперь, когда все так устали от долгого перехода... Актон вспоминает, что старый Чард обычно затевал возвращение, пока роса, эта роса, так затрудняющая путь рыжим оленям, еще не высохла. Было трудно, да, но зато они достигали низменных земель, когда оставалось еще вполне достаточно света, чтоб различить тропу. Теперь Вамба принудил их слишком, наверно, углубиться в вересняк. Да еще без листьев и цветов, такая вот путаница голых веток, в которую можно угодить рогами.

Актон прядает ушами и прислушивается. Есть что-то странное в дрожащих тенях, какие заходящее солнце чертит там, за поворотом, влево от вересняка. И откуда этот резкий запах?..

— Осторожнее! Человек! — решительно предостерегает Актон.

И подает знак, каким рыжие олени объявляют об опасности: делает высокий прыжок на месте, что по оленьему закону означает приближение человека.

Адар отделилась от других самок, которые, немедля подчинясь приказу, отданному Вамбой, уже обратились в бегство, и теперь проталкивается средь молодняка и галопом приближается к Актону. Она хочет быть рядом, она хочет знать все.

— Как так? Откуда тут взяться Человеку? Особенно сейчас...

Актон издает повелительный рев:

— Человек! Человек! Беги!

Нет, он не ошибся, Актон, это люди, и они вышли на охоту. Люди, нарушившие древний договор с рыжими оленями:

щадить их в период ожидания потомства; этот обычай относится к самым старым временам, еще до дедов и прадедов, к той поре, когда дуб был жилищем бога друидов и одновременно их языческим алтарем... Дрожащие тени на конце длинной дуги вересняка превратились теперь в живых существ и скачут, предшествуемые воющей сворой гончих псов, в погоню за рыжими оленями. Актон и Адар, замыкающие отступление, уже окружены собаками как раз в том месте, где сужается тропа.

— На оленей! На оленей! — кричат люди, подстрекая собак и самих себя.

Это не Красные Мундиры.

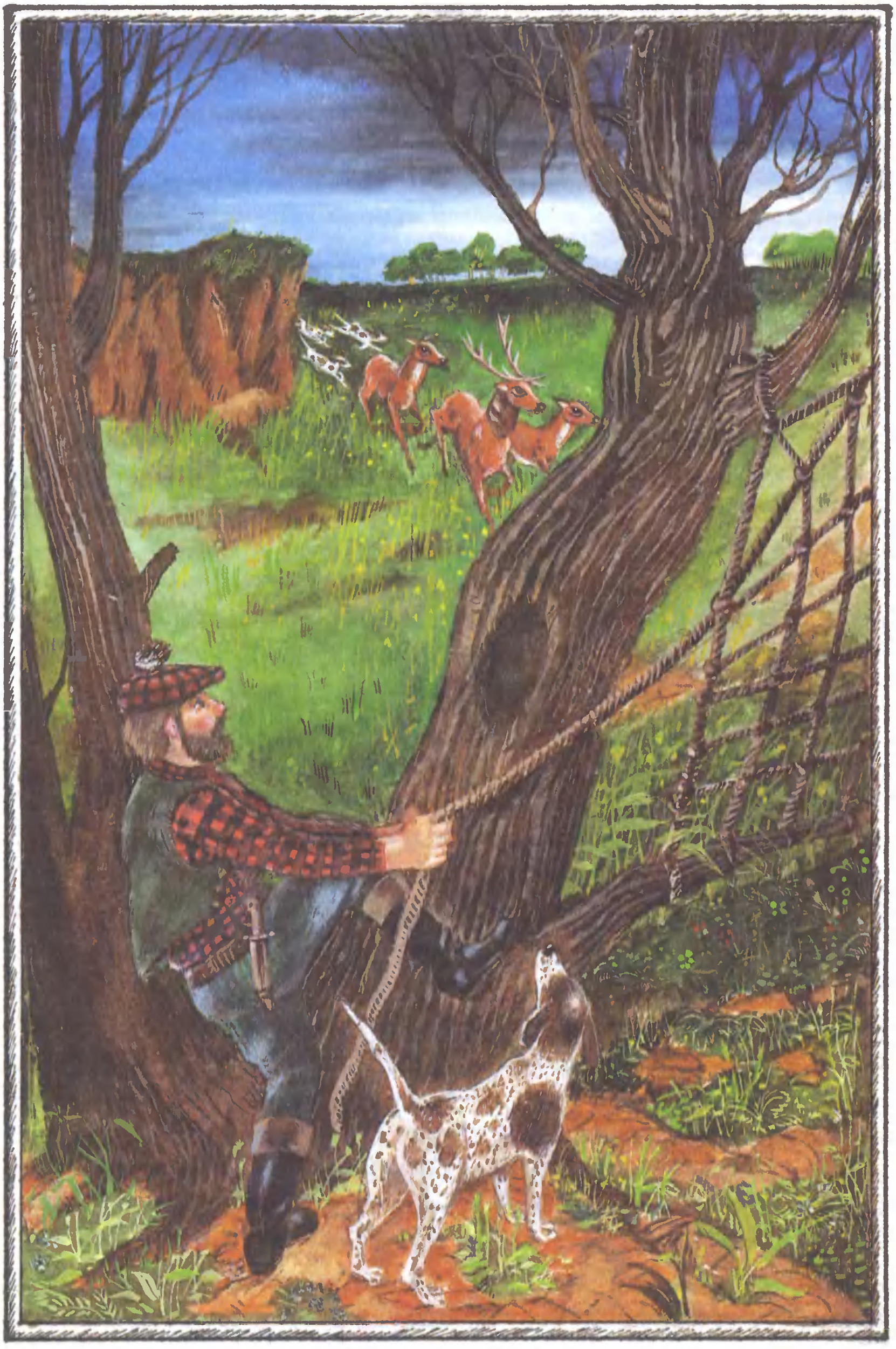
Собаки, науськиваемые охотниками, бросаются на отставшую оленью чету. Сморщив морды в свирепой гримасе, они обнажают острые, мощные клыки. Бедра Адар впервые узнали боль. Она отбрыкивается с трудом и в страхе. Рога Актона грозно склонены, ему удается держать псов на расстоянии. Но вот самый крупный и сильный из них делает скачок и прижимает Актона к краю вересняка.

Солнце утопает за гранью этого рокового дня и за гранью свободной жизни отца Тора. Последние отсветы его задерживаются цветными взблесками на его лбу, в то время как он тщетно пытается вырвать отростки своих рогов, запутавшиеся в ветвях высокого куста.

— Назад, трусы, предатели! — ревет он, изгибаясь во все стороны.

Собаки вдруг смолкли пред этим кличем и словно колеблются. Но лишь один миг. Мгновенно долетают до них голоса людей, понукающие продолжать атаку, не давать передышки.

Адар могла бы воспользоваться этой минутой замешательства, охватившего свору, чтоб спастись самой, но она не могла покинуть своего супруга. Правда и то, что Актон никогда не был приветлив и нежен с нею, даже в пору любовного танца. Но таковы все рыжие олени — мрачные, свирепые... И она кидается в гущу собак, нанося удары копытами направо и налево, чтоб дать своему спутнику время для освобождения.



— Самку! Самку! — приказывают люди.

Адар прижимается костлявым боком к Актону, но она уже ничего не может для него сделать. Актон пытается освободить рога, хотя бы и оторвав их начисто. Даже и без единственного своего оружия он отважился бы сразиться с этими жалкими слугами людей. Но каждое его движение лишь крепче удерживает его в цепких и бесчисленных лапах густого куста. Адар не может вытащить его из этих лап. Внезапно и нежданно опускается на обоих какая-то гигантская паутина... Адар тоже не успевает отпрянуть в сторону.

— Зачем они не убьют нас? — спрашивает Актон, задыхаясь от гнева и бессилия.

Он не понимает этого, потому что всякий раз, как люди приближались к рыжим оленям, их цель была одна — убийство.

Адар, которая знает, что им уже не спастись, печалится о Торе. Что будет теперь с ее сыном? Вамба не любит его, а после битвы с Виником чувства его к олененку могли измениться только к худшему. И сердце ее сжимается при мысли, что ее детеныш остался теперь без всякой защиты.

Люди, приблизившись, смотрят с удовлетворением на красивую чету рыжих оленей и удивляются неудержной дрожи, охватившей самку: они не знают, что это не от страха, что это от боли за сына, который с этого вечера, долгого и жестокого вечера в низине, предоставлен всем превратностям судьбы.

— Надо ее успокоить, не хватает еще, чтоб она захворала...— замечает один из охотников.

— Отгоним собак, это ее успокоит.

Но никто и ничто не может оградить Адар от тоски по своему детищу, разлученному с нею, быть может, навсегда.

Тем временем Актон совсем измучился, стараясь высвободиться из сети, опутавшей их. Он не сдается. Он предпочитает, чтоб его убили, он не примет положения раба.

Властная фигура Вамбы заслоняет ему свет и не дает взглянуть в ту сторону. А он, Тор, хочет узнать, что случилось с его отцом. И почему его мать, которая могла спастись, не поспе-

шила вовремя избежать опасности. Он хочет узнать, зачем в этот холодный октябрьский вечер ему привелось повстречаться с Человеком, страхом и, возможно, со смертью тоже. Новое чувство, в котором мешаются растерянность и глухая ненависть к людям, нарастает в нем. Что плохого сделали им рыжие олени и он сам, чтоб заслужить подобную судьбу?..

Старые, немые дубы, которые с незапамятных времен видели, наверно, много всякой несправедливости, не дают ответа. Никто не может дать ответа на такой вопрос.

Увидит ли он когда-нибудь своих родителей?.. И он скачет, скачет, скачет куда-то с бьющимся сердцем, полным страдания, боли, одиночества. Звезды зажигаются одна за другой, далекие, недосягаемые, дрожащие огни Вселенной, и острое отчаянье заливает холодом и жаром всю его мощь и молодость.

Астер, супруга Водена, приближается к нему. И Тор чувствует в ее теплом прикосновении грустное сочувствие его судьбе, побуждающее его следовать отныне за этой чужой оленихой, тщетно и неустанно разыскивая свою родную мать, статную красавицу Адар.

3. ПРОЩАНИЕ

Наступила зима, и была она тяжкой для Тора. Холод свирепствовал в ночи, и ветер, ледяной ветер, стонал над белыми куполами дубов и падубов, как раненый зверь неизвестной породы. Разве стали острее снежные иглы? Или все дело в этом ощущении бесприютности, какое не покидает его с того октябрьского вечера, когда он потерял родителей? Может быть, несмотря на старанья Астер, которая заботилась о нем, как о родном сыне, эта невосполнимая потеря оставила глубокий рубец в его душе, делающий его ранимей своих сверстников.

— Гордая кровь Актона течет в жилах Тора. Тот же неукротимый нрав, что у отца...

— Он уже отваживается бродить один по высокогорью...

— Если б только это! Он равнодушно пропускает мимо ушей приказы самого Вамбы...

Так шепчутся оленихи, наблюдающие с удивлением перемены в характере Тора, кого уже вот-вот придется считать не олененком, а великолепным образцом рыжего оленя, унаследовавшего горделивую мощь своего отца Актона и статный облик своей быстроногой матери Адар.

Тор, сам не зная почему, все более сторонится окружающих. С каждым днем глубже и неудержимей чувствует он зов вершин. Это какая-то могучая сила притяженья, восходящая еще к счастливым дням его детства. Потому что там, высоко, в далеких и свободных землях, есть две вещи, которые манят его,— горы и лок. Там найдет он воспоминание о жизни, когда-то кипевшей ключом. Там найдет он пустынные высоты, свобод-

ную ширь, куда не проникли люди, там будет владенье рыжих оленей, свирепых и всевластных.

Никто более стойко, чем Тор, не вынесет долгих метелей, этих неистовых вьюг, которые скрывают от глаза деревья, засыпают тропы и затмевают свет дня, так что кажется, будто у этой пустыни нет горизонтов, и эти пути никуда не ведут, и вокруг один только мрак, поглотивший все силы жизни. А за вьюгами торопятся январские шквалы, каким ни один взрослый олень не решится бросить вызов вдали от надежного, теплого укрытия. Только Тор способен отважиться выйти им навстречу, словно ожидая, что оттуда, из-за неясных теней и крутящихся вихрей, внезапно возникнут, целые и невредимые, Адар и Актон, родители, отнятые у него людьми...

— Схватки с ветром и снегом закалили его...— задумчиво произносит Чард.

— У него долгое дыханье на бегу...— добавляет Воден.

— Его ненасытная жадность сделала упругим его тело и придала ему крепость дуба...— вмешивается Анаким.

— Он унаследовал легкость матери и упорство отца,— с важностью заключает Вамба.

И молчит о том, что всем известно: взрослые олени племени, включая его самого, вождя, стараются держаться подальше от Тора, так как во многом ему уступают...

Сын Актона и Адар без усилий сделался предводителем молодняка сразу после победы над Виником. Все оленята привыкли повсюду следовать за ним и в конце концов прониклись к нему слепой верой. Тор превосходил всех силой и ростом. Ему нравилось бродить в одиночестве, но часто взгляд его обращался туда, где группой стояли старшие, и вспыхивал жадным любопытством, когда взрослые самцы затевали поединки, и с ненавистью следил за Вамбой каждый раз, когда стадо проходило вересняком. И взгляд этот смягчался лишь тогда, когда прежний вождь начинал свои рассказы, обрывая по листку воспоминанья прошлого, словно старый вяз, теряющий свой убор.

— Старый Чард, скажи мне, что нужно, чтобы стать вождем племени? — спрашивает тогда Тор, сын Адар и Актона.

— Главное — это сила. Сила и свирепость — вот два свойства, особо ценимые среди нас.

— Но ты самый мудрый из всех...

— Не слишком-то многого сто́ит меж нами мудрость. Я принял власть в то время, когда стал самым сильным, когда стал лучшим борцом меж всеми, потому что таким должен быть тот, кто ведет стадо. Другие боятся его, и никто не может его победить, и никто не осмелится оспаривать у него первенство. Оно и должно быть так, потому что устанавливает порядок и подчинение.

Тор слушал Чарда с напряженным вниманием, которое льстило старику, так что в конце концов сын Актона стал его любимцем.

— В один прекрасный день Вамба перестанет быть самым сильным,— шепчет Тор, словно бы размышляя вслух.

— Ты родился, чтоб быть вождем, Тор, и ты должен готовить себя к достижению этой цели. Ты будешь обучаться у меня. Уже теперь твое имя внушает уважение и страх в окрестных чащах. И здесь, среди нас, многие тоже боятся тебя.

— Я знаю... Виник.

— Не только Виник...— говорит Чард и умолкает надолго.

В это утро ранней весны Вамба решил вывести стадо из низины и возвратиться на высокогорные земли. На сей раз он не ждет, покуда роса испарится с листьев. Мало того, ночью шел дождь; но с тех пор как Адар и Актон были схвачены, Вамба подымает стадо в дорогу, едва проступит бледная полоска рассвета на голубой линии горизонта. Потому сегодня копыта скользят по жидкой грязи и быстрота бега становится невозможной. Некоторые самки, ожидающие потомства, вовсе не поспевают за подругами и отстают, затерявшись среди самцов, охраняющих тыл. Отступление становится поэтому медленным и трудным. Тор под знаменем своих выросших рогов идет среди взрослых. Внезапно Чард, бегущий с ним рядом, улавливает в свежем и душистом воздухе рождающегося утра волну опасности и предостерегает Водена, который бросает клич тревоги:

— Человек!

Да, снова человек, но уже без охотничьих псов. Ему хватает адских изобретений своего хитроумия, чтоб пригвоздить к месту лучших из стада. Толстые канаты чудовищной сети раздвигаются лишь для того, чтоб позволить выскользнуть самкам и самцам, слабым на вид. Совершенно ясно, что цель людей — захватить наиболее мощных самцов и наиболее пригожих самок.

Избранники защищаются свирепо, в то время как остальное стадо в страхе разбегается по сторонам. Но никакие усилия не в состоянии разорвать гигантскую паутину, опутавшую их. И с чем большей яростью бьются внутри нее Вамба, Воден, Тор и Виник, тем крепче стягиваются путы вокруг плененной группы. Тор понимает теперь всю уничтожающую мощь давящего копыта человека. У этого странного животного две неравные пары лап. Вот одно из этих странных животных приближается к Тору и подносит к его уху что-то блестящее, острое... И Тор падает, мгновенно погружаясь в темную бездну сна.

4. ТРАВЯНОЕ МОРЕ

Как с первым снегопадом исчезает из глаз ковер сухих листьев, покрывающих землю, точно так пустынные горы и лок, с их вересняками и голубыми водами, растаяли в тумане и исчезли навсегда. Море кажется беспредельным лугом со вздыбленными волнами, и ночи над ним нанизываются одна на другую, сплетаясь в единственную, долгую, нескончаемую ночь.

Кошмар заточения только разжигает поначалу неукротимый нрав рыжих оленей, и они бьются без устали о железные прутья клеток. Но все бесполезно, люди сильнее их. Воден ходит, не останавливаясь, туда-сюда, словно обезумев, и отказывается есть предлагаемый корм в открытом море. Тор долгими часами смотрит вдаль, не в силах оторваться от той стороны, где остались горы и лок. Вамба чувствует себя виноватым. Не сумел как вождь племени уберечь его свободу. Неизвестно, какую судьбу готовят им люди и что они задумали.

Дни, долгие, одинаковые, однообразные, погружают их в медленное и нелепое небытие. Мало-помалу они теряют интерес ко всему. Уже нет надобности в железных прутьях клеток: странная тоска сдавила их, поглотила их волю, окунув в безразличие, вылившееся в конце концов в какую-то вялость и безнадежность. И лишь один из пленников не хочет сдаваться и ждет только случая, чтоб отомстить людям. Тайная уверенность в том, что жизнь подарит ему такой случай, поддерживает его твердость. Он верит, что рыжие олени вновь обретут свободу и простор, чтоб вернуться к жизни, в какой люди решили, кажется, отказать им.

И вот наконец одним темным утром над одетой туманом рекою, тоже темной и мутной, закончилось их путешествие, и огромные клетки были спущены с палубы на землю. Сразу же затем их погрузили во что-то вроде гигантского червя из дерева и стали, а часа два-три спустя, после внезапного, резкого свиста, оглушившего и напугавшего их, эта невиданная доселе змея пришла в движение. И солнце то всходило, то заходило, а рыжие олени все видели перед собою убегающую вдаль пустыню — зеленую, ровную, плоскую. И бескрайние низины, покрытые пастбищами, терялись за горизонтом. Это снова было море, только вместо воды в нем колыхалась трава. Однако запах земли и пастбищ расширял ноздри, и ощущение, что скоро снова можно будет резвиться, чувствуя под ногами землю-мать, вызывало дрожь в боках. Возбуждение словно влило новую силу в пленников. Копыта начали выстукивать дробь о деревянный пол вагонов. И когда железная гусеница, казавшаяся рыжим оленям сказочным чудовищем, готовым пожрать их, неожиданно остановилась, когда ее стены раздвинулись, Тор почувствовал, что сердце в нем замерло... Потому что в широком загоне Актон, его отец, и Адар, его мать, с напряженным вниманием вглядывались в новых товарищей по заточению, которые уже начали спускаться по узкому и крутому сходу. Тор, расталкивая других, устремился к своим родителям, которые в то же мгновенье признали в нем сына. Радостный рев Актона растрогал других рыжих оленей и поверг в изумление людей, которые не понимали, что происходит. Эта встреча с родными вознаградила Тора за многие его испытания. И все же то, что надлежало ему пережить рядом с ними, а пришлось пережить одному, оставалось, несмотря на эту радость. Он не был уже олененком той поры. Жизнь, одиночество и вьюги в пустынных горах научили его многому. Они сделали его оленем сильным, уверенным в себе, привыкшим полагаться лишь на себя и не зависеть ни от кого.

Они были на свободе, но не свободны, потому что их окружала крепкая изгородь. И хотя внутри нее оставалось внушительное пространство, близкое присутствие людей делало плен

ощутимым и незыблемым. Но с того мгновенья, как снова копыта его коснулись твердой земли и ноздри наполнились запахом влажных трав и пастбища, Тор решил бежать. А теперь, когда он вновь соединился со своими родными, это решение только укрепилось в нем. Ничто, даже эта изгородь, которую люди воздвигли с целью сделать невозможной любую попытку к бегству, не сможет удержать пленников, если, как задумал Тор, все самцы станут таранить ее одновременно и в одном месте.

Оленья группа радостно распрыгалась в этом травяном море, и Тор почувствовал прилив энергии, как там, на пустынных просторах, хоть и не спешило покинуть его тоскливое воспоминание: его лок и его гора, вторая его мать. И пока остальное стадо носится туда-сюда, упражняя онемевшие от долгой неподвижности мускулы, Тор исследует неустанно и тщательно изгородь, стараясь найти хоть какую-нибудь лазейку. Внезапно он замечает по другую сторону ряда кольев какую-то очень странную птицу, которая смотрит на него, также удивленная встречей.

Пара длинных ног поддерживает тело, пузатое, как у огромного гуся с серым опереньем; шею, тоже длинную, венчает голова с глазами навыкате, заключающаяся плоским и сильным клювом.

— Ты кто? — спрашивает Тор.

— Я страус-нанду. Меня зовут Чойке. А ты?

— Тор, из стада Вамбы. Мы — рыжие олени.

— Ах так! Издали вы мне показались андийскими.

— Андийскими?.. А что такое андийские?

— Олени Анд. Они похожи на вас, только не такие большие.

— А где они живут?

— Гм-м... далеко, очень далеко. Вон в той стороне...— Чойке показал клювом, что там, где заходит солнце.

— А какова местность, где они живут?

— Холодна, очень холодна. Такой холодище, что с ума спятишь!

— Ладно, а еще-то что?..

— Как так — еще-то что?

— Ясно, ведь кроме холода, и другие вещи есть... Лок, например. Есть там лок?

— Лок? А что это за штука?

— Ну, вроде маленького моря, с водами спокойными и голубыми, в которых отражается окрестный пейзаж.

— А-а, ну да, озеро!

— Вот-вот!

— Есть, как же, большое-пребольшое.

— А горы, горы там тоже есть?

— Тоже...

Тор долго смотрит в ту сторону, куда показал Чойке своим клювом.

— Что с тобой? — прерывает его молчание Чойке.

— Так, ничего...— отвечает Тор со вздохом и сразу спрашивает: — А ты знаешь дорогу туда?

— Не знаю, я б не осмелился пойти. Я был там давно, еще

птенцом. Но кто точно знает, где те места, так это Ко́йле, серый лис.

— А этот... Койле, он что, твой друг?

— Гм-м... близкий, даже очень близкий друг...

— Почему б тебе не познакомить меня с ним?

— Как увижу, приведу.

— Спасибо, Чойке, мы с тобой, я вижу, очень подружимся. Приходи навестить меня, ладно?

— А как же! Жалко, что ты не можешь выходить за ограду.

Тор чуть было не раскрыл ему свой замысел, но вовремя спохватился. Этот Чойке, сдается, болтун, каких мало. Лучше не доверяться такому. Но он понял, что это знакомство, завязанное с такой легкостью, может оказаться для него крайне полезным.

Люди приближались, крутя в воздухе длинные лассо.

— Я пойду, а то еще набросят...— объяснил Чойке и пустился наутек.

Тору он показался существом комическим, но он всячески старается скрыть подобное впечатление. Дружба с Чойке может означать вероятный путь туда, где раскинулись горы и лок, в котором много воды, туда, в зеленые-зеленые дали...

И он смотрит вслед Чойке, бегущему с немыслимой быстротой, выделывающему замысловатые курбеты в окружении тысяч потревоженных алых бабочек.

Хаси́нто, управляющий на скотоводческой ферме мистера Хьюза, смотрит с удовлетворением на рыжих оленей и, повернувшись к одному из батраков, замечает:

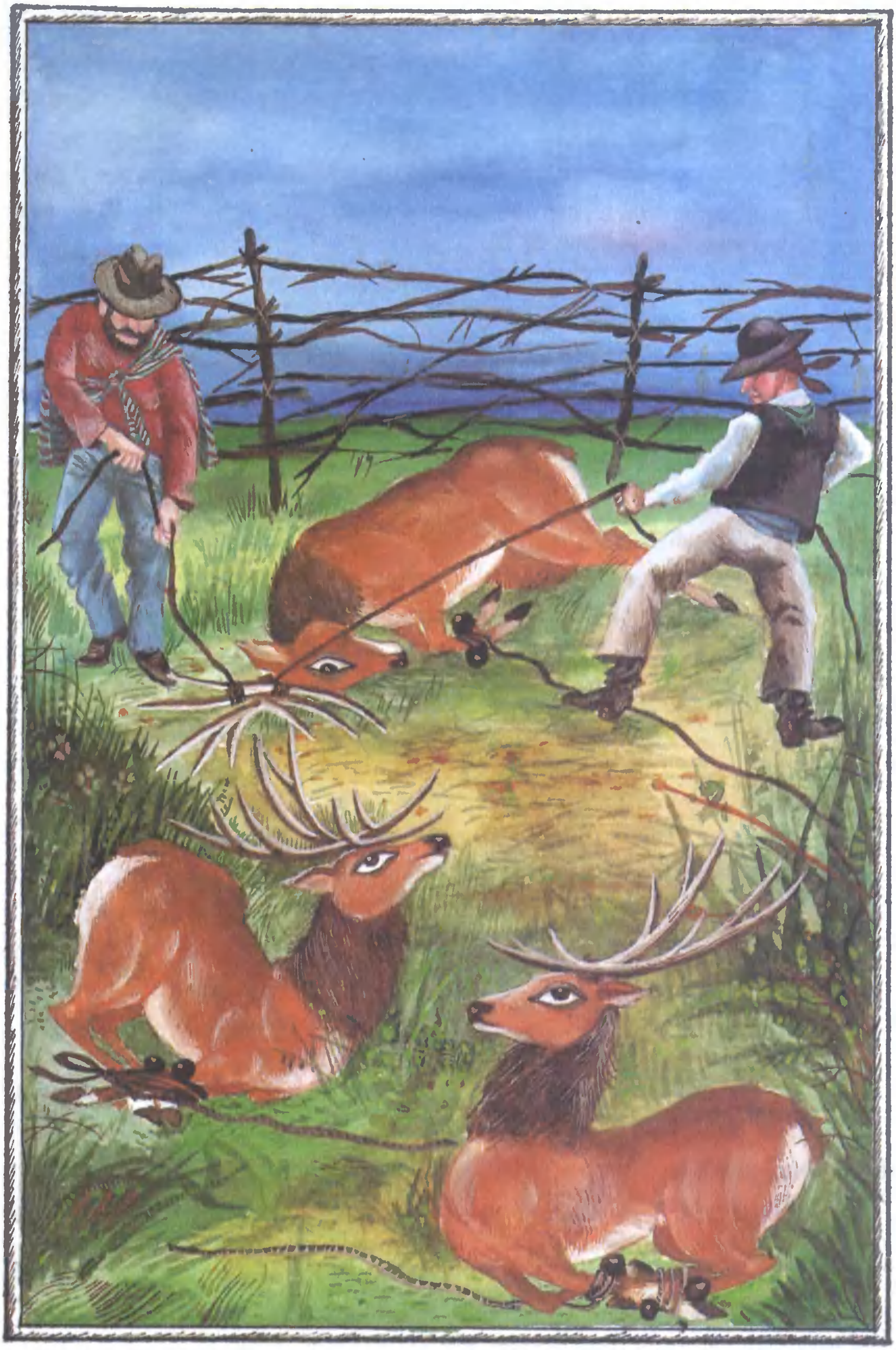
— Через пару лет хозяева смогут вволю поохотиться на них.

— Здесь?

— Нет, их отвезут к югу. Там у сеньора Хьюза имение побольше здешнего. Местность гористая, лесистая, водопоев много — то, что нужно для этих животных. Иди-ка помоги мне, надо у самцов уши клеймить.

— Зачем?

— Чтоб известно было, что они принадлежат мистеру Хьюзу.



Два-три лассо пригвоздили к месту сначала Водена, затем Вамбу и под конец Виника. Тор оказал такое яростное сопротивление, что решено было ограничиться этими тремя, скорей всего, главными в стаде.

Вамба, Воден и Виник не знают, как и на чем выместить ярость, вспыхнувшую в них из-за унижения, какому только что подвергли их люди.

— Мы должны бежать...— подсказывает Тор, используя душевное состояние своих товарищей.

— А как ты считаешь, нам это удастся? — допытывается Вамба, сурово нахмурясь.

— Это предстоит решить тебе, ведь ты вождь,— подстрекает Тор.

— Тор говорит правду. Почему бы нам не осмотреть заграждение? Быть может...— предлагает Воден.

Ветер мягко гнет к земле белые метелки меч-травы. Зовет в путь. Четверка рыжих оленей обегает всю территорию, ища выхода.

Возле стоящих в ряд тополей они увидели ручеек. Но воды его не так прозрачны, как у ручьев, стекающих вниз по пустынным горам, а эти деревья, вытянутые, тощие, разве можно сравнить с дубами, с падубами, с липами?..

— А вдруг через ручей можно будет проделать отверстие в ограде? — приходит в голову Тору.

Но Тор ошибается. Люди тоже предвидели такую возможность. И все-таки Вамба со всей яростью обрушивается на ограду. Но рога его лишь трещат бесполезно от удара о крепкий каркас. Тор смотрит на него с презрением.

— Так не годится. Так ничего не добьешься.

— А ты молчи,— отвечает Вамба, переживая свою немощь.

— Нет, ты уж больше не заставишь меня молчать. По твоей вине мы здесь. Ты не сумел вести стадо.

Вамба делает шаг ему навстречу, готовясь восстановить свою грозную власть силы.

— Тор говорит правду,— поддерживает сына Актон.— Адар и я попали в плен из-за твоего недомыслия.

— Так и есть,— замечает Воден.

Вамба понимает, что если он не хочет потерять главенства в стаде, то должен дать Тору хороший урок, со всей строгостью и решительностью.

Глаза Тора, словно две раскаленные стрелы, устремлены в окружающий простор. Перед ним, по ту сторону ограды, травяное море волнуется под ветром.

5. БЕГСТВО

Колесо времени вращается средь внезапных дождей и плотных туманов зимы. Тор по-прежнему каждый день обегает невольничье владенье, дарованное им людьми, под впечатлением рассказов Чойке, который посещает его почти ежедневно. Однако в это утро его навязчивая идея тяготит его самого; какое-то беспокойство заставляет его усомниться во всем, что говорит нанду. Эти земли, где горы и лок, наверно, слишком далеко, может, они и не существуют, эти высокие земли... в таком вот краю, где на горизонте не видно ни холмика.

В одно сентябрьское утро снова прибыла гремящая сколопендра, которая пыхтит на ходу, как какое-то сказочное животное, и останавливается, выпуская целый сноп ужасающих шумов, скрипов, свистов, которые вызывают панику среди рыжих оленей, заставляя их галопом убегать в самый конец загона.

Из-за дверец спускаются — испуганные, одичалые — с десяток рыжих олених. Они кажутся ослепшими, словно в течение долгого переезда совсем не видели света. И так и было. Они ехали настолько вплотную друг к другу, что лишь немногие могли просунуть голову между железными прутьями клеток. Вслед за ними спустились три олененка диковатого вида... Новоприбывшие с робостью и опаской приближаются к самцам. Примут ли их? Адар первая выходит им навстречу. Актон поступает так же, и, значит, новые вошли в стадо.

Прибытие самок ломает ритм жизни самцов. Тор первым пытается отделить какую-нибудь из них от группы. Но вся

группа встречает его ляганьем и укусами. В нетерпении Тор начинает раздавать им толчки, которые в конце концов напугали олених. Большинство из них решило, что Тор — вождь племени, которое они здесь встретили.

— Оставь их в покое! — угрожающе требует Вамба.

— Не твое дело...— откликается Тор.

Вамба теряет терпение. Глухой рев возвещает вызов дерзкому.

— Не время для споров,— вмешивается Воден.

Анаким и Актон поддерживают это разумное мнение, и поединок откладывается.

— Мы должны беречь силы,— решает Тор, принимая вмешательство старших.— Сейчас более чем когда-либо надо думать, как вырваться отсюда.

Когда страсти успокоились, стадо приступило к еде, и полная тишина разлилась над огороженным загоном.

Внезапно резкий голос, напоминающий крики грачей высокогорья, привлекает внимание оленей. Тор узнает своего приятеля Чойке, который рысцой приближается к ограде.

— Привет, друг!..

— Привет...— отвечает Тор.

— Я пришел сдержать свое слово. Это вот Койле, мой друг, серый лис.

Чойке отпрыгнул в сторону, и перед Тором возник серый лис, маленький и нервный, который торопится приветствовать оленя:

— Привет, олень, рыжий друг! Ну как тебе эти земли?..

Тор наклоняет голову в знак одобрения.

— Хорошая земля, поверь. Здесь никто не голодает. Есть еда на всех: земляные черви для куропаток, а куропатки для степных кошек; дождевые черви для кур, а куры для вашего покорного слуги; мошки для жаб, а жабы для страусов. А для вас — лучшие в мире пастбища.

— Все так, все так...— Но не эта тема интересует Тора.— Добрый друг, скажи, знаешь ли ты, где находятся земли с большим озером и горами?

— Да, знаю.

Тор чуть было не попросил лиса быть проводником, но воздержался. Рано еще. Надо сначала завоевать доверие и дружбу этого новичка, как он поступил с Чойке; однако лис, видать, хитер, как бес, и с ним надо поосторожней.

— Чойке говорит, что ты самый ловкий охотник в округе,— продолжает Тор, следя за гримаской лиса.

Чойке не припомнит, чтоб говорил что-либо подобное, но он не уверен: он столько тут наговорил этому рыжему оленю, что уж и не помнит, что он рассказывал, а о чем умолчал.

Койле принимает комплимент с гримаской, претендующей на скромность:

— Это уж слишком. У меня свои навыки, но...

— К тому ж я так понял, что нет лучшего знатока этих мест, чем ты. Никто, кроме Койле, не может отыскать забытую тропу и скрытые тропинки пампы.

— Ладно, ладно...— уступает серый лис.— По правде сказать, я побродил-таки немало.

— Твоя дружба, поверь, большая честь для нас,— добавляет

Тор.— И мы надеемся, что твой живой нрав сообщится и нам, чтоб не дать умереть слишком скоро.

— А почему вы должны умереть? — спрашивает Чойке, выпучив глаза и огорчившись.

— Потому что люди перестреляют нас всех по одному. Это у них забава такая.

— Нет! Ну уж нет! — И, повернувшись к Койле, Чойке продолжает: — Мы должны что-нибудь сделать для наших друзей! Тебе не кажется, серый лис?

— Ладно, увидим, что можно сделать,— соглашается Койле и, уже отходя, словно невзначай бросает весьма многозначительную фразу: — А мне что за это будет? До завтра, друг.

— Навещай нас, друг, не забывай. И спасибо за дружбу.

Нанду удаляется вслед за лисом. Тор, недвижный, задумчиво смотрит вдаль. Там, за гранью равнины зеленой и потом равнины сухой, далеко за гранью солончаков, о которых рассказывал Чойке, животрепещут соки леса, сверкает янтарем и зеленью волна озера... Тор чует западный ветер в нескончаемых историях Чойке. Хоть и не всегда можно разобрать, где тут правда, а где выдумка. Этот страус такой болтун!..

В тот вечер Тор собрал взрослых самцов племени и заговорил с ними властно и с угрозой:

— Я не расположен дольше жить взаперти. Не зайдет и трех лун, как я убегу отсюда. Кто намерен следовать за мною?

— А с какого это времени ты принимаешь решения и отдаешь приказания? — осадил его Вамба.— Пока что здесь командую я.

— Это мы решим, когда будем на свободе. А что тем временем делаешь ты, чтоб вывести нас из заточения? Собираешься с удобствами дожидаться здесь старости? Так вот, я не согласен!

И Тор с вызовом посмотрел на своих соплеменников.

— Я с тобой,— не колеблясь, говорит Актон.

— Я также,— присоединяется Воден.

— И я,— заключает Анаким.

У Вамбы не остается иного выхода, как уступить:

— Хорошо. Так и поступим. Но кто же поведет нас по этому травяному морю, которого мы не знаем?

— Койле, серый лис. Мы пообещаем ему помощь и защиту в случае опасности, и он согласится быть нашим проводником.

— Откуда ты знаешь, как можешь ручаться, что он не заведет нас куда-нибудь?..— сомневается Вамба.

— Потому что я с ним подружился и потому что Чойке, страус, на нашей стороне. Там, к западу, говорят они, есть лок с голубой водой и горы.

Эта новость заставляет решиться все племя. Да, они попытаются спастись бегством, как только Тор подаст знак. А Тор ожидает лишь, когда будут готовы к походу Койле, серый лис, и Чойке, наивный болтун страус.

Хасинто первый заметил его. И сразу же отдал распоряжение, чтоб никто не выходил из дома. Побежал за ружьем и встал у стены под галереей.

Кондор описывал широкие круги над загонами, предназначенными для оленей, и медленно спускался. Рыжие пленники ничего не заметили. Быть может, потому, что кондор летел на большой высоте, или оттого, что тень его не падала на пастбища.

Хасинто вскинул ружье и прицелился. Но раздумал, потому что не был уверен, что пуля достигнет цели. Кондор парил плавно, кругами, и почти невозможно было угадать, до какой высоты он намерен спуститься. Казалось, во всяком случае, что он что-то высматривает.

— Это птица высотная. Больше он не спустится,— заметила жена Хасинто.— Стреляй, да и всё, хоть напугаешь. А то гляди, едва мы зазеваемся, как он убьет какого-нибудь из оленьих детенышей.

Он подождал еще. Но жена была права: кондор парил все на одной и той же высоте. Он нажал курок и продолжал стрелять, покуда не выпустил всю обойму.

Первый свист насторожил Ньянкуля, так что он сделал резкий поворот и стал набирать высоту. Шквал выстрелов его

обескуражил, но только когда пуля задела его правое крыло, вырвав из него два пера, он решил заметить это и удалился, мощными взмахами рассекая воздух. «Почему люди оберегают этих животных? — спрашивал он себя.— Ренанко, верно, знает». И он направился прямым курсом в сторону земель племени Пеуэна.

Выстрелы вызвали панику среди рыжих оленей, решивших, что это стреляют в них. Словно обезумев, они стали носиться по загону. Некоторые самки пытались перепрыгнуть через ограду. Разумеется, тщетно. Но их отчаянность укрепила решение Тора возглавить бегство этой же ночью. Естественно, прежде всего ему надлежало заручиться поддержкой — ну хотя бы Чойке.

Привлеченный звуком выстрелов, страус подошел к ограде.

— В чем дело? У вас что-нибудь случилось?

— Сами ничего не понимаем,— отвечал Тор, еще какой-то оглушенный.— Никто из наших не ранен. Мне кажется, человек хотел поразвлечься, напугав нас до смерти. Поэтому, Чойке, если ты действительно верный друг, ты должен нам помочь.

— А что я могу для вас сделать?

— Показать нам дорогу к большому озеру.

— Я ж тебе говорил, что я только птенцом там побывал. Меня испугали эти вершины. Они похожи на спящих великанов. Я не уверен, найду ли дорогу туда.

— А Койле не поможет нам, если ты его об этом попросишь?

— Ты звал меня? — И острый нос Койле оказался у ограды.

— Не звал, но это все равно. Послушай, друг лис, если ты проведешь нас в страну андийских оленей, мы всю жизнь будем оказывать тебе покровительство. Никому и никогда не позволим причинить тебе вред.

— Ни Сахте, ни Науэлю?

— Сначала скажи мне, кто это такие. Но с этой минуты ты можешь рассчитывать на нашу помощь во всех случаях жизни.

Чойке тут же объяснил, что Сахта — это пума, а Науэль — американский тигр, здесь у нас ягуар называется.

И хотя Тор никогда не видал ни того ни другого и ничего о них не знал, он снова заверил лиса, что защита ему обеспечена,

и Койле, наконец, дал согласие. Этой ночью он будет бродить вокруг загона, и, как только оленям удастся повалить ограду, он поведет их в страну, где горы и озеро. Чойке был не совсем уверен в чистоте намерений Тора.

— Что тебе дались эти земли андийских оленей? Есть другие места, другие озера. Почему ты хочешь отправиться именно туда?

— Просто это я называю сторону, куда двигаться, но я тебе обещаю, что мы не тронем племени, что там живет. Разве ты не сказал, что их территория огромна и тянется далеко к западу? Ну так вот, мы выберем место поуединенней, где никто не помешает нам и мы не помешаем никому. Нам нужно только голубое озеро, гора и хорошие пастбища.

— Земля большая, для всех найдется место,— заметил Койле.

— Гм-м...— Чойке и сам не знал, что именно его не убедило.

Тору было совершенно все равно, поверил ли ему Чойке или не поверил. Серый лис знал те земли, куда они хотели идти, и принял предложение их проводить. Так не о чем больше думать.

Он простился с серым лисом и направился к тополям — утишить свое нетерпение в их дружественной, шелестящей прохладе. Теперь оставалось только ждать темноты.

Никогда еще сумерки так не медлили. Солнце, кажется, вовсе не собиралось покидать небо. Самцы расположились так, чтоб можно было непрерывно наблюдать за домом людей, за тем, как люди входили и выходили, и, в особенности, за собаками. Хотя в открытом поле собаки были им не страшны. Они так твердо решили спастись бегством, что самая многочисленная свора не смогла бы удержать их.

Свет медлил еще на тонких верхушках самых высоких тополей, когда Тор подал сигнал.

— Нет, нет. Еще слишком светло,— возразил Воден.

— Никак нельзя торопиться, а то все погубим. Надо подождать, пока люди и собаки уснут. Мы сделаем вид, что тоже спим,— заключил Вамба.

Актон и Адар, которые раньше всех узнали людей и собак, были согласны с мнением вождя племени.

Оленята первыми легли на траву. Рядом с ними растянулись оленихи. Самцы еще долго стояли на страже. Только когда тьма окутала стройные стволы тополей, они притворились, что готовятся ко сну.

Своим особенным, тонким лаем Койле окликнул Тора. Олень приблизился к ограде.

— Двинемся. Уже пора. Собаки спят.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я кружил возле дома. Надо идти сейчас же, пока ветер не поднялся.

— Почему это?

— Как? Ты не знаешь? У собак отличный нюх. Если они нас почуют, мы пропали.

— Не бойся их. Они против нас ничего не могут.

— Гм-мм... на всякий случай... Лучше не медлить.

Тор сообщил остальным мнение серого лиса, и, неслышно ступая, во главе с самцами, стадо направилось к тому месту, где под оградой пробегал ручей. Это, без сомнения, было самое уязвимое место. Если все налягут разом, изгородь должна податься.

Вамба, Тор, Воден, Актон и Анаким встали в ряд, прижавшись друг к другу боками и сдвинув рога.

— Пошли! — приказал Вамба.

И, разбежавшись, пятеро ринулись тараном на ограду. Послышался треск, несколько кольев накренилось.

— Скорей, скорей! — торопила Адар.

Один за другим рыжие олени стали выпрыгивать наружу через пробоину, которую натиск пятерых открыл в заборе.

— Сюда, сюда,— направлял Койле.

Лай собак сразу же достиг их слуха. Вероятно, треск изгороди растревожил их.

— Оленята и оленихи, вперед! — распорядился Вамба.— Мы сразимся с собаками. Не останавливайтесь! Надо отойти как можно дальше, чтоб люди не догнали нас.

Галопом, галопом, сквозь добрые тени заступницы-ночи... Галопом, галопом, под радостный стук свободного сердца... Галопом, галопом...

Собаки постепенно нагоняли их. Лай приближался неумолимо.

— Надо напасть на них внезапно,— предложил Тор.— Так мы застанем их врасплох и сможем одолеть с легкостью.

Вамба согласился.

— Обождем, пока они еще приблизятся. Замедляйте бег, так самки с детенышами уйдут вперед и будут в безопасности. Скажи лису, пусть не останавливается, что бы ни произошло,— приказал он Винику, который помчался быстрее, чтоб передать приказ.

Не прекращая бега, олени расположились полукругом, изготовясь, чтоб разом повернуться против собак, когда те окажутся настолько близко, что им будет невозможно обойти самцов и напасть на олених с оленятами. В пустынности ночи копыта рыжего племени отбивали барабанную дробь.

Лай уже вгрызался им в пятки.

— Пора! — протрубил Вамба.

Все самцы круто повернулись и ринулись на свору.

— На каждого по псу! — уточнил Тор.

Собаки никогда до этой минуты не видели чего-либо подобного столь яростному натиску, столь сплоченному удару целого сплетения рогов. Они разом подались назад. Но убежать им не удалось. Рога настигли их в тот момент, когда они еще колебались, продолжать ли преследование или скорее уносить хвосты.

Стонущий лай, жалобный вой, панический визг доложили людям, которые уже начали седлать лошадей, о несчастье. Хасинто в отчаянии рвал на себе волосы:

— Тысяча чертей!.. Когда хозяин узнает...

Долгий и хриплый рев был единственным ответом человеку. Рыжие олени трубили свою победу.

6. ПОЕДИНОК

Ночь была долгой и напряженной. Они двигались безостановочно, все еще боясь возможного преследования. И хотя знали теперь, что без собак людям будет нелегко идти по их следу, чувствовали, что не успокоятся, покуда не достигнут спасительной тени леса. Койле заставил их повернуть назад, свернуть к востоку и потом вернуться на некоторое расстояние, чтоб спутать следы копыт и тем самым сбить с пути людей. Но он знает, что это не так просто, и потому стремительно бежит впеpед, без перерыва, вынуждая оленей с неимоверным усилием следовать за ним. Ни один не жалуется, ни один не просит передышки. Они идут к своей свободе. Потому что теперь, когда вновь ляжет перед ними бескрайняя равнина, теперь, когда нет ни стены, ни загороди, какая могла бы их задержать, они не сдадутся. И, несмотря на очевидную усталость оленят, на прерывистое дыхание олених, стадо не останавливается ни на секунду. Лишь когда вдали зажглись луга под просыпающимся солнцем, стадо замедлило свой бег. Намерение лиса Койле — достичь берегов Рио-Колорадо и пересечь реку, отыскав какой-нибудь затерянный брод, неизвестный людям, чтоб окончательно сбить их со следа. От времени до времени лис останавливается и нюхает воздух, но человечьего духа что-то не слышно, и лошадиного тоже. Так что можно рассчитывать на преимущество во времени, какое люди упустили, рыская по соседним фермам, чтоб заполучить новых собак.

Адар первая услыхала шум воды. Стадо рысцой покрывает последний остаток пути. Выбрав самую отвесную часть берега,

все без колебания бросаются в реку. Койле переправляется на ту сторону, пригнувшись на мощном хребте Тора. Они еще движутся довольно долго вдоль русла, прежде чем выйти на другой берег. Это тоже запутает преследователей. В конце концов они карабкаются по другому обрыву и оказываются на прибрежном лугу. Здесь они решают сделать привал, чтоб поесть. Но самцы утоляют голод, сменяя друг друга: один из них всегда стоит на страже, вглядываясь в ландшафт, оставленный позади. Малейший знак подымет всех в дорогу... По мере того как течет время, стадо успокаивается. Только присутствие кондора, наблюдающего за ними с большой высоты, привлекает их внимание. Койле тоже не понимает, каковы намерения Ньянкуля. Почему он не опускается? Почему не перестает облетать стадо на большой высоте, словно чтоб запомнить все его действия?

Анаким, стоящий на страже, замечает вдалеке тучу пыли. Стадо срывается с места и мчится галопом. Койле ведет их прямиком к Рио-Негро. Надо сократить путь. Когда они пересекут вторую водную массу, они будут спасены.

Ньянкуль исчез. Ни один из оленей, ни даже сам лис не заметили, в какой момент он перестал кружить и в какую сторону полетел. Но не это их беспокоило, в конечном счете даже кондор не смог бы застать их врасплох, если б решился напасть на одного из оленят. Их встревожила та туча пыли, которую разглядел вдали Анаким. Если это группа всадников, то значит, люди гораздо ближе, чем предвидел серый лис. В какое-то мгновенье Адар с ее тонким слухом показалось, что она слышит лай, но Койле сразу установил, что это с другой стороны, так что всего вероятнее, они подошли слишком близко к какому-нибудь дому или поселку. Они решили отклониться немного в сторону и продолжали свой бег не очень быстро, чтоб оленятам не так трудно было следовать за взрослыми.

Миля за милей... Их отмеряла усталость, их удлиняла тревога этих нескончаемых часов пути. К тому ж напрасная тревога, потому что один Ньянкуль мог бы объяснить им, что туча пыли, которую завидел вдали Анаким, была всего-навсего причудой ветра. Люди пустились им вдогонку, это правда, но уже

не сумели бы догнать, потому что потеряли слишком много времени, собирая новую свору, и преимущество, которое это промедление дало оленям, было решающим. Но олени этого не знали и не могли знать. Только с высоты полета можно было раскрыть этот секрет. Но среди летающих у них не было друзей...

Долина была откровением света. Более того, была миром, верой в спасение, залогом долгого отдыха, сочных пастбищ, изобильной воды.

— Здесь мы останемся,— решил Вамба.

— До следующей луны. Надо продолжать путь,— отрезал Тор.

— Приказы отдаю я.

— А я не намерен больше подчиняться им. Оставаться здесь опасно,— настаивал Тор.

— Пока вождь я, будет делаться то, что я приказываю.

— Ты допустил много ошибок: из-за тебя мы попались в ловушку, расставленную человеком, ты не озаботился подготовить бегство. Ты не достоин более командовать стадом.

— Даже если так, я все равно самый сильный, и все обязаны мне подчиняться.

— Докажи, что ты самый сильный!

И в то время как Тор бросает свой вызов, вокруг них двоих образуется круг самцов и молодых оленей, тогда как самки отходят в сторону.

Полосы золота и пурпура сталкиваются в небе. По мере того как заходит солнце, кажется, что долина занимается пожаром. Кровавые волны туманят грозный взгляд Тора, который видит только Вамбу, лицом к лицу с ним, недвижной скалой, готовой его раздавить. Остальные олени, окрестность, воздух, время не существуют для него. Только Вамба.

Ярость стучит в бока вождя племени. Никто другой не владеет такой ветвистой короной, такими острыми кинжалами, как Вамба... Ни у кого нет такой силы. Выгнув шею, он бросается на Тора. Сын Актона выдерживает выпад, продев свои рога в рога Вамбы. Последний продолжает натиск. Ни один не отступил ни

шагу. Задержав напор соперника, Тор начинает хитрый маневр: не подаваясь назад, не уменьшая силы нажима, он начинает медленно поворачиваться на месте, заставляя противника вертеться вокруг своей оси. Наконец он добился того, что Вамба принял неудобную позу: его задние ноги почти сплелись. Тогда Тор выдернул свои рога и вонзил их в бок Вамбе, который не успел увернуться. Словно двумя острыми кинжалами поразил врага сын Актона и Адар. Вамба еще пытается отскочить, зная, что вторая рана окажется смертельной. Но глубины первой он уже не смог избежать... Тор ждет. Вамба задыхается. Кровь брызжет из раны у него в боку. Судорога изумления и страха пробегает по рядам рыжих оленей, наблюдающих битву. Они не верят своим глазам... Тор мог бы добить противника, но он не хочет делать этого. Опасно оставить такую отметину людям.

— Сдавайся! — восклицает Тор.

Но вместо ответа Вамба в последней отчаянной попытке бросается на обидчика. Тор ловко запутывает и скручивает его рога, Вамба тяжело падает на землю. Тор, выпрямившись, глядит на остальных оленей:

— Теперь вождь племени — я. Если кто-либо не согласен, пусть выступит из круга...

Глубокая тишина служит ему ответом. Вамба все еще лежит на земле. Тор медлит некоторое время, а потом отдает приказ идти всем к водопою. Койле проводит. Эту ночь они отдохнут, а назавтра продолжат путь с первыми лучами солнца. Отдых поможет Вамбе восстановить силы.

Тор твердо решил не останавливаться, покуда они не дойдут до большого озера, о котором так часто и с таким восхищением рассказывали ему Чойке, страус, и Койле, серый лис. Такова их граница: земля тех, других оленей; теперь никто не может задержать его...

Виденье пустынных нагорий возвращается снова... Пустыня без пределов, охраняемая холодными вершинами, лок с прозрачной водою, спокойной, голубой, как самое голубое небо...

Трубный голос, выражающий довольство, потряс первые тени ночи.

7. ОТКРЫВАЮТСЯ НОВЫЕ ДАЛИ

Койле облизывается, думая о днях, которые наступят. Теперь он сможет объедаться гусятиной: дикие гуси так вкусны... Теперь ему уже не страшен пума Сахта, о ком он сохранил такое плохое воспоминание. Волоски, которых не хватает в его хвосте, вырвал Сахта своей лапой. Они тогда оба охотились за одним и тем же зверьком, и, разумеется, Сахта — ведь он сильнее! — унес добычу. Но теперь, когда он, лис, под охраной рыжих оленей, не только Сахта, но и сам ягуар Науэль не посмеет с ним ссориться. Весь этот народец с озера будет в его власти, и он сможет охотиться безнаказанно. Теперь все узнают, каков он, Койле, серый лис!

Но что ищет Манкен, сокол, в этих землях? Койле знает, что Манкен живет в горах близ большого озера. Что он делает здесь?

Манкен обнаружил серого лиса и камнем падает вниз. Койле укрывается в тростниках, и, когда лис уж хотел просить защиты у Тора, сокол вдруг приветствует его:

— Здравствуй, Койле, куда ты так спешишь?

— Это я у тебя должен спросить,— отвечает лис недоверчиво.

Он вообще-то не припомнит, чтоб между лисами и соколами затевались схватки, особенно если нету спора о добыче. Но в таком случае почему Манкен так далеко от родных мест вдруг спускается с неба и вступает с ним в разговор? Какие у него могут быть намерения?..

— Любопытство, друг, одно любопытство... Ньянкуль, кондор, мне рассказывал про каких-то странных оленей, и мне

захотелось на них взглянуть. Поскольку ты, сдается, им друг, то я и подступил к тебе.

— А чего именно ты хочешь?

— Да в общем-то ничего... Просто что это за олени такие? Чем отличаются от здешних?

— Это другие олени, рыжие. Они мои друзья, более того — защитники. Куда я, туда и они. За мной идут.

— О, прекрасно! А куда идешь ты?

— А тебе-то что?

Для хитроумного Манкена этот отказ отвечать был подтверждением его догадки. Он не мог в этом сомневаться, зная Койле, серого лиса, так, как знали его обитатели озера и окрестностей. Потому что много, очень много солнц взошло и закатилось и столько же лун осветило и покинуло небеса, пока все вокруг наблюдали, как этот Койле бесчинствует на озере. И постепенно все стали его ненавидеть: за его увертки и обманы, за его потуги быть со всеми на короткой ноге, никого, в сущности, не любя и не уважая. В охоте все позволено, кроме притворства. А Койле был притворщик. Кто не помнил, как он придушил одного из детей Ньирэ, заделавшись будто бы ее другом, так что выдра в конце концов отбросила всякую осторожность в общении с ним? А как он поступил с Койпу, бобром?.. Поэтому все обрадовались, когда пума Сахта чуть было не положил конец всем этим подвигам. После случая с пумой Койле исчез, и долго про него никто ничего не слышал. Из всего этого Манкен сделал такое заключение, что Койле ведет рыжих оленей, новых своих друзей, своих покровителей, как признался сам лис, в земли Пеуэна, как Ньянкуль заподозрил с самого начала.

— Во всяком случае, желаю тебе счастливого пути, лис. Да, вот что! Ньирэ все еще не забыла про тот случай. Так что советую тебе и близко не подходить к озеру.

— Я не только подойду близко, но вот теперь-то все узнают, кто такой серый лис и чего он стоит!

Манкен ринулся вперед и впился в него когтями. Визг Койле привлек внимание рыжих оленей, и сокол вынужден был

выпустить добычу. Но Койле невольно выдал намерения непрошеных гостей. Надо было немедленно предупредить Ренанко, чтоб он известил Пеуэна, вождя племени андийских оленей.

Манкен взмыл в высоту, удовлетворенный не только успехом своей миссии, но и ударом, какой его клюв нанес подлому лису и от какого у того, наверно, и сейчас болит все тело.

Несмотря на тоску воспоминаний — а как можно забыть лок, пустынные просторы, липы, голос кукушки, трели жаворонка, мать-гору и ее вересняки,— можно быть счастливым и здесь. Прав был Чойке, страус. Здесь есть земля, и вода, и солнце, и пастбища для всех. Новые дали, новый мир, разумеется, не такой прекрасный, как тот, далекий, утонувший в море где-то у недосягаемых горизонтов, но тоже красивый по-своему. Нет, Чойке не лгал, когда говорил про эту землю, про ее долины и реки. Про вечера, утопающие в золоте раскрывшихся цветков акаций-арома. А пенье дрозда разве не красиво?!

В это утро стадо двинулось в дорогу с радостью. Все хорошо отдохнули, не видно никаких признаков человека; земли этих незнакомых оленей уже недалеко, и до большого озера дойти уже не трудно. Они дойдут. Одна-две луны закатятся, и столько же солнц. Какое это теперь имеет значение! Уверенность, что цель близка, придает новые силы.

Койле трусит совсем рядом с Тором. «Этот лис хитер, плут, каких мало, но хитрость бессильна перед умом. Он хочет использовать нас в своих интересах, но мы сумеем выжать из него все, что нам необходимо. А пока что надо иметь его союзником. Как враг он может быть опасен». Тор пережевывает жвачку и размышляет. Он силен, Тор, но он и проницателен.

Знакомый запах, смолистый, встречает их на опушке леса раньше, чем сосны, араукарии и мирты.

Часть III

ПЛЕМЯ РЕНАНКО

1. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Манкен описывал над озером упорные круги. То вдруг, сложив крылья, падал камнем вниз, то раскидывал их, и падение заключалось плавным лётом над самой водой. И по прозрачной озерной шири скользила тень сокола, быстрая и легкая, изменчивая и текучая, до тех пор, пока Ньирэ не заметила его и не поняла, что он нашел рыжих оленей.

— Привет тебе, Манкен!

Сокол задержал лёт и замер, словно повиснув в воздухе, взблескивая крыльями.

— И я приветствую тебя, Ньирэ.

— Ты принес новости?

— Я принес новости для Ренанко.

— Не улетай слишком далёко. Кто-нибудь сообщит о тебе внуку Пеуэна.

И Ньирэ быстро поплыла по направлению к берегу.

Манкен видел, как ее след на воде, длинный и узкий, мерцающий, отметил светлую дорожку поперек озера. На должном расстоянии от Манкена и чувствуя себя по этой причине уверенней, Некуль, колибри, приблизился к Ньирэ:

— Что нового, сестра?

— Известие для Ренанко. Ты не знаешь, где он?

— Нет, но, может быть, Йурери знает. Я поищу ее.

Крылышки Некуля трепыхнулись в легком взмахе, радуга его красок вспыхнула под солнцем, и, выделывая пируэты, маленькая птичка пропала в глубине леса. Но... куда она летит? Разве знает она, где искать Йурери, вилохвостку? «Я просто

сумасшедший,— сказал Некуль самому себе.— Хотя вообще-то вполне возможно, что вилохвостка сейчас летает где-то вокруг стада Пеуэна. Но где это? Дух Шайуэкена, помоги мне, бедному!..» И колибри задержался в воздухе, не зная, в какую сторону лететь.

— Ты чем-то озабочен, Некуль? — спросил Пи́чи, вьюрок, деловито копаясь в желтых листьях, покрывающих землю.

— Я должен разыскать Йурери.

— А ты знаешь, где она сейчас?

— О том и речь: узнать, где она сейчас.

— Давай расскажем всему нашему братству, что ты ее ищешь. Чей-нибудь щебет, чья-нибудь трель обязательно вызовут ее отклик, где б она ни находилась.

Верно. Головастая птица этот вьюрок.

— Тогда помоги мне. Ты лети налево, а я — направо.

И вскоре лес наполнился пеньем и трелями, щебетом и свистом, передававшими в тайном ключе: «Сюда, Йурери! Некуль, колибри, разыскивает тебя».

Черноголовки, щеглы, жаворонки, дрозды, голуби, горлицы и сороки соединились в едином хоре, словно весь лес повторял один вопрос: «Йурери, где ты? Йурери, где ты?» Больше всех старался пестрый бентевео, прозванный так в подражание его крику, означающему: «А я тебя вижу!» Его-то и услыхала Йурери и сразу полетела туда, где Некуль, а потом они вместе полетели туда, где Ньирэ, за поручением.

— Разыщи Ренанко! Немедленно. Манкен вернулся...

Райуэ первая увидела крылатую вестницу и, сама не зная отчего, вздрогнула и испугалась...

Племя Пеуэна ушло в это утро на дальние пастбища, за милю, по крайней мере, от реки. Райуэ, едва увидала Йурери, рысцой помчалась к своему другу.

Вилохвостка была кратка:

— Манкен вернулся. Он на озере.

Для Ренанко этих слов было достаточно. Он поглядел с минуту на Пеуэна и затем медленно направился к водным владеньям Ньирэ. Райуэ смотрела ему вслед. Как он красив! Как

строен! Как сверкают на солнце его рога! Вот это олень так олень! Райуэ побежала догонять друга.

Мури и Марай присоединились к ним по дороге. Эти-то всегда были в курсе того, что происходит. Непонятно только, каким образом они узнавали все новости с такой невероятной быстротой.

По правде сказать, они действовали способом простого рассуждения: Некуль и Йурери — друзья племени Пеуэна и в особенности близки с Ренанко. Если Некуль ищет вилохвостку, значит, та ему нужна для чего-то, имеющего отношение к внуку Пеуэна.

Мури взобралась на спину Ренанко, задержавшего свой бег для этой цели, а Марай — на спину Райуэ.

— Случилось что-нибудь плохое? — спросила шиншилла.

— Скоро узнаем.

— Что произошло, сестрица? — поинтересовалась белка.

— Манкен вернулся.

Ответ оленихи очень встревожил белку. Ведь Манкен улетел далеко, уже несколько солнц тому назад, чтоб разузнать все о рыжих оленях. Дошли ли они до озера, эти вторженцы? А если дошли, то что будет с ними? Под «ними» подразумевались Ренанко и все его друзья.

Крылатый народец хранил молчание, провожая взглядом сына Калеля и Лиуэль. Что-то в его сосредоточенном виде, в его осторожных движениях, в притихшей шиншилле, известной своими нескончаемыми шалостями, в так прямо сидевшей белке и в каком-то тревожном ожидании, вызванном возвратом Манкена, сокола нагорий, одинокого охотника, предвещало перемену в жизни озера и его окрестностей. Может быть, раньше чем полная луна вновь осветит небо, все они станут мерить время иной мерой: «Раньше чем пришли рыжие олени» или: «С тех пор как пришли рыжие олени». Потому что чувство было такое, что рыжие олени уже здесь.

Когда Ренанко и Райуэ приблизились к берегу озера, в ползучих стеблях копиуэ, средь лавровых веток, на больших камнях, выступающих из воды, их ожидала целая колония птиц.

Манкен полетел навстречу своему другу оленю. Он устремился прямо к нему, как метко нацеленная стрела. Ньирэ поплыла к берегу быстрее, чем обычно.

— Благодарю тебя, Манкен, за то, что ты снова среди нас,— приветствовал сокола Ренанко.

— Здоровья и долгой жизни внуку Пеуэна,— ответил сокол.

Постояла короткая тишина, полная тревоги и ожидания. Всем хотелось услышать новость, какую принес Манкен. Сокол понял, что ему придется говорить при всех, потому что всех интересовало, что ж ему удалось разузнать о рыжих оленях.

— Люди привезли их издалека. Никто не знает, почему и зачем. Чойке, болтливый страус, говорит, что для того, чтоб потом перестрелять. Но совершенно очевидно, что сейчас люди их охраняют. Они даже хотели убить Ньянкуля, кондора, моего друга, когда он приблизился взглянуть на этих оленей. А сейчас они убежали от людей с помощью Койле, серого лиса, вы его помните...

Ропот неодобрения нарушил покой озера. Ньирэ со стуком сжала челюсти — плаш-ш-ш! — словно жевала лапу Койле.

— А какие они на вид? — не выдержала Мури.

— А сколько их? — взорвалось нетерпение Марай.

— Они похожи на Пеуэна и его стадо, но гораздо выше и массивнее. У них большие, ветвистые рога, и они сильны в сражении. Койле ведет их сюда. Должно быть, они уже близко. Числом их меньше, чем вас. Они обещали серому лису поддержку и покровительство за его услугу.

— Подонок! — не смогла удержаться Ньирэ.

— Попрошайка! — добавила Мури.

— Предатель! — взвизгнула Марай.

— Перебежчик, вот что он такое...— уточнила Пайнэ, сова.

Все повернулись в ее сторону, удивленные. Сова — и не спит днем... Невероятно! Тем не менее вот она, здесь, и то открывает, то закрывает свои большие и выразительные глаза, ослепляемые светом.

— Мы слушаем тебя, мудрая Пайнэ,— почтительно вымолвил Ренанко.

— Ничего хорошего от этого лиса-проныры не ждите,— добавила сова,— а от его новых друзей тем паче. Если олени покровительствуют лисам, то уж сразу видно, что это за олени.

— С кем поведешься... С кем поведешься!..— пророчески повторял Чорой, попугай.

Ренанко задумчиво устремил взгляд на озеро, туда, где в кристальной глубине, должно быть, обитает его душа, если верить Ньирэ. Но воды хранили молчанье в ответ на все вопросы, какие возникли из рассказа Манкена.

— Спасибо, добрый брат,— только и нашел что сказать Ренанко.

— Прощай, рассчитывай на меня...

И с этими приветными словами сокол, описывая круги, взмыл в небо. Потом взмахнул крыльями в знак расставанья и взял курс на горы, поседевшие от снегов и от зим.

Сотни глаз, вчера еще глядевших на него со страхом, провожали его дальний полет с благодарностью. Мури опомнилась первой. Воинственно вздев лапки, она вопросила:

— Что же нам теперь делать?

— Что скажешь ты, Пайнэ? — осведомился Некуль, колибри.

— Мы должны установить наблюдение, чтоб знать, когда те олени придут сюда. Мы все примем участие.

— Прекрасно! Прекрасно! — захлопала Мури.

— Каждое утро, как только взойдет солнце, мы станем облетать озеро и его окрестности и, если обнаружим оленей, сразу же известим вас,— предложил Пичи, вьюрок.

— Устанешь ты, я тебя заступлю,— согласился Чорой, попугай.

— Потом я...— присоединилась Йурери, вилохвостка.

— Вот и хорошо, так мы будем в курсе всего, что происходит,— заключила Пайнэ, мудрая сова.

Ренанко принял растроганно подобное предложение содружества и, простясь с крылатым народцем, поспешил присоединиться к стаду Пеуэна.

Пеуэн был, казалось, не слишком удивлен возможным приходом незнакомых оленей и не придавал особого значения тому, что среди обитателей озера и окрестных лесов царила такая тревога. По крайней мере, так можно было судить по его внешнему виду. Ренанко немного растерялся от этого спокойствия деда. Но, возможно, Пеуэн был прав. Зачем придавать такое значение событию, которое еще не произошло и последствия которого нельзя предвосхитить?

Жизнь стада потекла обычно. И, не считая тревожных донесений птичьей разведки, ничто не нарушало мирных дней племени Пеуэна. Однако какое-то внутреннее беспокойство невольно держало всех настороже.

Тор не верил своим глазам: вот оно, большое озеро! Оно гораздо больше, чем лок из его тоскливых воспоминаний, а горы как величественны! Ни равнин, ни вересняка, но красота какая!

Они стояли сомкнутым строем и молча, с затаенным испугом глядели на озеро, описанное в рассказах Чойке, страуса, и обещанное в посулах Койле, серого лиса, приведшего их сюда. Наконец они здесь, в землях этих низкорослых оленей.

Никто не отдавал приказа, но почти разом все стадо вслед за Койле начало спуск, завороженное величественным зеркалом голубых вод, в которые гляделось едва проснувшееся небо.

Облака, со своей белизною тончайшего хлопка, легко скользили над спокойною водною гладью. Цветы копиуэ причудливо обрызгали берега красным. Кровь, только кровь имеет такой красный цвет. Почему Тору в это мгновенье вспомнилась рана поверженного Вамбы?..

Пичи кликнул клич тревоги:

— Олени! Чужие олени пришли!

И весть полетела от дерева к дереву и достигла поляны — мирного убежища племени Пеуэна.

Легкая дрожь, пробежавшая по бедрам старого вождя, открыла Ренанко, что он придавал большее значение, чем хотел показать, присутствию чужаков. Однако, помедлив с минуту, он снова стал спокойно щипать траву.

Пришельцы остановились у края озера. Их огромные ветвистые рога, казалось, погрузились глубоко в воду. Они пили и пили, покуда не раздался долгий, хриплый рев Тора, возгласивший, что рыжие олени вступили во владенье этими землями.

С дерзким вызовом пронесся этот рев над обиталищем племени Пеуэна. Взрослые самцы сгрудились вокруг своего токи.

В полном молчании старый олень пустился в дорогу, и сразу же все племя потянулось следом за ним. Они приблизились к озеру с востока, взяв курс по невидимому пути, прочерченному в воздухе воинственным криком Тора. Они шли не прячась и так вышли из чащи на виду у рыжих оленей, отделенные от них лишь узкой отмелью, врезающейся в озеро.

Племя Пеуэна и орда Тора долго в молчании глядели друг на друга.

— Мы пришли сюда из дальнего далёка и теперь здесь останемся,— объявил предводитель рыжих оленей.

— Мы приветствуем тебя и желаем тебе и твоим соплеменникам долгого и доброго пребывания в здешних местах. Озеро пространно, пастбища велики и обильны. Добро пожаловать! — приветствовал пришельцев Пеуэн, вождь племени.

Не удостоив его ответом, рыжие олени повернулись и направились к сочным пастбищам чужой земли.

2. ВЕЛИКАЯ БИТВА

Койле ни на шаг не отходил от оленей и, не вмешайся голод, так и вовсе бы с ними не расстался. Но голод способен породить не только решимость, но и безрассудство... И вот лис тихонько крадется к озеру, укрываясь поначалу в высоких травах, потом пробираясь меж камнями. Ах, если б удалось провести эту выдру! Было, однако, что-то такое в воздухе, что его насторожило. Этот озерный берег, представляется, совершенно пустынен. Но каким-то образом он знал, вернее, чувствовал, что это не так. Что откуда-то за ним следят. Он не испытывал страха, но тревожное предчувствие томило его.

Он ждал долго, долго и терпеливо. Прислушиваясь. Тишина не предвещала ничьего присутствия. Никакой запах не доносил о ком-либо, кто подстерегал бы его. Или это все одно воображение? Может быть, это чувство — всего лишь результат его опасений, основанных на очевидной враждебности обитателей озера и окрестных мест. Почему они так недовольны его дружбой с рыжими оленями? Из чистой зависти, верно... Злобствуют на то, что сами не пользуются расположением мощных великанов из стада Тора. Но как только рыжие олени завладеют всей территорией, ни один из местных старожилов не обойдется без него, серого лиса...

Чтоб заслужить милость рыжих оленей, все станут заискивать перед ним, потому что только через него и благодаря его посредничеству они могут завоевать снисхождение его друзей.

Но что это за ворчанье? Нет, это даже не совсем ворчанье.

Это скорее свист, нарочно приглушенный. У лиса запрыгало сердце, хоть он и не знал отчего. Внезапно орех радаля сорвался с ветки и ударил его в левое ухо. Он повернул голову, и второй орех шлепнулся ему прямо в морду, вызвав острую боль. И в тот момент, когда он собирался потереть нос передней лапой, целая стая птиц, выпорхнув, он так и не понял откуда, накинулась на него. Клювов было столько, что он не успевал уклоняться от их ударов. И если б вместо маленьких птичек то были, к примеру, попугаи, то ему пришлось бы совсем плохо. Оглушенный, он понесся к воде, и там внезапно, будто кто-то выстрелил ею со дна, на него набросилась Ньирэ: острые выдрины когти так и вонзились ему в грудь. Лис взвыл и стал звать на помощь рыжих оленей. Но когда Виник и Астур подоспели, они увидели одного лиса, в корчах катавшегося по земле. Никого больше вблизи не замечалось.

— Меня хотят убить! Меня хотят убить! — вопил Койле.

— Да здесь нет никого...— заметил Виник.

— Как это нет? Тут полным-полно птиц! А Ньирэ? Ее вы тоже не видите?

Астур посмотрел на озеро. Незыблемая голубая гладь казалась такой мирной, прозрачной. Виник поднял острую морду к вершинам деревьев и понюхал воздух. Пара черных бусинок-глаз насмешливо подмигнула ему, и молнией промелькнул в ветвях майтена изящный кончик пышного хвоста. Он подошел поближе. Но... если кто-то там только что и был, то его уже там не было. Иначе хоть обоняние позволило бы обнаружить его.

— Нет, здесь никого нет,— повторил Виник, стоя возле Койле, который было успокоился, оказавшись между двумя молодыми великанами.

— А откуда же тогда это? — снова взвизгнул он, показывая на рану, только что нанесенную ему выдрой.

— Гм-м... Тебе еще повезло,— заметил Астур.

— Повезло? И это ты называешь повезло? Вы должны перебить их всех! Уничтожить их всех надо!

Но рыжие олени не были, казалось, расположены выносить дольше эту лисову истерику и медленно пошли прочь. Серый

лис побежал за ними. Ни за какие блага в мире он больше не остался бы один.

Тор отнесся к этому случаю не так равнодушно. Происшедшее доказывало, что нет врагов мелких. Надо удвоить бдительность. И возможно, преподать местным обитателям урок, какой дал бы им понятие о могуществе рыжих оленей. Закон требует, чтоб урок был более суров. Не тому ли учил старый Чард?

Но прежде чем решиться, надо побольше узнать об этом оленьем племени. И если можно, выследить их передвижения, подсмотреть приемы их поединков, чтоб обнаружить их слабые стороны. Хотя вообще-то Тор не придавал всему этому особого значения. Он рассчитывал на очевидные преимущества в пользу своих — бóльший вес и разницу в росте, не говоря уж о том, что рога у рыжих оленей гораздо мощнее, чем у местных. Хотя не следовало забывать, что их тонкие рога оканчиваются двумя острыми кинжалами. Пожалуй, лучше всего было бы избежать встречи лоб в лоб. Хотя сложное расположение отростков позволяло запутать сперва, а потом скрутить на сторону таких противников, используя выгодное преимущество роста и веса. Во всяком случае, Тор решил не пропустить случая дать наглядный урок еще и самцам своей орды.

С этого момента рыжие олени стали крутиться вокруг местных. Там, где паслось стадо Пеуэна, неподалеку паслись и рыжие олени. И хотя подобное поведение не нравилось Пеуэну, он не разрешал ни одному из самцов, какими правил, сделать ни одного движения, могущего показаться враждебным рыжим оленям. Ренанко не терял их из виду ни на мгновенье. В этом ему успешно помогала Райуэ. Покуда он щипал траву, его подруга наблюдала. Тор заметил это слежение и для отвода глаз принудил Виника обратить внимание на изящную олениху.

— Ты видишь вон ту самочку? Прелестная, правда? И как неотрывно смотрит на тебя. У меня такое впечатление, что она к тебе неравнодушна.

Виник вгляделся пристальней. И верно, Райуэ не спускала с них глаз. Он гордо выпрямился и долго так стоял, и чужая олениха все время на него смотрела.

Шестое чувство подсказало Райуэ, что тут что-то кроется, потому что она вдруг снялась с места и подошла к Ренанко.

— Они мне не нравятся, они мне нравятся все меньше. Почему бы нам не поговорить с Пеуэном?

Ренанко с подругой рысцой побежали искать вождя племени.

— Что здесь надо этим рыжим оленям? Почему они постоянно выслеживают нас?

Пеуэн не отвечал. Его тоже беспокоило поведение рыжих оленей, но он не хотел, чтоб им дали повод к ссоре. Территория обширна, богата пастбищами, водою и лесами. И там вдали есть еще эти высоченные горы, на которые его стадо никогда не взбиралось. Он отвел своих подальше от рыжих оленей.

«Они боятся нас,— подумал Тор,— и правильно делают. Но они не так просты, как кажутся».

— Чего ты ждешь, почему не вынудишь их совсем уйти отсюда? — настаивал Койле, раздраженный недавней взбучкой, словно те, что нападали на него, были питомцы Пеуэна.

Однако какое-то отношение они к этому, безусловно, имели. Почему его так возненавидели все остальные животные, если не из-за местных оленей?

— Может быть, они уйдут сами и не придется прибегать к силе...— предположил Тор.

Но Койле не так легко было убедить.

— Ты что, боишься их, что ли? Будь осторожен. Не видишь разве, что их гораздо больше, чем вас?

Суждение лиса представлялось довольно разумным. Однако лучше обождать...

Безрадостный закат средь напряженного покоя, готового взорваться, встретил племя Пеуэна у берегов озера. Свет еще медлил, лениво задерживаясь на дальних вершинах, чья белизна сверкала, как будто магическое зеркало посылало сверху блики, чтоб озеро отразило их. Летучие облака разрывались, играя переливами красок, над водами, чья голубизна все сгущалась и сгущалась и в чьих глубинах уже мерцали отражения первых звезд.

Пеуэн взобрался на самый большой камень, с которого просматривалась широкая полоса озера. Его неподвижный силуэт, прямой и гордый, уходил в прозрачную лазурь и отпечатывался где-то глубоко, подобно эстампу.

Остальные из его стада пили или гляделись в зеркало вод. Ренанко не отставал от деда Пеуэна. Что высматривает он вдалеке? Он казался отрешенным от окружающего, словно бы находился где-то в другом месте, хоть его силуэт и вырисовывался так четко на темно-зеленом фоне деревьев, покрывавших ближний косогор.

Тени надвигались, словно сползая с вершин, а дед Пеуэн все стоял на том же месте. Не здесь, но где-то там, далекий, отсутствующий.

Так и застала его ночь и тихо затушевала его образ, так что под конец он остался запечатленным только в зрачках Ренанко.

Койле, серый лис, бродил вкруг да около в потемках...

Есть вещи, которые узнаются — так ярко они предчувствуются — раньше, чем произойдут. Какое-то неведомое, странное напряжение ощущалось в воздухе, свет принимал какие-то новые оттенки, что-то в окружающих, да и в самом себе возникало, не поддающееся определенью, но проникающее в самое сердце, заставляя его биться по-иному... Райуэ наблюдала за рыжими пришельцами. Они были не такие, как в предшествующие дни. Она и сама не знала, в чем перемена, но ощущала ее прямо кожей. Ренанко пощипывал траву, так что стоять на посту была ее очередь. Она смотрела на пришельцев, и они тоже смотрели на нее. Тор выдвинулся вперед, отделяясь от своей орды, и словно ожидал чего-то. Но дело было не только в позе вожака. Все рыжие олени словно чего-то ждали. Однако чего же?

Внезапно Виник сорвался с места и зарысил к ней. И раньше чем увидел, Ренанко угадал его намерение. Он поднял голову и встал между Райуэ и чужим оленем. Виник остановился в неуверенности, смущенный, возможно, решительным видом защитника.

Они пристально взглянули друг на друга.

— В чем дело? — Ренанко хранил ледяное спокойствие. Такое спокойствие, какое может окончиться чем угодно...

— Я из стада Тора.

— А я из стада Пеуэна.

Рыжий олень продолжал бить копытами землю, и Ренанко напружился для боя, хоть и не был уверен, что Виник собирается на него напасть.

Райуэ вся дрожала. Пеуэн повернул голову и всматривался. Не столько в молодых, сколько в Тора.

Наступила долгая, напряженная тишина. Виник не решался что-либо предпринять. По нему, так сам факт принадлежности к рыжим оленям, привезенным людьми с далеких холодных вершин, был достаточным основанием для того, чтобы местные, как оно и было до сих пор, не ставили никаких препятствий их намерениям. Взвинченные нерешительностью Виника, против которого вызывающе стоял Ренанко, Астур и Горр бросили в воздух хриплый вскрик и выдвинулись вперед, словно для нападения. В действительности же они хотели только попугать противника. Но в то же мгновенье Антель,

Клен и Райлеф, друзья и ровесники Ренанко, ринулись к месту происшествия и стали бок о бок с ним, негодуя: эти рыжие олени идут втроем на одного!..

Пеуэн примчался галопом и врезался между спорщиками. По нему, так подобный спор не имел смысла. Тор, в свою очередь, встал во главе своих подчиненных. Все самцы из обоих станов приготовились к бою и выстроились двумя длинными рядами, один против другого, ожидая лишь приказа своих предводителей, чтоб ринуться в атаку.

Пеуэн обратился к Тору:

— Мы, олени, что родились в этих землях, приняли вас как друзей. Мы полагаем, что здесь достаточно воды, пастбищ и лесов и для нас и для вас. Чего вы хотите?

— Чтоб вы ушли с этой территории.

— Мы дружественны, но не трусливы. Мы остаемся здесь.

Никто из племени Пеуэна не заметил знака, поданного Тором. И поэтому внезапное нападение рыжих оленей застало их врасплох. Борьба завязалась поединками. Ренанко схватился с Виником, Антель схлестнулся с Горром, Клен — с Астуром, Калель — с Анакимом, Линкун — с Воденом, и — в самом центре битвы — Тор боролся с Пеуэном.

И хотя местные превышали рыжих оленей числом, те, у кого не нашлось противника, не приняли участия в битве. И эти последние, среди которых были и Каньюмиль, бывший токи, и Катрен, отец Гуры, «меченного людьми», покорившись своей роли зрителей, сосредоточили все свое внимание на единоборстве между Пеуэном и Тором.

А тем временем Койле, серый лис, никем не замеченный, поспешал, пригнувшись меж высокими травами, в сторону, где бились вожди двух враждебных племен.

Ренанко, хорошо усвоивший уроки деда Пеуэна, уклонился от лобовой атаки Виника, зная, что как высокий рост, так и разница в весе давали преимущество его противоборцу. Так что рога Виника встретили один лишь воздух, тогда как Ренанко, отклонясь в сторону, прочертил в его боку длинную рану, подобную той, что еще недавно там, на равнине, Тор нанес отцу

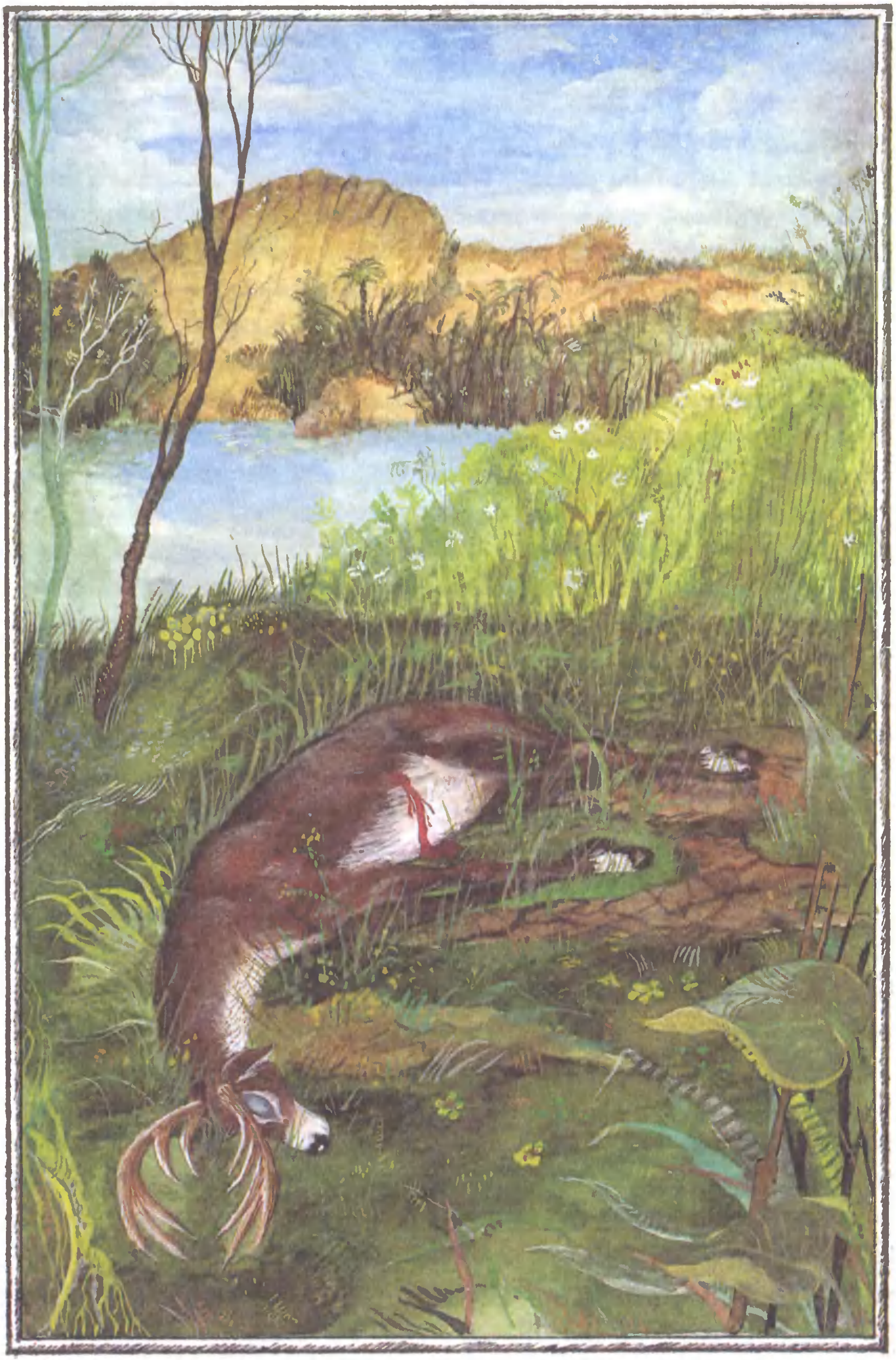
Виника, Вамбе, когда они оспаривали друг у друга предводительство стадом.

Товарищи Ренанко сдерживали сокрушительный натиск своих противников, которые предполагали, что все пойдет легче. Тем не менее рыжие олени постепенно оттесняли местных. Разница в росте и весе оказалась все же решающей. К тому же их рога были крупнее и толще, что мешало обитателям Анд использовать режущие острия своих, тонких.

Пеуэн нацелил свои кинжалы, чтоб атаковать Тора сбоку, используя тот же прием, какой только что так успешно применил Ренанко. И по всей вероятности, он достиг бы цели, если б не подлое вмешательство Койле, который вцепился в копыто его правой задней ноги. Тор, не колеблясь, воспользовался тем преимуществом, что старый вожак не мог теперь двигаться с прежней ловкостью, а ведь ловкость была важным свойством здешних оленей. Коварный лис лишил Пеуэна возможности проявить это свойство, что позволило Тору нанести удар, глубоко воткнув ему в загривок свои рога. И все глубже, глубже, словно сами знали путь к сердцу, вонзались рога Тора в тело старого вожака. Рана была смертельной. Прерывистый хрип агонии остановил поединок... Погасли красные цветы мутисий, побледнели листья озерного побережника, и вся поляна стала исчезать из глаз, словно погребенная под потоками черных шипов. Пурпурные колокольчики в кустах чилькана стали сначала бледно-розовыми, почти белыми, и растаяли в тумане... Тор выпрямил шею, и капли крови вспыхнули на его рогах. Его мощный рев заставил содрогнуться всех обитателей озера и его окрестностей.

Пеуэн, великий токи андийских оленей, отец Калеля, дед Ренанко, умер...

Тишина поглотила оба враждующих стана. Питомцы поверженного вожака замерли в неподвижности. Они не могут поверить в случившееся. Но вдруг Райуэ заметила серого лиса, стремглав убегавшего прочь под прикрытием высоких стеблей «мавританской королевы». Хоть он и пригнулся к самой земле, дрожание пылающих цветов выдало его, открыв изумленному



взгляду Райуэ, которая вначале не поняла, что мог лис делать здесь, рядом с поверженным Пеуэном. Первыми прибыли птицы. Пичи и Некуль казались наиболее расстроенными. Но это было не так, о чем свидетельствовало глубокое молчанье Чороя, попугая, взъерошенные перышки Йурери, вилохвостки, вздернутый хохолок Пьюкена, дикого гуся.

Они были не только убиты горем, но и изумлены: оказалось, что Пеуэн был смертный. Такой же смертный, как они сами.

Потом прибыл Пеньи, заяц, и вскоре за ним Анай, рыжий лис, и, только лишь когда Калльву, сорока, стала истерически кричать: «Пеуэн умер! Пеуэн умер!», андийские олени вышли из своего оцепенения. И хотя все обитатели озера и его окрестностей знали, что смерть — это естественное заключение жизни, все равно они ощутили великую боль. Ньирэ, выдра, и Койпу, бобр, тоже хотели бы пойти поклониться Пеуэну, но... как это сделать, не выходя из воды?.. Та же печаль охватила и Мури, шиншиллу, и Пайнэ, сову, и Марай, белку, которые очень жалели еще и Ренанко, любимого внука Пеуэна, и думали, как он должен сейчас страдать.

Питомцы Пеуэна окружили своего мертвого предводителя, в то время как рыжие олени смотрели на них, не решаясь напасть снова. Однако это объяснялось не состраданием, а установленным меж ними законом: поражение вождя чужого племени означает поражение всего племени.

Вокруг Тора сгруппировались в ожидании самцы и их подруги. Тор не сомневался, что теперь андийские олени уйдут.

И они ушли, но не потому, что чувствовали себя побежденными, а потому, что были охвачены глубокой печалью. Ренанко возглавил молчаливое шествие в сторону озера. Он хотел увидеть, не сохранилось ли на дне, там, где отражается высокий камень, очертанье Пеуэна. Тогда, быть может, душа его деда сможет и дальше бдеть над ними.

3. ПАМЯТЬ О ПЕУЭНЕ

Его не было больше, и тем не менее его присутствие возникало в тысяче мелочей повседневной жизни.

— Помнишь: когда пумы напали, Пеуэн...

— А как он строго отнесся к Лиуэль, когда она пошла к озеру одна, взяв с собой Ренанко, в тот самый день, когда показались люди...

— Да, а в то утро, когда был ранен Гура...

— А когда он обучал Ренанко бороться...

Он оставался с ними. Чье-то присутствие живо в той мере и широте, в какой действенно. И он продолжал жить среди них, как тонкая и прочная нить памяти, как предмет любви всего их сообщества.

И потому еще, что столько было радости, столько прекрасных мгновений, столько добрых дел, столько ласковых чувств во времена Пеуэна. Его племя было примером для всех своих сородичей, населяющих Анды. Он воплощал в себе полноту жизни, и быть таким, как Пеуэн, означало предел совершенства, к какому все стремились.

Потому что теперь он стал символом. Потому-то и был он по-прежнему жив и предводительствовал не только прошлым, но и будущим. И был к тому же словно бы добрым вестником надежд на лучшее: на возвращение в леса, к большому озеру, хранившему нетронутым для глаз Ренанко и его сердца, полного тоской и памятью, образ, пророческий и уже мифический, деда Пеуэна, великого токи андийских оленей.

Они пережили его смерть, как самое большое несчастье,

какое могло выпасть им на долю. Они чувствовали ее острее и глубже, чем поражение и необходимость уступить, хоть и временно, свою территорию рыжим вторженцам. Потому что те продолжали преследовать их, оттеснив на далекую поляну, где они и остановились и где совет племени должен был выбрать нового вожака.

Ланту, самый старый из самцов, вышел в центр круга.

— В честь памяти Пеуэна надо выбрать токи столь же храброго, столь же мудрого и столь же проницательного, чтоб мог управлять племенем в этой войне с иноземцами, задумавшими захватить наши земли.

Он посмотрел на Ренанко: нет, еще слишком молод. Потом на Калеля — в его жилах течет кровь Пеуэна.

— Калель,— возгласил Ланту.

Кетрен и Линкун одобрительно наклонили головы. За ними Каньюмиль дал свое согласие. За ним — другие. И Калель был провозглашен вожаком.

Он встал во главе племени Пеуэна и увел его от озера. Необходимо было преодолеть огромное уныние, которое поселила в сердцах всех рана, еще кровоточащая, оставленная гибелью Пеуэна.

«Позади лесного лика своего токи воздвигал свою оборону народ Арауко» — так воспевались подвиги древних индейцев арауканов, сопротивлявшихся испанским завоевателям...

Нельзя быть благородными по отношению к ним, размышлял Калель, вспоминая великую битву. Они напали врасплох, отклонив предложение мира, с каким обратился к ним Пеуэн, который не отказывал рыжим оленям ни в этих землях, ни в этих пастбищах, ни в этих водах, ни в этих лесах. Надо увести племя от большого озера, потому что главное теперь — сохранить жизнь всех, не потеряв никого. Было очевидно, что воспоминания о другом, утраченном навсегда озере, делало пришельцев такими агрессивными. Может быть, если двигаться в сторону гор, встретится какая-нибудь долина с сочными травами или овраг, защищенный от ветра, тихая бухточка, а то и

родники с вкусной водой, текущей меж папоротников, вечнозеленых и пышных.

Ренанко распростился со своми друзьями. С Мури и Марай в первую очередь. Они были связаны с его детством, счастливым, полным прелести, милых приключений, неожиданных открытий.

— Если там, куда вы идете, есть орехи радаля, обязательно припаси! — пошутила Мури, прикрывая блестящий черный глаз шелковистым хвостом, чтоб скрыть свою печаль.

— Мы никогда тебя не забудем, не забывай и ты нас...— словно заклинала Марай, стараясь казаться бодрой.

Забыть их?! Да это бы означало забыть озеро, скалу Пеуэна, душу вод. Нет, он не забудет их.

Потом Ньирэ... Выдра смотрела на него, и в ее глазах угадывалась грусть расставания.

— Ты вернешься, Ренанко. Иначе было бы несправедливо,— настаивала Ньирэ.

Как можно это знать?.. Доброе в жизни не всегда достается по справедливости.

Койпу, бобр, тоже явился проститься с ним. Он всегда помнил, как к нему на берег пришел когда-то олененок, совсем еще маленький, на дрожащих ножках. И теперь он смотрел на Ренанко с гордостью: красавец олень с крепкими рогами.

Птицы не прощались.

— Мы тебя проводим, чтоб знать, куда вы идете. Так мы сможем каждый день навещать тебя,— сказал Некуль, колибри, от имени всех крылатых.

Ренанко знал, что полет Некуля стремителен, но не слишком долог. Но он ничего не сказал. Зачем огорчать маленькую птичку?..

— Ты вернешься, я знаю, что вернешься,— уверенно утверждала Пайнэ, сова, поворачивая шею и щуря свои огромные глаза.

Ренанко подумал, что пора прекратить это прощанье. Его исстрадавшееся сердце подсказало, что пора.

И он пустился тихой рысцой догонять стадо Калеля. Райуэ, вся сочувствие и понимание, как всегда, следовала за ним.

Во главе стада шли молодые олени, к которым и присоединился Ренанко. Позади — оленихи, принявшие в свою общину Райуэ, и — заключая шествие — взрослые самцы. Последним, на небольшом расстоянии, шел Ланту, самый старый из всех, всегда любивший бродить в одиночку.

Большую часть долгого дня брели они в сторону гор. Пока не заметили, что какая-то крылатая тень кружит вверху над остриями их рогов. Ренанко угадал сразу: это был Ньянкуль, кондор, верный друг.

Тогда он отстал немного от стада, и Райуэ вместе с ним. Они знали, что Ньянкуль не склонен опускаться прямо на землю, что он предпочитает скалу или террасу, откуда легче внезапно взлететь снова. Не было в поле зрения подходящего места для спуска. Потому еще, что ни один куст не выдержит тяжести Ньянкуля. Наконец нашелся небольшой пригорок, который, разумеется, разглядел сам кондор, и он стал плавно снижаться.

Его огромные крылья словно обняли все возвышение, потом медленно сложились. Там, весь выпрямившись, собрав, казалось, весь свет дня в своем снежнопером опахале, он ждал приближения друзей.

— Кто убил Пеуэна?..

Оленей удивил вопрос. Откуда Ньянкуль узнал об этом?.. Да очень просто: крикливые каракары сообщили Манкену, соколу, а тот передал Ньянкулю. И кондор взмыл в воздух в поисках племени Пеуэна. Случилось великое и непонятное несчастье у оленей, а кондор никогда не забывал, что он обязан жизнью юному Ренанко и его нежной подруге Райуэ.

Она-то и рассказала теперь Ньянкулю, что видела, а именно о коварном вмешательстве Койле, склонившего успех поединка в пользу Тора, вожака рыжих оленей. Ренанко слушал ее с удивлением. До настоящей минуты Райуэ умалчивала об этой жуткой подробности.

Покоритель небесных просторов выслушал молча и ничего не ответил, но поклялся в душе отомстить за Пеуэна.

Теперь он знал то, что хотел разведать.

— Прощайте, друзья, скоро вы обо мне услышите.

Ньянкуль раскинул крылья и взвился в небо. Это было величественное зрелище — следить, как он подымается, как набирает высоту, сперва медленно-медленно, потом все быстрее, пока не становится крошечным пятнышком в бескрайней голубизне.

Ренанко и Райуэ бросились догонять стадо, опередившее их уже на целую милю. Через некоторое время Калель остановил поход. Необходимо было отдохнуть и поесть. Ибо отступление не должно ослабить оленей. Все окунули головы в высокую траву — проголодались.

Тревожный крик Йурери, вилохвостки, заставил их вздрогнуть.

— Что случилось? — спросил Калель с беспокойством.

— Рыжие олени идут сюда.

Самцы подняли головы и прислушались. Но, видно, те были еще далеко, потому что ничего нельзя было различить. Значит,

еще есть время. Калель распорядился, чтоб самки продолжали путь в сторону гор, тогда как самцы будут ждать здесь. Те, кто уцелеет, потом догонят их.

Так и сделалось. Оленихи удалились, впереди шли Лиуэль, Алекой, Анкамиль и Кочико.

Незаметно для подруг Райуэ стала мало-помалу отставать, пока остальные не скрылись у нее из глаз. Тогда она пустилась в обратный путь.

Когда рыжие пришельцы показались, олени Пеуэна ждали их, расположившись дугой, готовые к сражению. Калель, выйдя немного вперед, ожидал момента, чтоб подать знак.

Рыжие олени остановились. Они сразу увидели, что перед ними одни самцы.

— Вождь андийских оленей! — взревел Тор.— Я вызываю тебя на битву. Если победа будет за мной, вы уйдете отсюда очень далеко и никогда не вернетесь. Если победишь ты, я уведу отсюда своих и клянусь, что мы никогда не вернемся и оставим навсегда лок и его окрестности.

Калель не отвечал. *Они* были еще недостаточно близко.

— Ты слышал меня? — Тор выступил вперед и с ним остальные самцы.

Племя Пеуэна не двигалось с места в ожидании.

— Я вызываю тебя на поединок. Так принято среди нас.

Они приближались.

Калель по-прежнему молчал.

— Разве это не разумно? Рискуем жизнью лишь мы двое. Победивший пощадит побежденных и отпустит их с миром.

Они были уже рядом.

— Значит, ты боишься?

В это мгновенье племя Пеуэна разом сорвалось с места. Рыжие олени, не ожидавшие подобного, уверенные, что местные боятся их после поражения своего вожака, не сумели дать отпор сразу. К тому же на этот раз противники нападали сомкнутым строем. Не один против одного, как прежде, а все против всех. И соотношение теперь было два к одному и даже три к одному. И еще — бой велся впритык, и обитатели

Анд сместили линию атаки и обошли рыжих оленей сбоку.

Виник решил, что мудрее всего удалиться. Но Ренанко и Клен кинулись преследовать его. Он хотел податься в сторону, но было поздно. Они сбили его и понеслись дальше.

Тор под натиском Калеля и Линкуна упал на передние ноги и повалился на землю. Рухнули также Астур и Горр, захваченные врасплох Кетреном, Каньюмилем и Антелем, на помощь к которым сразу же поспешили Райлеф и Гура.

Испуганные самки рыжих оленей разбежались в разные стороны. Из самцов только Воден еще оставался на ногах. Но ужасные раны были ценою его боевого задора.

Калель снова собрал своих победителей, в то время как рыжие олени вставали с земли, оглушенные, так и не поняв толком, что же произошло. Когда они наконец оправились и кинулись разыскивать своих самок, их противники уже исчезли.

Калель знал, что рыжие олени сильнее и выносливее их, и предпочел отступление, предполагая, что полученный урок вынудит пришельцев прекратить преследование. Потому что, если упорствовать, это всех истощит, не оставит времени, чтоб отдохнуть и подкрепиться.

Райуэ, ликующая, устремилась навстречу Ренанко.

Теперь им казалось, что горы совсем недалёко и что там их ожидает надежный приют.

4. МЕСТЬ КОНДОРА

Поражение, унизившее гордость рыжих оленей, пошатнуло и авторитет Тора, до той поры незыблемый; вождь уже не мог считаться непобежденным, а значит, и непобедимым. Следы на теле, оставшиеся после падения, были для него болезненнее, чем для Водена его раны. Напротив, последний чувствовал свое превосходство, поскольку сражался стоя и не отступил ни на шаг. Правда, это едва не стоило ему жизни, но предпочтительнее было умереть так, чем упасть на бок, являя для всех жалкое зрелище.

Койле, серый лис, нашел их в мрачности и унынии. А Тора — раздраженным и всех избегающим.

— Что случилось?

Нет, он был слишком горд, чтоб ответить правду. Как сказать этому ничтожеству, что здешние олени перехитрили их?..

Лис был, однако, достаточный маловер, чтоб не сделать вывод, что его друзьям задали хорошую взбучку. Он заметил, что стадо не все в сборе. Некоторые самки уже вернулись. Другие держались поодаль и всем своим видом показывали, что им нежелательно дальше подчиняться власти самцов, которые не сумели сохранить неприкосновенность орды. Одни из них выказывали досаду, другие уж просто презрение, но все держали себя как-то пренебрежительно.

Лис, присев на задние лапы, наблюдал за вожаком рыжих оленей с нагловатой ухмылкой.

— Ты мне ничего не скажешь?

— Не приставай. Мне сейчас не до твоих глупостей.

Койле нарочито перевел взгляд на Водена, чьи раны еще кровоточили, и, сморщив нос, заметил:

— Существуют глупости, от которых и помереть можно, так ведь?

И поскольку Тор повернулся было уходить, чтоб отделаться от докучного собеседника, добавил:

— Все это случается с вами, потому что вы отвергаете советы тех, кто лучше вас знает обычаи и даже привычки обитателей здешних мест.

Тор остановился, внезапно заинтересованный, и обернулся к лису:

— Мы потеряли след этих оленей...

— Гм-м... Если вы примете мою помощь, я бы мог их выследить и донести вам, где и когда вы можете застигнуть их врасплох.

Это предложение вконец примирило Тора с лисом, и он увел его в сторонку. Он хотел сохранить в тайне тот план, какой они вдвоем собирались придумать. К тому же так он сможет приписать будущий успех исключительно своим заслугам, что вернет ему ту репутацию, какой он пользовался до сих пор.

— Так в чем же твоя идея?

— Совершенно ясно, что они подались в горы,— отвечал Койле со всем своим лисьим самодовольством.

При других обстоятельствах Тор просто ударил бы копытом этого выскочку, но при теперешних ему не оставалось ничего другого, как терпеть дерзости мерзкого лиса, чтоб выжать из него все, что можно.

А лис важно помолчал, а затем продолжил свою речь:

— В горах они будут в безопасности и смогут восстановить силы для возвращения.

Тор не понимал, куда он клонит, и решил выждать.

— А когда они вернутся, то окажутся так многочисленны, что вы ничего с ними не сможете поделать.

Снова долгая пауза. Но последнее соображение навело Тора на возможный след лисьей выдумки. А тот продолжал:

— И в таком случае мы должны постараться предупредить их действия. Я понятно изъясняюсь?

— Так, так...— И олень потрясал своими мощными рогами в знак согласия.

— А ты разве знаешь, как помешать им?..

— Если ты поведешь нас, то увидишь сам, что я всегда знаю, как поступать.

— Ладно. Только уж эту ночь передохнем, а то отдых нам куда как нужен. Вам еще больше, чем мне. Подождем до завтра. Утро вечера мудренее.

Тору показалась удачной и разумной мысль прекратить преследование на сегодня: оставалось мало времени, скоро начнет темнеть.

— Я выйду раньше, чтоб разузнать, где собираются провести ночь полчища Калеля. И если есть туда удобный проход, мы завтра можем неожиданно напасть на них с первым светом.

Тор едва не лизнул лиса, таковы были его одобрение и благодарность. И Койле приступил к делу с чувством полной своей принадлежности к орде рыжих оленей.

Свет, бледный уже на закате дня, вспыхивал искрами на снежных вершинах. Румянил тучи, словно в задумчивости прислонившиеся к отвесным склонам, и радужно переливался в ущельях. Койле бежал неторопливой рысцой. Для него вечерние тени были предпочтительнее любого света, как бы слаб он ни был. Ему нетрудно было отыскивать следы стада Калеля, многочисленные и свежие, и в его намерения не входило слишком уж приближаться к этим оленям. Так, не спеша, он поддерживал должное расстояние и собирался, как только стадо остановится на ночь, пуститься в обратный путь к своим покровителям.

Горы и их отроги — это владенья, где царят Ньянкуль, кондор, и Укаль, орел. Укаль всегда в дозоре. Со своей вышки на неприступной скале он господствует над милями и милями пространства, над горами и долинами, над оврагами, обрывами и кручами. Сейчас он видит, что приближается стадо оленей. Неважно, не его добыча. Но когда уж садится солнце, он заме-

чает лиса, притаившегося в кустах, словно чтоб следить за стадом. И тогда он начинает действовать. Решительно вышагивает к самому краю острого пика и раскидывает два гигантских крыла. Внезапный порыв ветра удерживает его. Сквозь налетевший шквал в стремительном полете проносится мимо него Ньянкуль, кондор, к которому Укаль чувствует давнее и глубокое почтение. Орел складывает крылья и усаживается на своей скале, наблюдая. Быть может, Ньянкуль уступит ему часть добычи.

Ньянкуль парит на большой высоте. В глазах его — жажда крови, и солнце усеяло красными искрами белое опахало на его шее. Белое, как снег.

Койле чувствует среди трав знакомый заячий дух. И те олени, и эти могут подождать. Голод — важнее. Стелясь брюхом по земле, серый лис подползает к жертве. Но в этот момент ему мерещится словно легкий треск где-то справа, и он замирает на месте.

Ньянкуль складывает крылья и камнем падает вниз. Ветер свистит все с большей силой, и земля расширяется все быстрей,

она все ближе. И когда кажется, что он вот-вот разобьется, он раскрывает крылья, и для Койле уже все поздно. Еще не увидев его, лис чувствует на своей вздыбленной спине две мощные лапы, и острые, сильные когти вонзаются в него, как клещи. И сразу же он отрывается от земли, и дикий испуг туманит его взгляд. Бездонная тишина царит в воздухе. Койле открывает глаза и видит смутно там, внизу, пятна рощ и тростниковых зарослей и меж ними — стадо оленей. Они словно и не движутся, и какие маленькие!

Внезапно Ньянкуль разжимает когти, выпустив лиса, и долгий визг ужаса заставляет поднять головы оленей Калеля. Они видят, как падает на них сверху какой-то ком из перекрученных жил и вздыбленной шерсти... Они в страхе отскакивают прочь.

Удар, глухой, короткий, тень огромных крыльев Ньянкуля кружится, кружится, и вот уже серый лис недвижным комком лежит у ног Райуэ.

5. МЕЖДУ НЕБОМ И БЕЗДНОЙ

Недвижным комком сломанных костей и рваной шерсти Койле, серый лис, тот, что навел на них чужеземцев, остался где-то позади, в распоряжении Укаля, орла... Горы становятся круче, тропа непроходимей. Калель ищет низину, защищенную от ветра, где можно заночевать. Карабкается по склону, сопровождаемый молчаливым стадом,— он издали заметил зеленый островок, над которым ласково склонились горы.

Вот он, гостеприимный приют. Наконец они достигли его. Травы зелены, так свежо зелены, что обещают быть сочными. Угасающий свет еще оставил им полоску на краю поляны, чтоб насытить их голод. Но покуда есть хоть немножко света, кто-то должен стать дозором на вершине. Ренанко вызвался первым. Калель согласен, и его сын удаляется от стада. На косогоре есть скала, словно выросшая из скалы, камень — отросток камня из тайных недр горного массива. Ренанко взбирается туда. Копыта его скользят по острым шипам, по гладким скатам, вылизанным дождем и ветром. Он медленно подымается все выше, и вот он уже на самом гребне. Отсюда видно на много миль вокруг.

Время от времени Райуэ смотрит на него. Он похож на Пеуэна, когда Пеуэн там, на озере, долгими часами вглядывался в даль над голубоватыми, глубокими водами. Долгий, холодный озноб охватывает ее... Ньянкуль, кондор, отмстил за Пеуэна. Теперь у рыжих оленей нет проводника, чтоб привести их к этому убежищу, такому удаленному от тех земель, где началась ее жизнь и любовь. Земель, где осталось столько задушев-

ных друзей... Смогут ли они когда-нибудь вернуться в те земли, как предсказывала Пайнэ, мудрая сова?...

Над головой Ренанко Укаль описывает широкие круги.

— Привет тебе, брат! — говорит он, медленно спускаясь.

— Здоровья и долгой жизни тебе, орел Укаль! — отвечает Ренанко.

Орел садится выше по склону.

— Никто не приближается к этим местам, брат олень, ты можешь быть спокоен.

— Твои глаза видят дальше, чем мои. Я верю твоим глазам.

Укаль засмотрелся на стадо, пасущееся глубоко внизу.

— Благодаря вам я хорошо пообедал, и мне еще на ужин осталось. Добро пожаловать в наши горы.

— Он был предатель...

— Возможно. Но это не испортило мне аппетита.

Ренанко молчал, и Укаль не стал продолжать разговор на эту болезненную тему. Что лис вполне заслужил подобную смерть, не было сомнений. И довольно об этом.

Первые тени предвестили то время, вяло текущее в начале и стремительное в конце, когда ночь в горах вытесняет день.

Укаль долго глядел в ту сторону, где олени. Ничего тревожного не просматривалось. Эта ночь, по крайней мере, обещала быть мирной.

— Возвращайся к своим, брат олень. Я посторожу. Ты еще успеешь поесть, пока не стемнеет. Пусть пойдет тебе впрок.

— Спасибо, брат орел.

И Ренанко стал осторожно спускаться с кручи, надеясь разыскать Райуэ и разделить с ней последний свет дня, рядышком пощипывая сочные травы.

Ночь спустилась гигантским темным покрывалом на стадо Тора. Самки, лежа на лугу, жевали жвачку. Самцы еще стояли, следуя примеру вожака, который все смотрел в ту сторону, где горы. Никто не знал, чего ждет Тор, но все понимали, что он ждет чего-то.

Ночь уже зажгла свои светильники, а Койле не возвращался.

Тор лег в траву и стал жевать жвачку. Что-нибудь, верно, случилось с лисом. Во всяком случае, утешал себя Тор, если даже Койле не вернется, план его надо выполнить. Он, Тор, сумеет. Он подымет орду еще до рассвета, чтоб напасть неожиданно. Любой ценой он должен отмстить за обиду. Потому что он тяжко переживает позор своего поражения, который для него больней, чем для Водена все его раны. И жажда мести преследует Тора, упорная и слепая. То, что какие-то слабенькие, низкорослые твари заставили глотать пыль их, рыжих оленей, никем до того не побежденных, нельзя оставить так. Калель должен заплатить своей жизнью за этот позор. И он, Тор, предводитель рыжих оленей, торжественно обещает себе не знать ни минуты отдыха, пока не осуществится месть.

Сон застигает его все в таком же напряжении и раздосадованным, вопреки собственной воле, отсутствием лиса.

Ночь уже разлила свою тишину и покой. Всё спит кругом. Нет, не всё. Деревья бодрствуют, и насекомые тоже, и летучие мыши, и совы, и жабы. Они — ночная жизнь полей, лесов и гор. Их присутствие ощутимо. А если уметь слушать, то и слышимо.

И благодаря им известно, что жизнь не останавливается ни на мгновенье. Нет в ней перерыва. Даже самого крохотного. Тор подымает голову и встает. Поздней ночью только блеск далеких звезд, тонущих в высоте, проступает слабым, легким свеченьем. Стадо спит. Подождать еще? Нет, надо собираться. Тень вершин, темным пятном врезанная в едва побледневшее небо, укажет им путь.

Олени покоряются, не зная, в чем дело. Но Тор их предводитель. Он приказывает, а прочие повинуются. В молчании орда пускается в дорогу. Тор — впереди.

Разделенные на две группы, самцы открывают и замыкают шествие. Воден идет рядом с Тором. Он несет свои раны с твердостью. Никто не слыхал от него ни жалоб, ни похвальбы. Но и он одержим жаждой мести.

Хотя еще не спала ночная роса, обильно увлажнившая почву, можно с ясностью различить запах, каким Койле пропитал травы, по которым ступал всего несколько часов назад. Так что они выбрали верный путь.

Разноголосые птичьи трели приветствуют новый рассвет. Здесь другие птицы, но ведь и они могут стать его друзьями, радуется Ренанко. Теперь к дозорной скале идет Калель. Он будет первым стражем этого дня. Если рыжие олени перестанут упорствовать в захвате новых земель, то мирное племя могло бы осесть здесь. Пастбища сочны, и в соседнем ущелье вода бьет из родника свежая и звонкая.

Тор заметил его, когда тот взбирался по кругам к скале. Он останавливает орду. Он пойдет один на сраженье с Калелем. Рыжие олени повинуются, охваченные тревогой, в то время как Тор идет вперед решительно и дерзко. Вот он свернул в сторону, пытаясь укрыться в тростниках. Порою только его красивые, мощные рога виднеются над высоченными стеблями. Если он поспешит, то, возможно, достигнет подножья скалы одновременно с Калелем.

По двум разным тропам два разных оленя приближаются к скале.

— Смотри, Ренанко! — вскрикнула в тревоге Райуэ.

И Ренанко видит вожака рыжих оленей почти у самой скалы. Слишком поздно. Уже нечего и пытаться задержать его. Сейчас важнее узнать, где орда. Ренанко быстро располагает своих так, чтоб быть готовыми к бою. Вскоре в воздухе показался Укаль. Он летит быстро, направляясь к ним.

Не опускаясь на землю, Укаль рассказывает Ренанко, в каком месте ждут своего вожака рыжие олени. Они, кажется, не собираются нападать, а скорее, ожидают в возбуждении, чем окончится поединок между их вождем и чужим токи.

Так или иначе, Ренанко не расположен допустить, чтоб их застигли врасплох. Он отводит стадо к косогору так, чтоб высокий склон мог послужить для них некоторой защитой. Только тогда он устремляет все внимание на то, что должно произойти на дозорной вершине.

Нет иного выхода, как только довериться отваге Калеля.

Два оленя сошлись грудь с грудью на широкой вершине горы. Они заперты в этом ограниченном пространстве, окруженные обрывами более ста метров глубиной. Битва будет проходить во вкусе Тора — прямым натиском. Он хорошо помнит, что он выше, тяжелее, что его рога ветвистей, и потому Калелю трудно обойти его сбоку, чтоб вонзить свои острые кинжалы.

Жребий брошен, сказал себе Калель. И быть может, так оно и лучше. Если ему удастся победить вожака рыжих оленей, то их стадо, вернее всего, уйдет из этих мест, а для своего он завоюет надежное пристанище. Но он понимает, что схватка будет не на жизнь, а на смерть. Один из них уже не сойдет с этой скалы. Тот, кто останется в живых, станет властителем судеб и победителей и побежденных.

Без всяких уловок они бросаются друг на друга. Калель быстро поворачивается, чтоб оказаться спиной к выступу горы. Но Тор замечает этот маневр, и ему удается просунуть отростки своих рогов сквозь рога Калеля. Теперь они крепко сцеплены. Тор теснит его все дальше, пока Калель не упирается крупом в твердый камень. Но от этого выступа его уже не оторвать. Теперь его черед. И Тор начинает медленное отступление.

Для зрителей — всех обитателей здешних мест, не считая двух враждующих стад,— маневр Тора совершенно ясен. Он тянет Калеля на себя, чтоб поменяться местами. Калель тоже догадывается об этом и изо всех сил старается высвободить рога. Тор клонится то вправо, то влево, следуя за движениями противника, чтоб помешать этому. Оба стоят теперь у самого края скалы.

Олени Калеля затаили дыханье. Все понимают, какая трагедия может произойти. Водену представляется, что поступок Тора — просто самоубийство. Если он не высвободит своих рогов, то вся его мощь ничему не поможет.

Калель наступает все неистовей, в то же время изо всех сил стараясь отцепить свои рога от рогов противника. Но они так накрепко сцеплены, что это оказывается невозможным. Он уступает первенство Тору. Быть может, когда тот почувствует, что занял выгодную позицию, он сам захочет разъединиться. И начинается круговращенье. Выгнутые хребты, загривки, блестящие от пота, расширенные глаза — все выражает чудовищное усилие соперников.

Внезапно один из них оступился. Копыто скользит в пустоту... Никогда не узнается, который из двух это был. И он увлекает другого. Они замирают на мгновенье, качнувшись на острие скалы, а затем падают с обрыва, так и не расцепив рогов.

Мертвящая тишина сопровождает этот кратчайший миг, полный бесконечного ужаса, в течение которого два оленя стремительно летят вниз. Глухой удар и дальше... ничего.

И долго еще оба враждующих стана стоят без движенья. Никто не хочет поверить в то, что все предчувствуют, что все уже знают.

Ренанко галопом устремляется вперед. С другой стороны Воден уже бежит туда, где простерты тела Тора и Калеля...

И они достигают подножья скалы в одно и то же время. «Если бы не мои раны,— думает Воден,— то это был бы твой последний час». Оба останавливаются за несколько шагов от своих поверженных вождей. Эта смерть победила их обоих.

6. БЕЛЫЙ ВЕТЕР

Утро, казалось, замерло на этой трагедии. Часы и часы проходили, и олени бесцельно кружились возле Ренанко, в то время как их рыжие враги, беспокойные, растерянные, не знали, что им теперь делать, куда идти без вожака, который вел их сначала к свободе, а потом — к завоеванию большого озера. Кто теперь будет командовать ими?

Ренанко знал, что времени терять нельзя. Их теперешнее убежище уже ненадежно: оно известно рыжим оленям. Не время сетовать, время принимать решение.

— Нам надо уходить отсюда. Каково твое мнение, Линкун?

— Что прежде всего мы должны избрать нового токи для нашего племени.

— Прежде всего надо, чтоб существовало племя, иначе на что нужен токи?

Кетрен и Антель поддержали:

— Ренанко говорит правду. Мы должны уйти отсюда. Они еще более растерянны, чем мы. Они думали, что Тор непобедим. Они не сразу опомнятся, чтоб выбрать нового вождя. Воспользуемся же этим промедлением.

— Воспользуемся... воспользуемся...— эхом вторили другие олени.

— Решено. Но куда мы пойдем?

— К ущелью. Попросим совета у Ньянкуля.

— Хорошо,— одобрил Линкун.

Другие самцы не нашли что возразить, и стадо двинулось в путь во главе с Ренанко.

А рыжие олени оставались все на том же месте. Тор не вернется, никогда больше не станет во главе орды.

— Чего вы ждете? — горел нетерпением Воден.

Никто не отвечает ему, никто не двигается.

— Пойдемте, вернемся туда, где лок. Нам нечего делать здесь.

Упоминание об озере, о чем-то знакомом, возвращает оленей к действительности.

— А те что же?

И беспокойство Виника передается всем.

— Мы потеряли Тора, с тебя не довольно? Пока что хватит с нас озера. Те не вернутся,— говорит Воден.

Олени оглядываются по сторонам: тех нет. Они ушли. Воден рассудил мудро.

Очень далеко и на большой высоте парит огромный кондор.

Рыжие олени снова бредут в сторону озера.

Ньянкуль, кондор, следует за мирным стадом, а Укаль, орел, выслеживает пришельцев.

Кондор медленно начинает спускаться.

— Помоги нам, Ньянкуль. Мы ищем место, где сможем жить в покое.

Кондор задумывается на мгновенье.

— Вдали от озера у вас никогда не будет покоя. Горы суровы и опасны об эту пору. Там властвует белый ветер.

— Но должен же найтись надежный приют, где можно укрыться от холода и вьюги.

— Попытаемся. Следуйте за мною.

И Ньянкуль полетел вперед, указывая путь оленям.

В том далеком теперь бору с его задумчивыми соснами родился Пеуэн, а позже — Калель, и еще позже — Ренанко. Это та земля, что любима оленьим племенем. Вечнозеленый простор, посреди которого царственно раскинулось озеро, самое большое и самое красивое, о каком только можно мечтать, голубое порой, как само небо, или зеленое, как окрестная зелень, в зависимости от капризов света. Там птицы и цветы, бобры и выдры... Как можно забыть тот край, как можно обрести покой, достигнуть вновь счастья, когда так незаслуженно, с такой болью вырвали тебя с корнем из родной почвы?!

Молчаливая вереница оленей тянется темной полосой по ущелью, залитому светом. Впереди — самки, которых ведет Лиуэль, следуя за полетом кондора. За ними — оленята, непривычно тихие и присмиревшие, и последними — самцы, прислушиваясь и приглядываясь ко всему, будь то внезапный шорох сухих листьев, или шелест зеленых ветвей, или, в потревоженном воздухе, вспышка света, который, по мере того как они продвигались вперед, становился все более белым и слепящим.

Ньянкуль парил над ними, все сужая свои круги, словно указывая на одну какую-то точку. Стадо остановилось, только Ренанко и Линкун продолжали идти вперед.

— Лучше будет вам укрыться как можно скорее. Ветер не обещает ничего доброго.

Ренанко поднялся на скалу, перепрыгнул с нее на другую. С высоты он стал вглядываться в даль. Вон ручеек спускается по теснине, постепенно расширяясь и образуя внизу нечто вроде заводи. Она заперта в высоких скалистых стенах, но они

же и служат ей защитой. Ветер проносится по их вершинам, не задевая воды.

Стадо следует за Ренанко вниз ко дну теснины. Метель застает их на самом спуске. Утро темнеет внезапно, и вот уже порывистый ветер засыпает оленей пригоршнями снега. Ньянкуль взмыл в высоту, подальше от бури.

«Назначение токи — охранять жизнь стада. Его долг — разыскать воду и пастбища...» Ренанко помнит уроки Пеуэна... И он грудью встречает ветер, налетающий ледяными порывами, словно торопится вверх по ущелью, тогда как они торопятся вниз. Снегопад застилает все впереди, хуже того — заставляет закрывать глаза, чтоб острые ледяные иглы не вонзались в зрачки. Сильный мороз словно режет неподвижный воздух. Молочная белизна разлилась кругом. И вся горная цепь теперь словно закутана шалью тумана, в то время как в растрескавшемся небе вспышки желтого света спорят со свинцовыми тенями. И вот уже завертелись вихри, осыпая тела оленей мириадами градин.

Почти ощупью, ведомые одним инстинктом, они продолжают спуск. Райуэ ступает осторожно, стараясь не оступиться: новая жизнь уже бьется у нее внутри. Какова будет судьба ее сына в этих враждебных горах?.. И она с тоской вспоминает приветную зелень долин, окружающих озеро. Неужели смерть Пеуэна и жертва, принесенная Калелем,— все напрасно?.. Ее копыта скользят по этой неверной плоскости, покрытой водою. И какая усталость чувствуется уже во всем теле! Не лучше ли было бы задержаться и обождать, пока промчится белый ветер?

Она, верно, не одна чувствует желание отдохнуть, потому что внезапно, перекрывая пронзительный свист ветра, напоминающий странный голос индейской флейты, доносится окрик Линкуна:

— Не останавливайтесь, не останавливайтесь, не то замерзнете насмерть. Вперед, вперед, нам уже близко.

И Райуэ с трудом идет дальше. Она чувствует тяжесть во всем теле, ноги не слушаются ее. Где Ренанко?.. Мало-помалу она различает своих подруг — неясные тени в тумане. Мороз

словно отпустил немного, ветер ушел выше, он теперь воет где-то над головой. Она чувствует себя получше: тусклый свет пробивается там, внизу, уже недалёко.

Стадо перестраивается на ходу, олени жмутся друг к другу, чтоб согреться. Вьюга, кажется, отступает. Однако небо еще низкое, тяжелое, темное. Оленята дрожат. Но стадо спасено. И это самое главное.

На теснину с ее мягким зеленым ковром, на кусты, на скалистые уступы накинуто чистое белое покрывало. И у себя на спине олени тоже чувствуют легкую накидку из снега.

Удалось сохранить всех. Но какое печальное зрелище!.. Разве это они? Разве это племя Пеуэна, свободно носившееся по берегам озера, по лесам, где растут сосны и араукарии, по зеленым, сочным и душистым лугам, полого спускающимся к большой воде?..

Пеуэн... Он звался индейским словом, означающим эти крепкие, высокие деревья... «И я появился на свет среди этих деревьев, и мои отец и мать родились среди них, и их отцы и матери — тоже. Как все они, я сын лесов и бездонных, дремлющих вод озера и всей этой волшебно-зеленой земли... Хочу, чтоб кости мои покоились здесь, на зеленеющем бархате склона, хочу, чтоб кости мои белелись на солнце и овевал их студеный и чистый ветер зимы...»

Ренанко как наяву слышит голос деда, такой знакомый и любимый и такой усталый. «Я чувствую, что сердце мое погружено в бездну...» И он, Ренанко, чувствует себя потерянным в этих горах. Но он жив, а дед умер. Отца тоже нет в живых. И тем не менее он уверен, он знает твердо, что Пеуэн принял бы такое же решение: отойти в горы, спасти стадо. Даже подобной ценой...

Туман закрыл своим крылом озеро, когда рыжие олени подошли к нему. И это помешало им увидеть, как разбежались при их появлении собравшиеся здесь друзья Ренанко. Они собрались по зову Аная, рыжего лиса, чтоб послать Ренанко такую весть: «Возвращайся, мы все тебе поможем». Но... Кого выбрать вестником? Кто может, не подвергаясь опасности, пересечь

просторы, где властвуют Укаль, орел, и Ньянкуль, кондор?..

Покуда они так ломали голову, к озеру вернулись рыжие олени.

— Будь они прокляты! — воскликнула Ньирэ, погружаясь.

Анай решил пойти на риск. Если пуститься в путь ночью, то могут встретиться Сахта, пума, или Науэль, ягуар; если пойти днем, то в небе бодрствуют Укаль, орел, и Ньянкуль, кондор. Но если укрываться в кустарнике или в скалах, то это легче. И он выбрал день. «Завтра, на озере, разыщу Ренанко»,— решил рыжий лис. И лег на отдых, чтоб выйти еще до рассвета.

Ему показалось, что луна подмигнула ему, словно на прощанье. Не сомневаясь более, он вскочил на ноги и пустился в путь. Это подмигиванье он счел добрым знаком... Легкой рысцой пересек лес, прислушиваясь к шумам, принюхиваясь к запахам. Пуму и ягуара почуешь сразу, но ступают они так устрашающе неслышно... Что это?.. Ему показалось или кто-то идет по следу?.. Анай остановился и огляделся кругом. Тени, начинавшие уже светлеть, рисовали странные образы между стволами деревьев. Вон тот силуэт... Или это причудливый узор сумрака?

— Слушай, охотник, кто б ты ни был...— предостерегся лис Анай.

Ответа не последовало. Лис настаивал:

— Выслушай раньше, чем напасть. Я иду искать Ренанко, оленя, чтоб сказать ему, что все мы, его друзья, хотим, чтоб они возвратились.

Тишина. Недолгая и тревожная. Затем из-за кустов вышел пума Сахта со своей серебристой Йеури.

— А почему нас должно занимать возвращение каких-то оленей?

— Может, нет, а скорее — да. Эти олени — мирные, дружественные ко всем. Вот рыжие, те напористы и нетерпимы. Кстати, вы не пробовали поохотиться на какого-нибудь из них?..

— Гм-м-м...— И Сахта облизнул себе усы.— Это неплохо... Неплохо, говорю, было бы. А, Йеури?

— Конечно, конечно. Лис прав. Отпусти его с миром.

Не теряя из виду опасную чету, Анай продолжал свой путь. Он спас только что не одну свою жизнь, и мысль об этом привела его в очень хорошее настроение.

А пумья чета предвкушала будущее пиршество. Те олени, эти олени... «Теперь, когда Пеуэн умер, договор потерял свою силу»,— думает Сахта. Договор-то заключали с Пеуэном, а не с его стадом.

А лис Анай был уже далеко. Он бежал даже не рысью, а мчался во весь опор. Он поднялся нынче раньше самих птиц и не хочет, чтоб кто-либо из них знал про его решение. Очень важно сохранить все в секрете. Ни в коем случае не надо рисковать. Если слух дойдет до рыжих оленей, то план его, в котором главное — неожиданность, может сорваться.

Лес остался позади, и свет так слаб, что только еще предвещает наступление утра. Лису снова кажется, что кто-то крадется совсем рядом. Он останавливается и нюхает ветер. Сахта, пума, догоняет его. Анай невольно отступает назад.

— Нет, нет, не бойся. Скажи своему другу Ренанко, что он может рассчитывать на нас. И на ягуара Науэля тоже. Мы поговорим с ним. Но раньше скажи мне: в чем дело?

Лис не ожидал подобного предложения, а уж тем более подобного вопроса. Надо срочно что-нибудь придумать.

— Рыжие олени завладели озером и всей его окрестностью. Я хочу предложить Ренанко, чтоб они вернулись и укрылись на полуострове, врезающемся в озеро. Там они будут в безопасности.

— Счастливого пути, друг лис.

— Спасибо.— И Анай помчался быстрее ветра.

Сахта поверил. Теперь даже Науэля можно не бояться. Они не тронут. Хоть на какое-то время оставят в покое. Это уже много...

Он преодолел самые опасные препятствия. Теперь надо остерегаться Укаля, орла, и Ньянкуля, кондора,— от них не так просто спрятаться. Потому что нельзя ведь бежать бегом и при этом все время смотреть вверх. Вот бы оказался поблизости

Манкен, сокол. Он попросил бы его о помощи. Но кто может знать, куда устремил свой полет Манкен в этом розовом рассвете?..

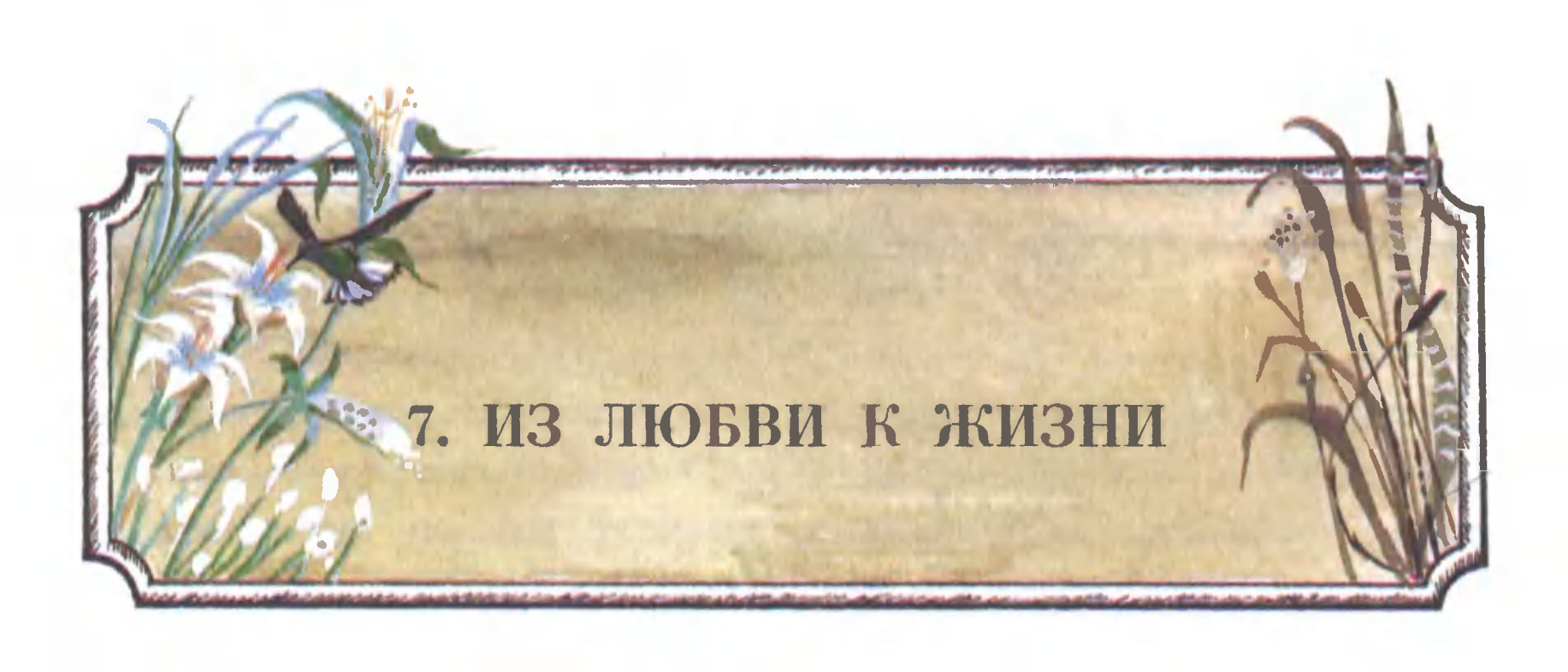
Он укрывается теперь под кустом такки, чьи глянцевые сургучно-красные цветы глядят на него, словно любопытствуя. Он внимательно всматривается в небо. Никого из крылатых не видно. Он снова поспешает вперед. Но он не спокоен. Известно, что Укаль, орел, и Ньянкуль, кондор, летают так высоко, что их не всегда вовремя заметишь. Конечно, если их тень упадет на землю, то спрятаться не трудно. Ну а если не различишь тени?..

Поскольку важнее всего дойти, пусть продвигаясь гораздо медленней, чем в обычных условиях, он идет осторожно, обдумывая каждый шаг, все время наблюдая небо, принюхиваясь ко всему вокруг.

Со своей заоблачной высоты Укаль, орел, обнаружил рыжего лиса и внимательно следит за всеми его уловками. Он еще не забыл, как пиршествовал благодаря серому лису... Недурно бы проверить, так ли вкусен этот, в другом тоне. И он бросается со скалы вниз. На мгновенье крылья его еще сложены, но вот они уже раскинулись. Свист ветра между взмахами крыльев чудесно отдается у него в ушах. Он чувствует во всей полноте свою мощь и право безнаказанно рассекать простор на такой вот высоте, с такой вот быстротою, властелином обширных пространств, раскинувшихся внизу, которыми он управляет по своему хотению, в то время как ни один обитатель земли не в силах одолеть его. И только Ньянкуль, кондор, мог бы состязаться с ним в силе, величине и власти. Но от него нельзя ждать худого, потому что отношения между ними всегда отличались дружелюбием, а с тех пор как Ньянкуль поделился с ним добычей, они сошлись еще ближе. Орел Укаль не забывает тех, кому чем-нибудь обязан, и в любой момент готов отплатить вниманием за внимание.

Он описал широкий круг над самой головой лиса. Каким маленьким и беззащитным видится тот отсюда, с высоты!

Он складывает крылья и камнем падает вниз.



7. ИЗ ЛЮБВИ К ЖИЗНИ

— Спасайся! — крикнул кто-то совсем рядом.

Лис Анай нырнул под ближайший куст. Укаль задел крылом траву и взлетел снова. Но медлил на малой высоте, описывая круг за кругом над одной и той же точкой. Сердце лиса стучало, как копыта оленя в любовном танце. Кальфуки́р, маленький ящер, который только что спас ему жизнь, глядел на него приветливо и в то же время озабоченно.

— Спасибо, брат,— с трудом выговорил Анай, когда пришел, наконец, в себя и когда сердце перестало стучать так бешено...— Если б ты не предостерег меня, я б об эту пору...

— Взлетел на небо. Но, к счастью, ты цел и невредим. Плохо то, что теперь этот Укаль не оставит нас в покое.

Оба взглянули вверх: орел все описывал круги, высматривая что-то. До того места, где начинаются отроги гор, отсюда было не близко, и Анай погрузился в размышления. Можно перебежать сначала вон за тот куст, потом за большой камень. Да, это единственный способ продолжить путь, не попав в когти Укалю. Ах, если б можно было рассказать орлу о цели этого путешествия! Он наверняка знает, как отыскать стадо...

Он дружески простился с маленьким ящером.

— Нелепо рискуешь жизнью,— высказался Кальфукир.

Но лис знал, что не нелепо. Он был твердо убежден в том, что защищает правое дело.

— Постараюсь отвлечь его внимание, пока ты не скроешься,— мужественно предложил маленький ящер.

Как отблагодарить за такую услугу? И лис пустился наутек.

Укаль заметил его сразу, но обратил внимание также на ящера, греющегося на солнце, и подумал, что гораздо легче будет схватить этого, поскольку лис, естественно, ловчей и увертливей. И он устремился на ящера. Кальфукир не стал особенно ждать его приближения и юркнул в траву луга, раскинувшегося вокруг кустов дикого винограда. Укаль в бешенстве улетел прочь, чувствуя, что его снова надули. И, не подымаясь высоко, летя почти над самой землей, устремился вслед за лисом.

— Послушай, Укаль, выслушай меня раньше, чем нападать,— крикнул ему Анай, высунув свое острое рыльце из-за колючего куста.

Укаль, удивленный, начал кружить вокруг куста, где укрылся лис.

— Я иду искать Ренанко, оленя.

Укаль не особенно поверил этим словам. Это, по всей вероятности, какая-то хитрая уловка. Обычные лисьи штучки — пытается свою шкуру спасти. Но в конце концов, почему не выслушать? А затем можно съесть... Он опустился на большой камень, выбранный лисом как мета для второй перебежки. Это отрезало лису путь вперед. Но он находился слишком далеко от орла, чтоб быть услышанным. А если выйти из-за куста, то, в случае чего, уж не успеть спрятаться где-нибудь. Да и поверит ли орел?.. Снова надо рисковать. Он пошел к большому камню медленным шагом, чтобы заметить малейшее движение орла. Но орел не двигался. Можно, конечно, предположить, что он нарочно подпускает ближе... Маневр охоты... Так или иначе, подумал лис, но жребий брошен. И он продолжал идти вперед. За несколько шагов от большого камня лис остановился.

— Мы все, обитатели озера и лесов вокруг озера, готовы помочь оленям вернуться в эти края. Я ищу Ренанко, чтобы сказать ему об этом.

Укаль вонзил свой взгляд в лиса, и Анай почувствовал, как дрожь пробежала у него по телу. Нет взгляда более холодного, более зоркого, более грозного...

— Как ты думаешь, стал бы я рисковать попасть к тебе

в когти, если б это не была правда? — И лис присел на задние лапы, ожидая, как решит Укаль.

Орел раскинул крылья, и лис распластался по земле: уж не пришел ли его последний час?..

— Я укажу тебе путь к оленям.

Анай вскочил, не зная, чем и выразить свою огромную радость. Укаль полетел прямо-прямо, в сторону гор. Лис бежал, следуя за тенью гигантской птицы, которая скользила по земле, подобная огромной бабочке.

Жестче становился дерн и тверже каменистая почва, по мере того как они приближались к косогору. Тропа, все более неровная, все круче вилась вверх.

Укаль увидел его первым, и это спасло лиса: Ньянкуль, кондор, заметивший с огромной высоты своего полета рыжее

пятно средь зелени, уже готов был упасть на добычу, когда орел, описывая в воздухе спираль, поднялся к нему и остановил нападение. И Ньянкуль, из любви к Ренанко ставший покровителем оленей, полетел вперед, чтоб определить обиталище стада и указать затем Укалю.

Ведомый и оберегаемый птицами, господствующими в этих горах, Анай, рыжий лис, достиг ущелья, где паслись олени. Ньянкуль и Укаль опустились неподалеку на два пика, с которых властно обозревали широкие просторы.

Олени столпились вокруг Аная.

— Привет вам, братья!

— Добро пожаловать, друг лис!

Ренанко и Анай находились в центре круга. Некоторое время стояла тревожная тишина, потому что было очевидно, что визит лиса, прибывшего в сопровождении Ньянкуля и Укаля, для которых в обычных обстоятельствах лисы — всегдашняя добыча, имел прямое отношение к ним, оленям племени Ренанко. Все взгляды были устремлены на лиса, все уши ловили малейшее его слово.

— Мы, обитатели озера и лесов, готовы сражаться рядом с вами, чтоб вынудить рыжих оленей покинуть эти места, и тогда вы сможете вернуться и жить там среди нас. Потому что нельзя поручиться, что они не станут продолжать свое наступление и, изгнав вас, не пойдут и на другие звериные народы. Так что мы воюем и за вас, и за себя самих.

Значит ли это, что пробил час ставить под удар все племя в последнем бою не на жизнь, а на смерть?.. А та помощь, что предлагает Анай, склонит ли она судьбу в их пользу?..

— Мы должны принять решение сообща,— начал Ренанко,— потому что каждому из нас придется рисковать жизнью. Помощь, которую ты нам предлагаешь, побуждает нас к действию и возбуждает в нас чувство благодарности; но кто в действительности пойдет против рыжих оленей?.. Выдры и бобры не вступят в борьбу вне своего обиталища, то есть воды. Почти все представители крылатого народа очень маленькие. Что они могут сделать с этими рыжими великанами? А в чем может со-

стоять помощь белок и шиншилл? Вот вы, лисицы, действительно можете быть очень полезны... Тут надо пораздумать,— заключил Ренанко.

— Добавь к тем, кого перечислил, чету пум, Сахту и Йеури, и ягуара Науэля.

— Эти-то хотят нашего возвращения, чтоб потом съесть оленят,— заметила Лиуэль.

— Да, такая помощь опасна,— признал Линкун.

— Мы не можем ее принять,— рассудил Антель,— потому что пумы и ягуары — природные наши враги.

— Никакого уговора с ними быть не может,— сказала решительно Алекой, мать Райуэ.

Анай впал в уныние. Он понимал опасливость оленей. Смерть Пеуэна и потом Калеля ослабила стадо. Но он был уверен, что, если все звери будут действовать сообща, победа останется за ними.

— Нас много, друзья. Подумайте-ка, что произойдет, если целая туча попугаев обрушится на одного их оленя... Разве он не станет тогда легкой добычей для любого из ваших самцов? Что сможет сделать самый сильный из рыжих оленей, если дюжина лисиц вцепится ему во все четыре ноги?..

Самки дружно кивали головами, в восторге от возможности вернуться в родные места. Их беспокоило, что их будущие дети могут появиться на свет в этих горах. Они опасались жестоких зим, холодных снежных массивов между скалами, белого ветра и беспощадных вьюг.

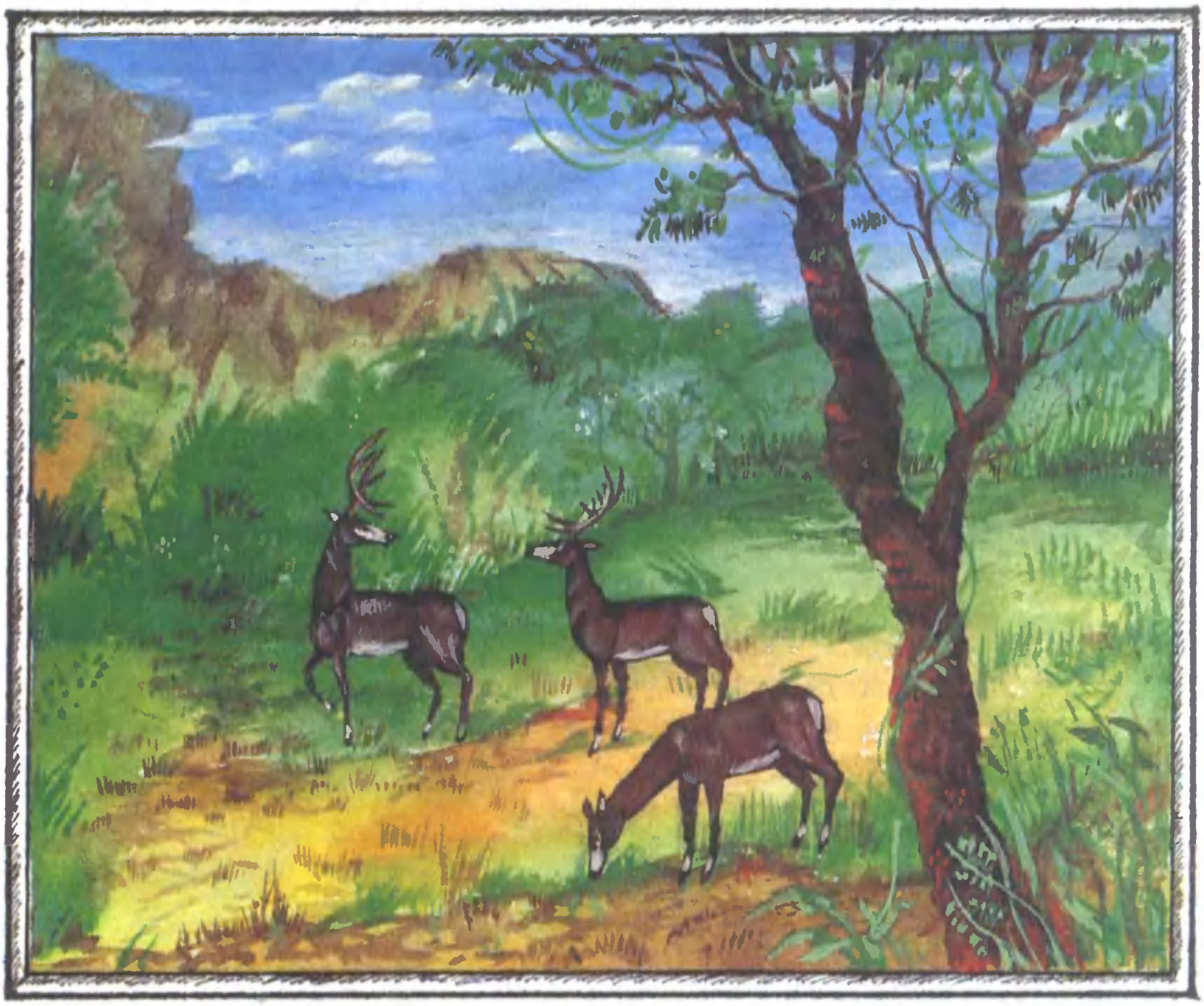
— Слушай, брат Ренанко,— это был голос Ньянкуля, и все подняли глаза к вершине скалы, на которой сидел кондор, могучий и величавый.— Я соберу кондоров, и мы все разом набросимся на рыжих оленей.

— Можешь рассчитывать также и на поддержку всех орлов этих мест,— пообещал Укаль.

Это была решающая сила. Как смогут рыжие олени защититься от нападения орлов и кондоров?..

Ренанко кликнул клич, заставивший всех содрогнуться:

— Сразимся!



— Сразимся! Сразимся! — повторило за ним все племя.

Анай даже подпрыгнул от радости. Он-то ни на миг не сомневался, что силы стольких, больших и маленьких, сложенные вместе, приведут к победе. Могущественные рыжие олени должны будут уйти в другие места. Большое озеро снова станет средоточием счастливой жизни, как было во времена Пеуэна.

— Братья наши Укаль и Ньянкуль, летите собирать орлов и кондоров. А ты, дорогой наш Анай, беги сообщить всем обитателям озера, что племя андийских оленей двинулось в поход.

Укаль снялся со своего пика и вскоре превратился в черную точку вдали, над белыми маковками гор. Ньянкуль бросился вниз, потом раскинул два огромных крыла и исчез в глубине длинного ущелья. Анай попрощался с оленями и бегом пустился в путь.

Ренанко собрал самцов стада:

— Нас немного, но благодаря помощи наших друзей мы станем непобедимой силой. Кроме того, у нас нет выбора. Какие могут быть колебания между жизнью в плену у этих враждебных гор и свободой на берегу большого голубого озера?!

Самцы ответили глухим ревом, словно возникшим из самой глубины их существа, и племя Ренанко двинулось в поход.

Самцы впереди, затем оленята и под конец — оленихи.

Вернуться. Снова смотреться в сверкающее зеркало большого озера, снова обрести веселую дружбу Мури и Марай, верную привязанность Некуля, колибри, Пичи, вьюрка, Ньирэ, выдры, и бобра Койпу... Высматривать в глубинах душу озера, где отражены образы Пеуэна и Калеля, любоваться цветами мутисий, сверкающими, как красные солнца, отдыхать, растянувшись снова на нежном мохе, жуя жвачку и радуясь ясному дню... Сердца оленей забились веселее, и переход стал им казаться легче.

Над стадом парят в небе плотным строем кондоры, предводительствуемые Ньянкулем, а за ними, немного поодаль, летят в сторону озера орлы. Соколы тоже под командой Манкена направляются туда из своих далеких убежищ в самых недоступных местах крутых обрывов.

Анай мчится вскачь, несмотря на всю свою усталость. Да он сейчас и не чувствует ее. Напрямик по открытой местности, уверенный, что никто его не тронет... Уже много часов, как он не ест, не спит, но что из того!.. Он должен достичь озера раньше, чем олени Ренанко. Крылатый народ поможет ему созвать лисью общину, а при содействии таких, как Мури и Марай, да еще зайца Пеньи, они весь лес подымут на ноги. Всех надо оповестить, всех! Разумеется, кроме пум и ягуаров. Серых лисиц тоже не нужно. И страусов-нанду: слишком глупы, к тому ж болтуны изрядные, таким лучше не доверяться. И надо предупредить Калльву, сороку, чтоб на сей раз не трещала особенно. Чем больше осторожности, тем лучше.

Вот вдалеке блеснуло озеро, и Анай, с сердцем, полным непонятного волнения, замедляет свой бег. Он должен подойти

незамеченным. Нельзя, чтоб рыжие олени увидели его. Надо обойти стороной и разыскать в первую очередь сороку. А то она своей болтовней может все испортить...

Воден, который встал теперь во главе орды, благодаря тому, что никто из юных не одолел его в поединке, несмотря на его еще не зажившие раны, с беспокойством нюхает воздух. Что-то непонятное происходит сегодня. Он сам не знает что. Но ему кажется, что слишком уж все спокойно и тишина кругом стоит необычная. Куда подевались птицы?.. Не видно ни одной. Порою у него создается такое впечатление, что они, рыжие олени,— единственные обитатели всей округи. И, однако, он знает, что это не так. Потому что к ощущению, что они здесь одни, примешивается другое — что за ними наблюдают.

Сколько б ни нюхал воздух направо и налево, сколько б ни вслушивался, наставив уши и поворачивая голову во все стороны, Воден не может уловить ни малейшего знака, выдающего чье-либо тайное присутствие. Или эти опасения возникли у него как раз потому, что никакой враждебности они здесь не встретили? Ему не хочется пугать стадо, но он понимает, что следует принять какие-то меры, чтоб оберечь его, даже если потом они окажутся излишними. Возможно, он ошибается и все эти страхи — пустое воображение, возбужденное повышенным чувством ответственности, каким и должен обладать тот, кто ведет стадо. И он решает действовать. Он располагает самцов так, чтоб они заслонили самок, а те, в свою очередь, держали возле себя оленят. Актон недоволен. В чем дело? Почему нельзя поесть спокойно? На каком это основании Воден вдруг располагает всех самцов так, словно ждет сражения? Боится невидимых врагов, что ли?

Анаким покорно повинуется, и молодые, Виник, Астур и Горр, поступают так же. Если Актон не расположен уважать приказы Водена, пусть оспаривает у него власть над стадом. Но пока командует Воден, все должны подчиняться ему.

Время идет, и нет какого-либо определенного признака опасности, подстерегающей рыжих оленей. Даже сам Воден

начинает убеждаться, что его сомнения и страхи излишни.

И бдительная настороженность, какую он навязал всем, невольно ослабевает. Самцы снова разбредаются по лугу, чувствуя себя в безопасности. Тор погиб в роковой схватке, но, кроме него, в орде не было потерь. Ни ягуар, ни пума не решились напасть на них. Чего же бояться и кого? Нет, действительно, в этой земле, где они нашли лок с его многоводьем, с его лугами и лесами, нет у них соперников и некого остерегаться.

Местные олени укрылись в самом сердце гор и без Пеуэна, без Калеля не отважатся на новую схватку. А если отважатся, тем хуже для них.

8. ВОИНСТВО ЗЕМЕЛЬ КОМАУЭ

Как плеск воды в низинах между скалами, шум то нарастал, то гаснул, вновь усиливался и вновь слабел, чтоб сразу же возобновиться с глухим гневом, словно ветер бури, беснующийся средь сосен... Ренанко и его племя, сопровождаемые верными друзьями, приближались к границам законных своих владений.

Казалось, эта земля, до той поры такая мирная и приветная, внезапно от края до края пришла в движенье... И не только земля, но и воздух... Свет развевал свои знамена над сосновыми лесами, пробегал огненными вспышками по стеблям копиуэ и скользил по дрожащей траве. Рыжие олени не понимали, что происходит, но угадывали, что кто-то или что-то приближается к ним. Самцы встали плотной стеной навстречу этому странному вихрю... Вот они! Олени Пеуэна!!!

Над головами самок и детенышей появилась с пронзительным криком огромная туча птиц — цапли, бакланы, попугаи, сороки, колибри, вьюрки, вилохвостки... И между их копыт забегали лисы, ящеры, броненосцы... Насмерть перепуганные, рыжие оленихи со своими оленятами обратились в бегство.

Кондоры, соколы и орлы уже набросились сверху на самцов, преследуемых с земли полчищами рыжих лисиц. Острые когти и мощные клювы, беспощадные удары и безжалостные укусы гнали их все дальше и дальше, и они бежали прочь, обезумевшие, не в силах спастись от кровожадного преследования кондоров во главе с Ньянкулем, орлов под командой Укаля, соколов, направляемых Манкеном.

Андийские олени приближались. Ренанко, Кетрен, Линкун, Каньюмиль, Гура, Клен, Райлеф и Антель неслись галопом друг за другом.

И в первый раз в жизни пришельцы узнали, что такое страх. Измученные тревогой за своих олених с оленятами, оглушенных налетевшими птицами и в страхе разбежавшихся кто куда, преследуемые и сами толпой крылатых хищников, взбудораженные криками их спутников-турпиалов в красных курточках, они совсем растерялись и почти лишились рассудка. Некоторые останавливаются, дрожа, не в силах двинуться с места. Другие, помоложе, как Астур и Горр, не знают, что делать дальше. Актон пытается спастись от лисиц, затеяв поединок с Ланту, самым старым из враждебного племени. Воден по-прежнему тверд и готов ответить на любой вызов. Анаким и Виник намерены, кажется, поддержать его.

Олени Ренанко бросаются в бой с упрямой решимостью, какой так не хватает их противникам. Воден падает, истекая кровью, под ударами Ренанко, бок о бок с Ренанко бьются его друзья-ровесники: Клен, Антель и Гура... Астур и Горр решили спасаться бегством. Виник и Анаким, отчаявшись при виде того, какая судьба постигла их предводителя, поворачиваются спиной к нападающим и отказываются от схватки. Актон сплелся рогами с Линкуном, но лишь на короткое мгновенье: Антель ударил его в бок, и рыжий олень рухнул на землю.

Паническое, беспорядочное бегство... Ренанко останавливается и трясет рогами. Остальные самцы останавливаются вслед за ним.

— Пусть уходят! — таков приказ токи.

— А если они вернутся? — сердится Анай.— Надо теперь же с ними покончить!

— Они не вернутся... Они уже знают, что против нас всех вместе они бессильны. Нам не нужна их жизнь, нам нужна эта земля, которую они не сумели разделить с нами.

Рыжие олени бежали вспять по тому же пути, который указал им некогда Койле, серый лис.

Ньянкуль, кто знал, откуда они пришли, расположен,

сдается, заставить их бежать до того самого места. Орлы, подчиняющиеся только Укалю, продолжают преследование.

Где же спасительный лес?.. Без вожака, распавшись на беспорядочные группы, охваченное паникой стадо бежит все дальше. Убедившись, что большие птицы только преследуют их, но не нападают, Адар, мать погибшего Тора, вдруг успокаивается. После долгих усилий ей удается встать во главе олених с оленятами, которые чуть не падают от усталости, измученные бегом и ужасом, охватившим их с той минуты, как орлы, кондоры и соколы лавиной упали на орду с неба. Адар мчится галопом то к одной группе, то к другой.

— Туда, туда, к лесу...

Ньянкуль, кондор, замечает ее маневр и камнем падает на спину Адар. Его огромные крылья бьют по ребрам оленихи, которая вот-вот рухнет на землю. Но Ньянкуль не добивается ее гибели, ему важнее вернуться к Ренанко и его друзьям, чтоб отпраздновать с ними общую победу. Он снова набирает высоту и берет курс к озеру. Там, внизу, побитые рыжие олени бегают, разыскивая своих самок и детенышей. Поражение их непоправимо, потому что никогда уж больше ни Воден, ни Актон не смогут присоединиться к ним.

Укаль приказывает орлам прекратить преследование и возвращаться. Одни только соколы еще летят вслед за рыжими оленями, чтоб удостовериться, что те уходят очень далеко. Вот они достигли леса вблизи реки Лимай и там сделали привал. Быть может, необходимость найти воду поведет их к озеру Трафуль. Возможно, крах орды заставит их растянуть свой путь до самой провинции Ла Пампа. Но они не вернутся, это твердо. Теперь и Манкен со своими соколами тоже решает лететь к озеру. К тому самому озеру, от которого однажды отправился разузнавать, где находятся чужеземные олени.

Воды озера, светлые, спокойные, глубокие, отражают полет птичьих стай, кружащихся над ними на малой высоте. Весь крылатый народ участвует в празднестве, расположившись в небесах кто ниже, кто выше. Надо всеми парят в воздухе кондоры, под ними — орлы, потом — соколы, и уж почти над рогами

племени Ренанко, собравшегося на берегу, колибри, вилохвостки, попугаи, бакланы, цапли, вьюрки, турпиалы непрестанно летают туда-сюда, с шумом, с криком, веселые и общительные. А выдры и бобры выражают свою радость, ударяя лапами по воде и обрызгивая Ренанко и Райуэ, чьи копыта давно уже погружены в прохладную воду озера.

Мури перескакивает со спины Лиуэль на круп Кочико, Марай строит гримасы, сидя на отростках рогов терпеливого старого Линкуна. Пайнэ, сова, открывает и закрывает в знак одобрения свои глазищи, которые сегодня кажутся еще больше, чем всегда. Калльву, сорока, не перестает громко вещать на все четыре стороны:

— Олени Ренанко вернулись! Олени Ренанко вернулись! Глядите на внука Пеуэна!

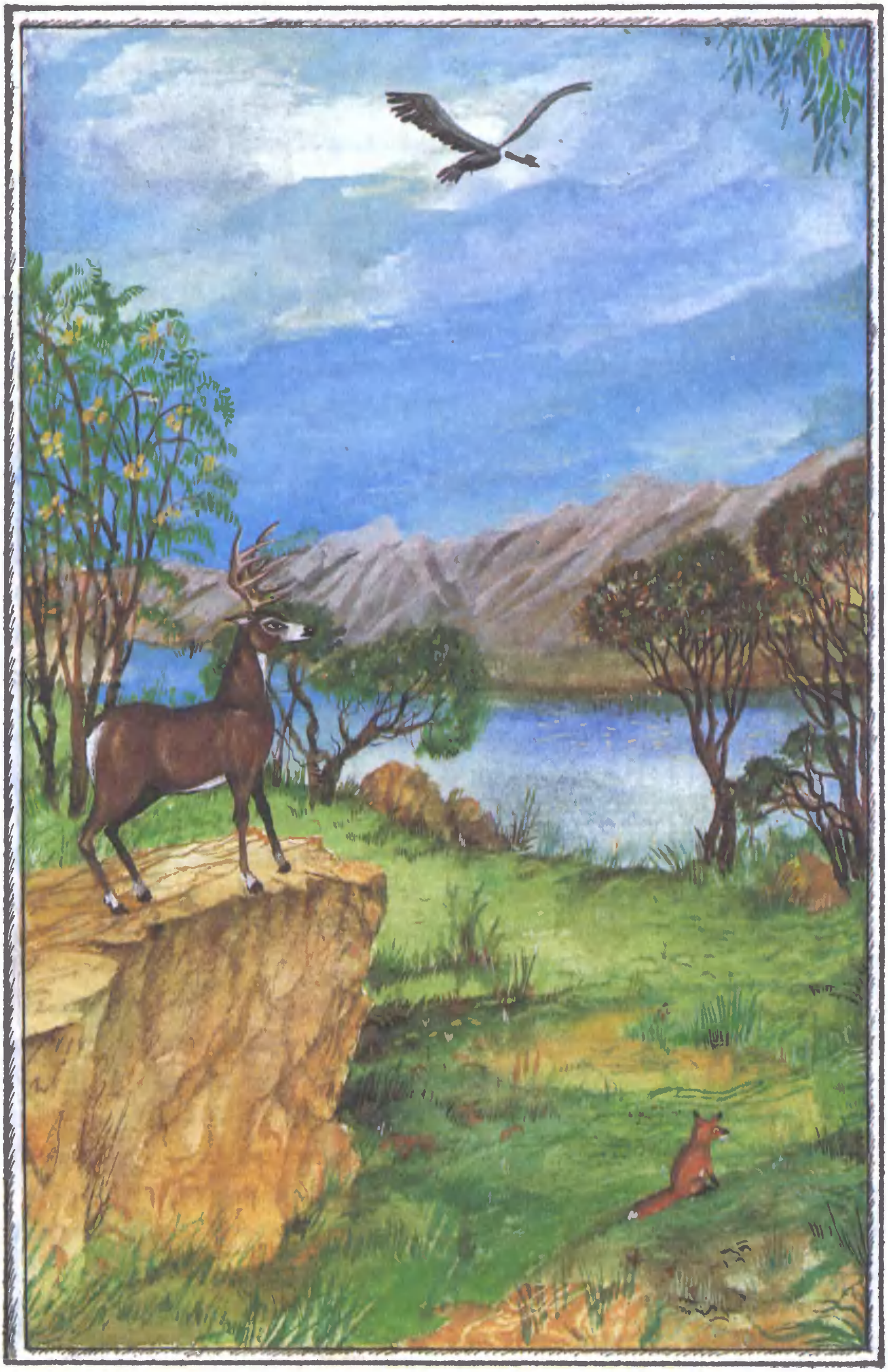
Чорой, попугай, выделывает в воздухе курбеты и кричит во всю силу своих легких:

— Рыжие олени ушли, рыжие олени ушли, мы их заставили утереться!

Некуль, колибри, остановился в воздухе, словно повиснув на невидимых лианах. Он держится будто и не на крыльях, а на вспышках света. Пеньи, заяц, прыгает вверх на такую высоту, что просто не верится, и так прыжок за прыжком, будто у него вместо лап пружинки. Кальфукир, маленький ящер, не отходит от Аная, рыжего лиса, которого он спас от когтей Укаля, когда Анай спешил в сторону гор, разыскивая Ренанко и его стадо.

Жизнь, кипящая вокруг, словно помолодила древнюю душу озера. Посреди этого взрыва восторга одно лишь растроганное молчание оленей напоминает о Пеуэне и о Калеле. Ренанко ищет их образы в глубине вод. Потому что, если верить Ньирэ, именно там остаются те, кто любил это озеро и готов был отдать жизнь за жизнь, если верить, что жить — значит идти к завершенью всех мечтаний. Их жизни пустили глубокие корни в этой земле, возле этого озера. Ренанко чувствует, что и он незримыми нитями связан с нею.

Пеуэн и Калель воспитали его в любви к этой земле, чьими соками питалось само их существованье, и за нее, из-за



неизбывной любви к ней они и погибли. И сейчас настала минута искупления их жертвы.

Долгий, протяжный зов Ренанко был повторен всеми самцами племени:

— Мы вернулись, Пеуэн, мы снова здесь, Калель, и здесь мы останемся навсегда.

И словно закипели воды великого озера.

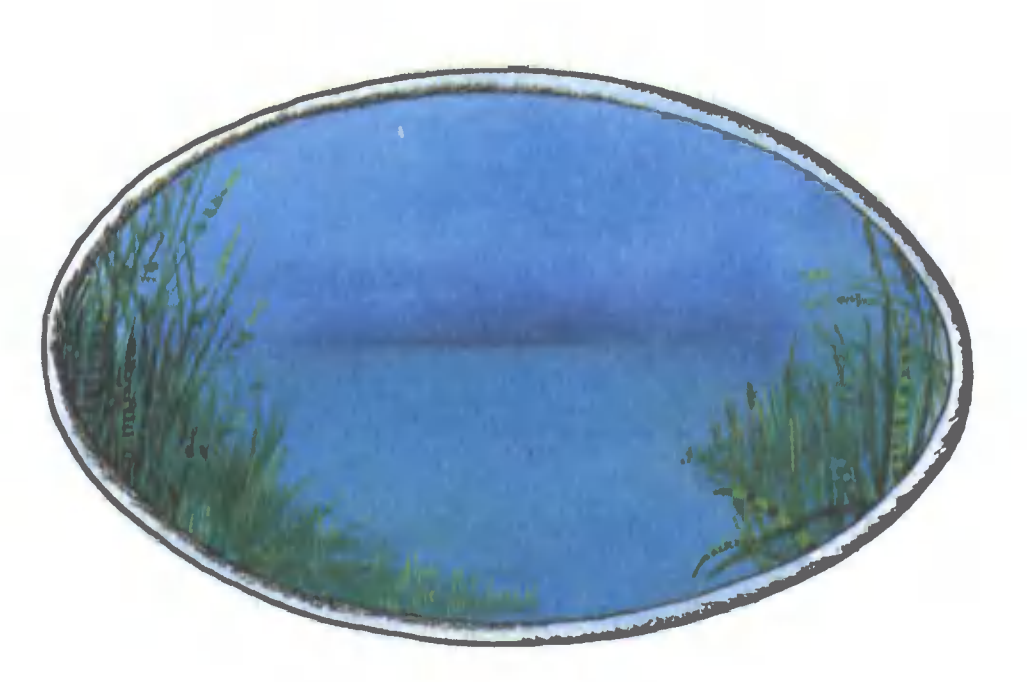
Ренанко попросил Аная сопровождать его. Он взобрался на скалу, с которой Пеуэн так часто обозревал величественную панораму озера Науэль Уапи, и долго стоял в молчании.

— Спасибо, друзья. Мы, олени, благодарный народ. Мы никогда не забудем того, что вы сделали для нас. И если когда-нибудь кто-нибудь вздумает угрожать народам, населяющим великое озеро, его леса, поляны, горы и нагорья, мы придем к вам на помощь. Клянусь!

Все оленье племя повторило клятву.

Ренанко наклонился к Анаю и ласково дотронулся до него своей мягкой губой. Лис своим уменьем и умом способствовал их новой встрече с родными местами, и Ренанко чувствовал себя неразрывно и навсегда связанным с ним.

И ему почудилось, что из глубины вод, голубых, как небо, образ Пеуэна, подняв свою благородную голову, говорил ему: «Ты хорошо поступил, Ренанко. Ты — храбрый токи, достойный своего народа».



ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I. ПЛЕМЯ ПЕУЭНА

1. Дед Пеуэн 6
2. Лиуэль 13
3. Марай, белка 17
4. Ягуар в засаде 22
5. Тайны озера 27
6. Душа озера 39
7. Призрак Шайуэкена 50
8. Ньянкуль, кондор 56
9. Пора любви 61
10. Таинственная весть 67

Часть II. РЫЖИЕ ОЛЕНИ

1. На холодных вершинах 78
2. Западня 85
3. Прощание 91
4. Травяное море 95
5. Бегство 104
6. Поединок 115
7. Открываются новые дали 120

Часть III. ПЛЕМЯ РЕНАНКО

1. Первая встреча 124
2. Великая битва 132
3. Память о Пеуэне 142
4. Месть кондора 150
5. Между небом и бездной 156
6. Белый ветер 163
7. Из любви к жизни 172
8. Воинство земель Комауэ 181

Литературно-художественное издание

ДЛЯ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

МУРИЛЬО Хосе,
РАМБ Ана Мариа

ПОСЛЕДНИЕ ОЛЕНИ ЛИД

Повесть-легенда

Ответственный редактор
Т. П. Владимирская

Художественный редактор
В. А. Горячева

Технический редактор
И. П. Савенкова

Корректор
Л. А. Рогова

ИБ № 10029

Сдано в набор 29.10.87. Подписано к печати 27.04.88. Формат 60×84 1/16. Бум. офс. № 1. Шрифт бодони. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,16. Усл. кр.-отт. 46,04. Уч.-изд. л. 9,66. Тираж 100 000 экз. Заказ № 7291. Цена 1 р. 50 к.

Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

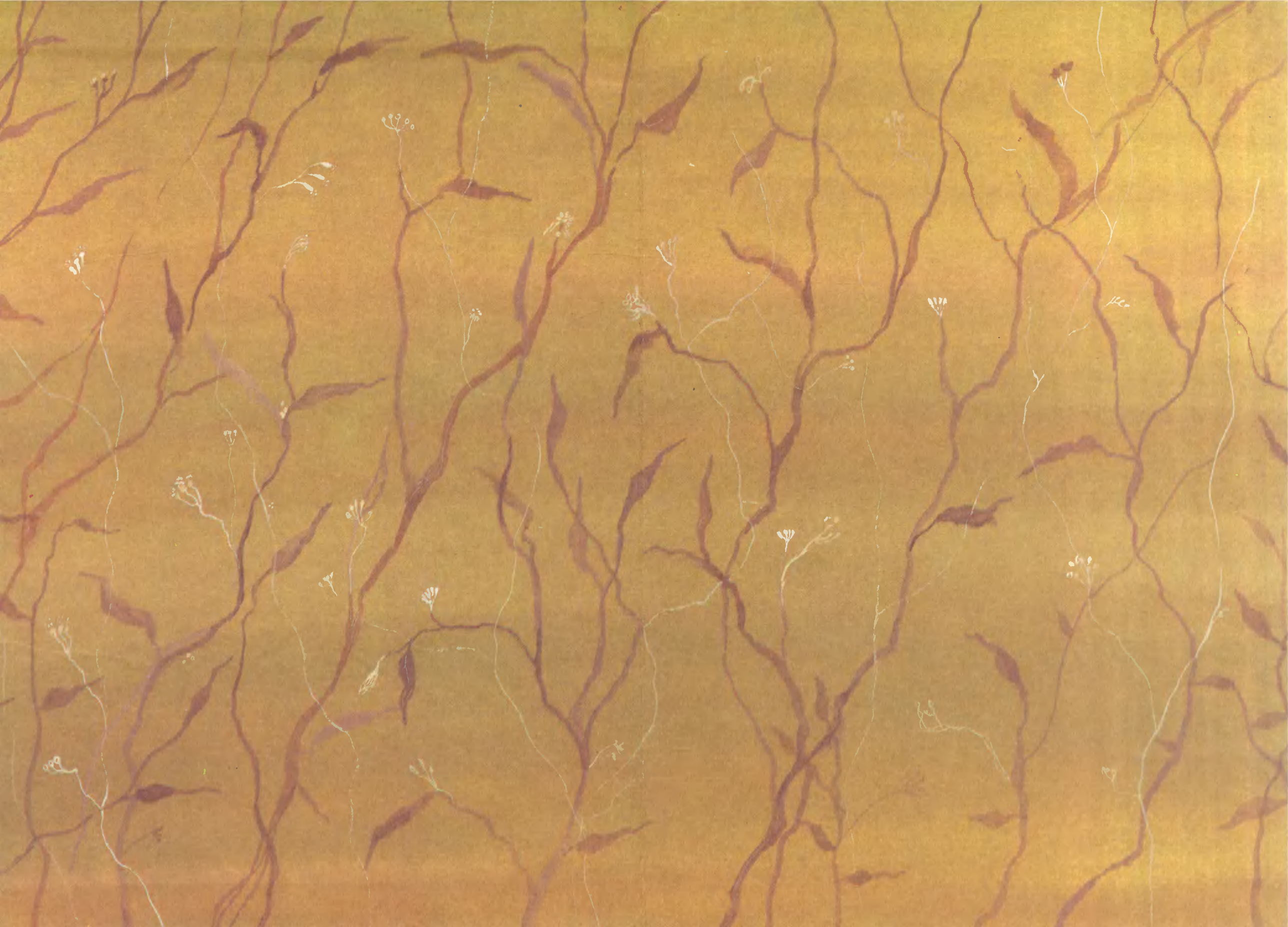
Мурильо Х., Рамб А. М.

М91 Последние олени Анд: Повесть-легенда / Пер. с исп. Инны Тыняновой; Худ. В. Кафанов, А. Шелманов.— М.: Дет. лит., 1988.—190с.: ил.

ISBN 5 – 08 – 000802 – 4

Сюжет повести строится на столкновении двух оленьих племен. На исконных обитателей Анд нападают воинственные пришельцы — племя пятнистых оленей. В разыгравшейся битве на защиту притесняемых встают все жители чащи, и завоевателям приходится отступить.

М $\frac{4803020000-336}{М101(03)-88}$ 466 – 88 ББК84.7Ар



1 р. 50 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»